

Михаил КОЖАЕВ

**В КОЖАЕВСКОМ
МИРЕ ЦЫГАН**

Том 2

2022

Кожаяев М. В кожаяевском мире цыган / Фантазийно-автобиографический роман.

Том 2. Тула: Издательский кабинет «Пеликан и ёж», 2022. – 230 с.

... Это книга о том, что в жизни всё происходит так, как мы сами вымысливаем свою судьбу. А другой жизнью пусть живут персонажи книг.

© Михаил КОЖАЕВ, текст, 2020 – 2021

© Екатерина КОЖАЕВА, обложка, 2022

Продолжение последовало!

Глава 40

Велосипед в светлое будущее

На часах была полночь, когда у полицейских до меня наконец дошли руки.

– Итак, Кожаев Михаил Михайлович, – старший сержант зачитал мои данные из паспорта. – Ну и зачем, Михал Михалыч, вам потребовалось красть велосипед у Дмитрия Сергеевича?

Паренёк сидел на лавочке поодаль, в то время как я был вынужден отвечать из-за решётки камеры полицейского участка.

– Я не крал – я пытался его вернуть, потому что это *мой* велосипед!

– Он врёт, – скромно подал голос потерпевший. – Я купил его этим летом в магазине.

– В магазине? – я действительно удивился такому повороту. – Зачем, Дмитрий Сергеевич, вы обманываете следствие? Сказали бы честно: купил с рук. Потому что в магазине вы его приобрести никак не могли – и я это докажу. Послушайте, пожалуйста, товарищ старший сержант. Во-первых, на вилке с левой стороны есть вмятина – я однажды упал в лесу на корягу, и там остался след. Я по нему и узнал свой велосипед. Во-вторых, задняя камера – чиняная. Если вы разбортируете колесо – вы увидите, что там приклеена резиновая вставка размером с пряжку от ремня. А главное – в-третьих. Чтобы распознать велосипед в случае угона, я написал бумажку со своим именем и телефоном, положил в пакетик и засунул в стойку седла. Если вы сейчас отвернёте сиденье и перевернёте велосипед – эта бумажка выпадет.

Старший сержант посмотрел на коллегу, затем на потерпевшего, потом – на меня, дважды, и подошёл к предмету спора. Снял седло и перевернул велосипед. Ничего не произошло. Полицейский посмотрел на меня в третий раз, с выражением: вот и верь после этого людям. Поставил велосипед обратно. Второй дежурный подошёл с фонариком и осветил внутрь полости.

– Слушай, а там, действительно, что-то есть. Погоди.

Он отошёл к столу, достал длинный кусок проволоки и согнул её на конце крюком. Пару раз сунул внутрь и вытащил маленький полиэтиленовый свёрток. В нём была скрученная бумажка с надписью: Михаил Кожаев, +7-920-275-44-69.

– Гм, имя его! – сверился он с моим паспортом. И достал телефон, чтобы проверить номер.

– А, подождите, не звоните! – запротестовал я. – У меня был этот номер, но уже полгода, как я им не пользуюсь. Меня стали донимать коллекторы по долгу моего знакомого, и я отказался от него.

– Не в сети, – сообщил дежурный.

– Пробей-ка по базе, – предложил старший сержант.

Спустя полминуты помощник сообщил:

– Кожаева Ольга Александровна.

– Это моя мама! – в очереди доказательств я никак не мог поставить очевидную точку – всё время получались запятые. – Фамилия ведь та же – Кожаева. Посмотрите у себя: место рождения – город Плавск, родилась пятого сентября 1959 года. Ведь верно, правда?

– Верно, – признал полицейский.

– Ну вот, – я перешёл в нападение. – Значит, не мог он купить велосипед в магазине. Потому что это я его купил в магазине – и не этим летом, а года три назад. Посмотрите по шинам – на них выбиты неделя и год выпуска. Если бы он в этом году покупал – стоял бы нынешний год. Было бы странно, если бы на новом велосипеде стояли шины трёхлетней давности, правда?

Полицейские и тут полезли проверять.

– Гм, действительно.

– Вот и получается: украли у меня – я даже могу сказать, где и когда, – а парень купил с рук. А если он через «авито» искал, то и на продавца можно выйти в два счёта. Как вам такая перспектива, господа полицейские? Кража и сбыт краденого – это же уголовная статья, верно?

– Эй, да вы чего! – паренёк, который до этого молча слушал, сжав губы, теперь затрясся. – Какие статьи! Я просто купил велик у знакомого за пять тысяч!

После этого признания стало окончательно ясно, что к чему. Но полицейские думали уже совсем о другом – о перспективах дела.

– Да подожди ты! – оба сотрудника, не сговариваясь, махнули на него рукой. Но тут один уточнил у парня:

– Ты у знакомого покупал?

– Нет, в интернете объявление нашёл.

– Вы созванивались?

– Да, я ему позвонил и мы договорились встретиться.

– Деньги наличными передал или на карту скинул?

– Наличными.

Повисла пауза, которую я нарушил неожиданно даже для себя.

– Бли-ин, вот я тупой олень! – Я смачно хлопнул себя по лбу. – Посмотрите, пожалуйста, есть ли на переднем колесе датчик скорости? Такой металлический кругляшок, который закреплён на спице?

Я по-прежнему вещал свои идеи из клетки камеры. Старший сержант подошёл к велосипеду и осмотрел колесо.

– Да, есть.

– Вот же я тупень, а! Охозня просто! – Я ещё раз ударил себя по голове. – Я напрочь забыл, что у меня в приложение передаётся вся информация о передвижениях. Я её собирал, чтобы считать пробег. Но там же хранились маршруты передвижения. Дайте мне, пожалуйста, телефон, и я покажу, куда

велосипед уехал, когда его украли, и откуда его вор привёз на продажу. Да может – выпустите меня уже?

Один из полицейских сконфуженно крикнул и полез за ключами, чтобы отпереть клетку.

– Как же я сразу-то не догадался посмотреть это! – я продолжал казнить себя что было сил. Взяв в руки телефон, я проверил маршруты и скинул сводку себе на почту. – Всё, теперь я могу скинуть всю раскладку по передвижениям вам – и дело, стало быть, в кармане. Вот они – технологии животворящие! Ну что, дело в шляпе? Меня вы отпускаете, потому что я не угонщик. Парня вы отпускаете, потому что он пойдёт как свидетель. А сами продолжаете мирно отдыхать у себя в отделении, потому что, я надеюсь, больше вас никто не потревожит.

Стражи правопорядка переглянулись. По всему получалось так, как я сказал. Пусть нехотя, но нас отпустили. Только когда я взял в руки открученное седло, чтобы поставить его на место, полицейские на меня заээйкали:

– Эй, ты что делаешь! Это же вещдок!

– Ой, да ладно, ребят! – я скривил гримасу, как актёр ТЮЗа. – Ну какой вещдок! Ну что вы думаете – отпечатки там найти? Наверняка их стёрли перед продажей. Да и времени столько прошло – тут уже всё лапано-перелапано. Отдайте его, пожалуйста, мне, и я тихо, бесшумно, – я перешёл на шёпот, – его заберу. Живу я тут рядом, мне даже ехать на нём не придётся по метели. Докачу один квартал и поставлю в коридоре. У вас же есть все наши данные – паспорта наши вы откопировали, адреса и телефоны у вас есть. Господа, отпустите, пожалуйста, Новый год же скоро...

Вот это жалостливое «господа», когда полицейские были младше меня, выбило почву у них из-под ног. К тому же я добил их:

– В любой момент я вам привезу этот велосипед, только позвоните – вы или мой участковый.

Мои доводы подействовали на них. Несмотря на то, что в моих словесных плетениях было много вранья: жил я совсем не рядом (и как они не посмотрели в паспорте?), домой мне пришлось бы ехать, и именно в метель, да и своего участкового я в глаза не видел.

– Ладно, идите! – решил, наконец, старший сержант, и мы с бедным пареньком, который тоже оказался в непредвиденной и неприятной ситуации, вышли на улицу. Снег продолжал валить хлопьями.

– Извини, – сказал я примирительно, – но это действительно мой велосипед.

– Да я понял. И ты меня извини, я же его правда купил. Я же не знал, что он краденый.

- Да ты не волнуйся – его обязательно найдут и деньги тебе вернут!
- Да я не волнуюсь. Просто жалко, хороший был велосипед.
- Напомни, как тебя зовут?
- Дима.
- А я Миша. Ну ладно – даст Бог, свидимся! С наступающим!
- С наступающим!

Занятный факт №23

Знак собачки @ можно увидеть на заглавном листе Судебника Ивана Грозного 1550 года. В документе этот знак означал первый пункт

Мы попрощались, пожав друг другу руки. И я поколесил по тротуарам, с трудом проворачивая педали. Снег бил дробью в моё счастливое и ещё немного хмельное лицо. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что я – как тот клоун на маленьком велосипедике в цирке. Куртка у меня набухла, как шар, и я румяным колобком катил по ночному городу.

Уличные фонари, казалось мне, освещали набережную какого-нибудь морского курорта, а я потел не от борьбы с педалями, а от жаркого солнца. Вместо снега в лицо мне брызгали капли бриза, искрящиеся в воздухе, и тут же испарялись на красных сковородах моих щёк. По мере движения колёса всё

глубже вязли в белоснежном песке прибрежной полосы. И когда я добрался до бунгало – так мне виделась моя квартира в длиннющем, как поезд, доме – я был без сил. Еле закатил велосипед в подъезд, прицепил к трубе отопления и поднялся домой. Принял холодный душ и, счастливый и голый, раскинулся на кровати в позе звезды. Улыбнулся дурачком подвесному потолку и спустя минуту заснул.

Глава 41 Рождество

Меня разбудил еле слышный колокольный звон. Доносился он не из православной церкви, а из католического собора напротив. Я сразу вспомнил, что сегодня 25-е декабря и католики празднуют Рождество. Не открывая глаз и ещё не до конца проснувшись, я представил себе пышный снегопад за окном, красный грузовик с кока-колой и дом из имбирного печенья, украшенный разноцветным гирляндами. А ещё – звон бубенцов, как на упряжке оленей святого Клауса или как в фильме «Леон», когда герой Гари Олдмэна вставляет в пистолет новую обойму.

Наконец я приоткрыл глаза, как кошка, которая нежится на солнце на подоконнике деревенского дома. И моего сознания очень деликатно, я бы даже сказал – нежно, коснулись две мысли. Во-первых – откуда звон? ведь рядом с нашим домом нет ни церквей, ни костёлов. Во-вторых – почему потолок подвесной? ведь у нас в спальне он натяжной. Я открыл глаза пошире и обнаружил себя... на работе. Видимо, я так устал вчерашней ночью, что просто не доехал до дома и решил заночевать в офисе. Но ужаснее всего были слышанный мною гул лифт и шаги перед входной дверью. С ревостью гепарда я вскочил и натянул на себя джинсы, носки и футболку буквально во мгновение ока.

– Ты что здесь делаешь? – удивился дизайнер и взглянул на часы. Было 7:37. Он приходил на работу раньше всех, потому что с утра отводил ребёнка в садик и вечером должен был его, соответственно, забирать.

– Решил пораньше прийти, – отчаянно соврал я.

– Да ты что! Иди домой и готовься к выписке! Ты думаешь, мы без тебя не доделаем номер? Да просто ложись на нас! – он хлопнул меня по плечу. – Пеленальный столик купил?

– Точно! – кивнул я. – Вот всё вспоминал, о чём это я забыл! Прямо сейчас и поеду.

– Кстати, ты что – на велосипеде приехал?

Допрос начал меня напрягать, потому что врать я начинал всё хуже и хуже.

– Да, подумал, что так проще объехать пробки.

- Какие пробки в семь утра? – удивился Артём.
- Действительно: какие? – согласился я. И после неловкой паузы добавил:
- Что ж, поеду за столиком.
- С тобой точно всё в порядке? – уточнил дизайнер.
- Да-да, в совершенном! – уверил его я и в ответ похлопал по плечу. –
Ладно, на связи!
- На связи!

Занятный факт №17

Все модели «Ламборгини» названы в честь быков

С велосипедом я спустился вниз. На улице продолжал лепить снег. По соседнему проспекту проехала триада «Камазов», которые чистили проезжую часть. В этот момент я поймал себя на блестящей, как мне показалось тогда мысли: а что, если взять – и на педалях махнуть к Кате прямо сейчас!? Ни секунды не раздумывая, я запрыгнул на седло и поехал вперёд. Несмотря на то, что путь предстоял километров в десять, не меньше, а тротуары ещё были в сугробах, их почистить ещё никто не успел.

Спустя полтора часа, весь мокрый от пота, облитый грязью с солью, я совершенно счастливый подъехал к роддому. Спустился с велосипеда и зашёл на территорию больницы. Написал Кате сообщение, в котором желал доброго утра и просил перезвонить или ответить, в каком окне её можно будет увидеть. Спустя пять минут написал ещё раз. Звонить боялся, потому что спит или процедуры какие проходит, или девочку кормит – мало ли что. Спустя четверть часа догадался позвонить Катиной маме, чтобы спросить: может быть, она созванивалась с дочкой.

– Миш, ну конечно созванивались! Я ей уже раз десять звонила. Ты что? Столько времени прошло – мы и вчера созванивались, и с утра сегодня уже несколько раз.

Я снова почувствовал себя довольно ущербно.

– Я просто к ней подъехал сейчас, а в каком окне её можно посмотреть – не знаю.

– Так ты передай продукты через медсестру и спроси заодно, в какой палате она лежит.

– Продукты?

– Ну да, фрукты, молочку. А ты что ей привёз?

– Ну да, да, фрукты, молочку, рыбу! – ляпнул я и начал оглядываться по сторонам в поисках магазина.

– Ты что, даже не поинтересовался, что ей можно? – мама моментально вскрыл мой обман. – Ей нельзя сейчас рыбу, её у тебя просто не возьмут.

Я почувствовал себя полным дураком. Вежливо попрощался и пошёл в ту сторону, где виднелся супермаркет. Накупил всяких вкусностей и вернулся к больнице. В этот момент раздался звонок.

– Доброе утро, Катюшка моя любимая! – пропел я в трубку и улыбкой задел ближайшее дерево.

– Привет! – прохрипела в ответ Катя.

– Что случилось? – тут же поник я.

– Отошёл наркоз... Теперь у меня живот болит, как будто его ножом на части режут. Любое движение – как лезвием по мышцам. Сегодня приносили малыша кормить – у меня чуть нижняя часть тела не оторвалась от боли.

– Как она? – невпопад спросил я. Конечно, мне было невероятно жалко любимую. И я хотел по ходу её речи узнать, колот ли ей обезболивающие. Но получилось так, будто интересуется меня не Катя, а малышка.

– Кто она? – не поняла поначалу она. – Это он, Миш. У меня родился мальчик.

– Мальчик? – выдохнул я и сел на лавку, прямо на снег.

– Ладно, давай попозже созвонимся, мне пока очень плохо.

Я не успел ничего ответить, как Катя положила трубку. У меня как совком по душе заскребло. Я чуть не заплакал, сидя по таз в сугробе и удерживая в руке велосипед с пакетом на руле. Мне вдруг стало горько-горько оттого, что я ничем не могу помочь Кате. И оттого, что пока ей всё это время было плохо – я гулял по улицам, сидел с друзьями в кафе, отнимал велосипед у подростка, доказывал свою правоту в полицейском участке. Чтобы хоть что-то сделать, я зашёл в приёмный покой и попросил передать продукты.

– Воу! – встретила меня медсестра и обдала ледяным взглядом с головы до ног. – У вас всё в порядке? Такое ощущение, что вы провалились под лёд.

Я осмотрел себя непредвзятым взором и был вынужден признать, что её предположения могли оказаться правдой.

– Я просто ехал на велосипеде, вот и промок, – пробормотал я.

– Можете стоять там, – она указала мне место на пороге, где я и так стоял.

– Я у вас заберу, не подходите, пожалуйста!

Теперь я почувствовал, что со мной разговаривают, как с бездомным или как с прокажённым. Хотя подо мной действительно образовалась небольшая

лужица от растаявшего снега. Мне бы ещё пару недель не брить бороду – и можно с протянутой рукой на паперть выходить.

Девушка забрала у меня пакет, который я подал на вытянутой руке. И вышел вон. Туда, где снег вытанцовывал кружевные узоры на прозрачной ткани декабрьского воздуха. Всё – решил я – домой, принять душ и немедленно за пеленальным столиком.

Путь домой оказался ещё труднее, чем в больницу. Я еле докрутил педали. И в квартиру зашёл с ощущением того, что снятые вещи я должен сжечь, настолько они промокли от пота, снега и соли, а себя самого я должен продезинфицировать хлоргексидином. В ванну я засыпал полпачки морской соли, каких-то пенек, ароматизаторов, включил горячую воду и лёг под поток. В этот момент на телефон пришло сообщение с фотографией. Катя в маске лежала на больничной койке и держала в руках совершенного малютку. На ручке у него была бирюзовая бирка, а огромные глаза насыщенно-синего цвета смотрели на меня в упор. Я не смог сдержаться и расплакался. Голый без стыда и счастливый до слёз, я любил в тот момент весь мир до разрыва сердца.

Глава 42

Тишайший

Я вышел из ванной совсем другим человеком. Поставил на полную громкостью “Lazaretto” Джека Уайта, а затем решил переслушать всю свою коллекцию блюза – от “Whiskey, Beer & Wine” Бадди Гая до “Bad Penny” Рори Галлахера. Заварил себе крепкого кофе. Вытащил из дивана отцовские гантели по пятнадцать килограммов и больше часа делал силовую зарядку. В перерывах между подходами изображал соло на воображаемой электрогитаре. После упражнений понял, что придётся ещё раз принять душ и вышел из ванной совсем другим человеком.

Через четверть часа я уже очищал машину от полуметрового слоя снега, который успел скопиться всего за пару дней. Причём снегопад продолжался и заметал всё вокруг. Откопав свой болид, я тронулся в путь. Час пик прошёл, и дороги были пусты. От всего пережитого, от эмоций последних двух дней в голове у меня стоял гул. Я был словно персонаж фильма и иногда вдруг видел себя откуда-то сверху, как если бы я-настоящий парил в воздухе на высоте фонарных столбов.

Ощущение кроссреальности усилилось, когда я остановился у детского гипермаркета и поймал себя на мысли, что я *годами* не передвигался вот так свободно по улице в будний обед. А теперь я будто вышел из тела своей социальной личности и превратился в самого себя, в простого-я. Наконец, я взял себя в руки и пошёл в мебельный отдел искать пеленальный столик.

– Напольный, настенный? Вам именно столик или комод? С ванночкой или без? – девушка-консультант приветливо улыбалась, но от её вопросов мне захотелось нанизать на кулак подушку с самой мягкой периной в мире и ударить её в челюсть.

– Так, давайте по порядку, – предложил я, предварительно выставив ладонь перед собой. – Я ничего в этом не понимаю. Ровным счётом. Я буду вам очень благодарен, если вы мне объясните, что к чему. Для чего нужно вот это всё, о чём вы сейчас говорили. Хорошо, ладно?

– Л-ладно! – согласилась девушка. – Скажите, вы понимаете, зачем нужен пеленальный столик?

Я вздохнул.

– Видимо, чтобы пеленать новорождённых.

– И младенцев до полутора лет.

– Серьёзно? – я действительно удивился.

– Да. Ну, в основном – до года. Но в некоторых случаях – да, до полутора лет. Итак, смотрите.

И меня окунули в неизведанный доселе мир детской утилитарной мебели. Я узнал и про раскладываемый механизм, и про закруглённые углы, и про безопасные ручки, которые я открыл с третьей попытки. Я раньше и представить себе не мог, что, чтобы сконструировать простой раскладной столик для пеленания, нужно одновременно учесть эргономику, безопасность, гипоаллергенность материалов, вместительность, компактность и простоту сборки. Я признался, что с последним у меня могли возникнуть сложности.

– У наших работников сейчас большая загруженность, поэтому сборщики смогут приехать к вам недели через три-четыре.

Тут я должен сказать, что Катя с определённого времени стала считать, что руки у меня растут не из того места, поскольку дома я не смог собрать ни одной мало-мальски составной вещи. Полгода она ждала, пока я прибью к стене крюк для одежды. Но сначала стену не просверливали маленькая дрель, которую мне передал отец. Затем я никак не мог вбить дюбель, не погнув его. Во время приёмки Катя жаловалась, что крюк шатается. В итоге он надолго стал яблоком раздора, а меня записали в ряды безруких неумёх, которые могут только опозорить при подругах. И вообще – чему меня только в детстве учили? Неужели отец – такой мастеровитый – не мог передать хотя бы базовые навыки? Починить розетку, заменить кран. Я уверял, что как раз розетки и краны – моя стихия, и вот когда дело дойдёт до них... Но Катя раз и навсегда поставила на мне ставро, что я криворукий охотня, и ушла в другую комнату включить очередную серию доктора Хауса, так как я мог не найти на сайте, как её переключить.

– Что ж, ладно. Давайте я вот этот столик возьму, сам соберу, – выдавил я из себя смертный приговор: ведь если Катя найдёт хоть один изъян и узнает, что собирал его не я... Впрочем, в тот момент я старался не думать об этом. – Он ведь в коробку сложен? его же можно в обычной машине перевезти?

– Конечно! Оплачивайте на кассе и подъезжаете к пункту выдачи.

– Выдачи? А так забрать нельзя?

– На руках, что ли? Так он весит 30 килограммов.

– Сколько? – удивился я. И был вынужден повиноваться: – Хорошо, давайте. А сколько он стоит, кстати?

Девушка озвучила цену.

– Сколько?? – ещё громче воскликнул я. – Ладно, давайте! Если это на полтора года...

В багажник мне эту коробку загрузили сотрудники магазина. Но вот затащить её домой мне пришлось самому. Я вспомнил юношеские годы, когда помогал отцу грузить в машину мешки с картошкой, которую мы собирали в деревне у бабушки. По тяжести столик оказался сопоставимым с неподъёмными мешками, которые оставляли следы на спине, как будто меня били сапогами матросы в порту. И всё же с непропадающим чувством героизма я дотащил коробку до двери и затащил в коридор. Теперь оставалась самая малость – собрать и установить столик.

Я взялся за работу с неподдельным энтузиазмом. Вытащил все составные детали и разложил их на полу. Внимание: взял инструкцию! И по ней уже стал собирать. Начал с основания, прикрепил первые две доски и начал вворачивать болты. Когда я подкрутил первый болт – шестигранник провернулся и стёрся, я даже руку до крови повредил от удара по ребру доски. Но рука – ладно, нужен был новый шестигранник.

Я порылся в инструментах для ремонта велосипеда, нашёл целую связку шестигранников различных размеров. Приложил все – ни один не подошёл. Вспомнил, что ещё один может быть в багажнике. Спустился к машине. В недрах запаски нашёл стёсанный шестигранник. Сразу же выбросил его в мусорный бак, потому что зачем он тогда вообще нужен? Что делать – поехал в строймагазин, купил новый, из закалённой стали. Вернувшись домой, удостоверился: крепкий, не стирается. Правда, хлипкими оказались некоторые болты, у которых стирались внутренние грани, так что доворачивать их приходилось обычными плоскогубцами.

Наконец, основная часть столика была собрана, и я приступил к установке ящичков. В них оказались направляющие, которые должны крепиться к внутренним стенкам с помощью пятиугольных звёздочек. Я вообще впервые видел такое крепление, а соответствующего инструмента в комплекте не шло.

– Как вообще можно ставить такой крепёж, если для него нет инструмента!
– вслух воскликнул я. – Для кого вообще эта мебель? Для инженеров аэрокосмической отрасли?

Я снова поехал в магазин, но там «звёздных» отвёрток не оказалось. Мне посоветовали заехать в автомагазин. Там нужный инструмент оказался в избытке, и я со скорбью осознал, что мне нужно было взять образец болта, чтобы подобрать нужный размер.

– Да где вообще используются эти звёздочки! – выпалил я.

Продавец посмотрел на меня, как будто я только вчера появился на свет.

– Да много где. Вот у вас какая машина?

– «Нексия».

– Например, на пластиковых накладках, которые закрывают трапецию дворников. Без такой отвёртки вы туда просто не доберётесь. Ещё в блоке фары, которая перед аккумулятором. Там такой пластиковый перешеек, который...

– Да понял я, понял! – не выдержал я. – Да, много где используется, хорошо. Можно я возьму вот эти три, а потом два не подошедших верну?

– Можно! – снисходительно кивнул продавец. – Сто рублей.

– За три? – не догнал я.

– За одну! – продавец так тяжело опустил брови, что я невольно присел. – Ты же другие две вернёшь? Или плати триста – и не возвращайся. Хотя мне кажется, ты ещё придёшь. Ты что, шкаф собираешь?

– Пеленальный столик.

– Тогда сразу купи в строительном пару направляющих – родные наверняка из жести сделаны, они после третьего открывания погнутся.

– Может, тогда сразу четыре крепких купить?

– Купи! – безэмоционально согласился он.

В итоге простенькая с виду процедура превратилась для меня в хождения по разным точкам в поисках нужных деталей, инструментов и советов. Пеленальный столик был готов только к вечеру. Я поставил его в начищенный до блеска угол, сфотографировал и снимок отправил Кате. Пришёл короткий ответ: «А другого цвета не было?». С горечью я посмотрел на часы, чтобы удостовериться: ещё не поздно купить коньяка.

Спустя полчаса Катя написала: «А, это уже у нас дома? Ты сам, что ли, собирал? Что-то мне страшно». Но я уже не переживал по этому поводу. В квартире играл «Аквариум», и я ходил взад-вперёд по комнатам, подпевая и подметая мусор. Через минуту Катя прислала фотографию, как она кормит малыша грудью. И добавила: «Он всё время спит. Даже когда кормила, он

периодически задрёмывал». Второй раз в жизни я расплакался. И ответил воодушевлённо: «Алексей Михайлович Тишайший».

Конечно, я имел в виду прозвище русского царя, второго из рода Романовых, сына Михаила Фёдоровича и отца будущего Петра Первого. Но, как мы выяснили позже, Катя расценила это как предложение имени. Поэтому она ответила: «Хорошо, я согласна».

Глава 43

Чёрная Смородина

В том году 31-е декабря пришлось на понедельник. Поэтому последний рабочий день в году перенесли на субботу. И естественно, что все воспользовались этим для того, чтобы формально поработать до обеда, а затем закатить корпоратив на весь мир. Мне же в ту субботу предстояло забрать Катюшку с Алексеем Михайловичем из роддома.

Домой к нам приехала Катина мама. Она обещала помочь в первую неделю. Вместе с ней мы поехали в больницу, где, несмотря на всеобщее новогоднее настроение, всё шло своим чередом. В приёмное отделение привезли беременную, у которой уже начались схватки. На другом полюсе молодые и не очень мужчины с цветами переминались с ноги на ногу в ожидании своих любимых. В их числе был и я. Я успел передать подарки и подношения врачам и медсёстрам. И пусть говорят, что хотят по поводу того, что взятки развращают медицину, а я скажу, что по вложенному в наше естество моральному закону я просто не мог не передать какие-то посильные деньги, вино и конфеты тем людям, которые помогли не умереть моей жене и родиться моему сыну.

Через пятнадцать минут в длинном коридоре появилась Катя с маленьким белым свёртком в руках. У меня, наверно, земля локально горела под ногами, пока я ждал, как она дойдёт до меня. Впервые за неделю разлуки мы встретились и поцеловались. Катя улыбнулась мне кроткой улыбкой и передала на руки малыша. Алексей Михайлович – масюсенький младенец с пальчиками размером со спичечную головку – мирно дремал, закутанный в конверт. Нам пожелали здоровья и счастья, и мы направились к выходу, чтобы не мешать остальным.

С осторожностью сапёра на минном поле я прошёл к машине и попросил маму – ну, то есть бабушку (так странно было её тогда так называть и так странно сейчас вспоминать, что когда-то было иначе) – достать ключи и открыть двери. Вместе с Катюшкой и малышом они сели сзади. А я с ещё большей осторожностью – чтобы в салоне полный стакан воды не расплескался

– выехал в сторону дома. Мы двигались, как на воздушной подушке, и Катя, как в полусне, глядела в окно и таинственно улыбалась.

– Так много снега... – негромко произнесла она. – На улице так холодно, а здесь так тепло. У меня такое ощущение, что все эти сугробы – это безе...

– А Алексей Михалыч всегда так спит? – поинтересовался я.

– Практически всегда, – Катя поджала губы и подняла брови, как будто мимикой подтверждая: да, с этим повезло.

До самого дома малыш спал. Ненадолго проснулся, когда мы вытаскивали его из машины и несли к подъезду. Но в квартире снова уснул. Когда мы все разделились и тщательно вымыли руки, то примкнули с разных сторон к Алексею Михайловичу. Маленький сморщенный комочек с ручками меньше цыплячьей косточки... Но сколько же счастья и единения было в том, чтобы любоваться розовенькой кожей, игрушечным носиком, подобием пушка на голове. И бесконечным желанием спать – я даже не думал, что новорождённые могут столько предаваться морфею.

Наконец, Катя пронюхала, что малыша пора перепеленать. И я был шокирован видом пуповины, без жадности сдобренной зелёной. Меня даже передёрнуло. Когда же Катя начала менять миниатюрный подгузник, я вдруг понял, что вскоре смогу на собственной шкуре ощутить, что жизнь моя никогда не будет прежней. Сейчас я понимаю, что до конца я этого тогда ещё не сознавал. «Неужели и мне придётся это делать?» – в ужасе подумал я.

Алексей Михайлович на минутку проснулся и всплакнул – как котёнок. Вместо вскриков – какой-то непонятный писк. Пронзительный, но негромкий. В какой-то момент малыш открыл глаза – и на меня посмотрели два огромных – на миниатюрном личике – шара тёмно-синего цвета.

– Что это? – ужаснулся я. – Всё в порядке?

– Всё в порядке! – поторопилась успокоить меня мама, которая бабушка.

– Да, это нормально! – подтвердила мама, которая жена. – Глаза – единственный орган ребёнка, который не развивается в течение жизни. Сердце растёт, кости растут, а они – такого же размера, как и у нас. Плюс у него ещё фокус не развился, так что он видит нас мутно и перевёрнуто.

Алексей Михайлович зыркнул на меня этими магическими шарами, словно хотел меня проверить или загипнотизировать, и снова заснул.

И я, загипнотизированный, риторически переспросил:

– Перевёрнуто? – и сам повернул голову набок, как будто по-совиному хотел посмотреть на всё иначе.

Через пару часов малыш проснулся, и Катя покормила его грудью. Я ещё удивился, как женская грудь могла так набухнуть и буквально сочиться молоком. Катя мой взгляд поймала и улыбнулась. После ужина Алексей

Михайлович с четверть часа бодрствовал, если так можно назвать дрему вперемешку с зевотой. А затем снова заснул. В десять вечера мы все улеглись – Лёшка в кроватке-качалке, мы с Катей – на кровати рядом, бабушка – на диване в дальнем углу комнаты. Я ласково обнял любимую, поцеловал её и пожелал спокойной ночи. В дремоте с весеннего луга по зелёной траве покатился клубок шерсти, как вдруг я услышал пронзительный крик и вскочил на ноги.

Алексей Михайлович вопил, как сигнализация у соседа. Мы с Катей попеременно укачивали малыша целых два часа, и он всё время плакал, орал или пищал. Когда наконец Тишайший притих, мы уложили его в кроватку и легли спать. В зеркало зыркнул на меня красноглазый орк.

В 0:20 Лёшка проснулся снова, и мы поменял ему подгузник. В 0:47 он заснул, но бабушка встала в туалет, и он снова заревел. В 1:12 Алексей Михайлович закрыл глаза, в 1:19 перестал просыпаться, пока мы пробовали переложить его в кроватку, в 1:23 нам это наконец удалось. В 1:56 он запищал, но я начал качать большим пальцем ноги кроватку, и он уснул снова. В 2:22 пришлось опять менять подгузник. В 2:56 я лёг в кровать, как в окоп. В 3:37 Катя толкнула меня в бок, чтобы я снова закачал кровать. В 3:47 я толкнул Катю в ответ, чтобы она меня сменила. В 4:08 я сошёл с ума, в 4:09 я выбросил первый в своей жизни полный подгузник. В 4:24 я спрятался от мира на полу на кухне, Катя стукнула меня ногой в ребро, и я пошёл сидеть с Лёшкой на руках. В доме напротив балкон отражал красный свет моих глаз. Дальше я ничего не помню. Проснулась бабушка и начала качать Лёшку. Было, кажется, начало шестого. В семь утра Катя и мама разбудили меня, потому что я всё ещё спал, а с Лёшкой надо было кому-то сидеть. Мне захотелось умереть, но я побоялся уронить сына на колени и держал его у груди дрожащими жилами рук. Катя сделала мне кофе, и когда я собирался сделать первый жадный глоток, бабушка спросила:

– Ну что, пора ехать за свидетельством о рождении?

Я наспех закинул в себя бутерброд и залил кофе. Голова гудела, как будто я сутки бежал по пустыне. В зеркало на меня смотрели два ввалившихся кратера с прожилками лавы. Ещё больше измотанная Катя покормила Алексея Михайловича грудью, и на минуту показалось, что он может уснуть. Но вскоре младенец как-то невнятно закричал и вновь разревелся. Я понял, что после трёхчасового сна урывками поехать за документами – совсем не худший вариант. Но пока я спускался в подъезде по лестнице, меня всё время жалила неотступная мысль: теперь так будет всегда!

На парковке я едва не заснул, пока прогревалась машина, а я сбрасывал с неё навалившие за ночь сугробы. Чтобы взбодриться, я умылся снегом, но шок и жар прошли быстро. Затем вновь невероятно захотелось спать, а в голове

проснулись мужик и медведь, поочерёдно бившие по мозгам. Так что отправился я в путь в самом угнетённом состоянии плоти а, стало быть, и духа.

На одной из улиц старая «семёрка» вырлила от тротуара на дорогу прямо перед моим носом. Водитель даже не включил поворотник, так что я еле успел среагировать и чуть не въехал ему в зад. Несмотря на то, что дороги с утра ещё не были почищены и такой манёвр был откровенно опасным, но я вскипел, вдавил газ в пол и обогнал автохама, действуя в данном случае по принципу талиона «око за око, глаз за глаз»¹. Причём я еле успел вернуться в свою полосу до знака «обгон запрещён».

Водитель посигналил мне, и я окончательно вышел из себя и вышел из салона, чтобы разобраться со всем, как мужчина с мужчиной. За рулём «семёрки» оказался цыган. Он хотел было выйти мне навстречу. Но, завидев мои бордовые кулаки, вздетые к небу по примеру Самсона с отрезанными волосами, поспешил ретироваться на соседнее, пассажирское место. Там до этого тоже сидел цыган, который оказался вытолкнут на улицу. Он что-то зашебетал на своём птичьём языке и отбежал на соседний тротуар, когда я бросился за ним. Не знаю, чем бы закончились эти бега, если бы в этот момент не раздалась полицейская сирена. Машина ГАИ заблокировала меня, и двое дюжих ребят бросились мне наперерез.

– Что здесь происходит? Остановитесь, пожалуйста!

Цыган в «семёрке» поспешил выйти на улицу и стал сыпать в меня проклятиями на таком же птичьём языке, в котором ничего нельзя было разобрать.

– Вот, – начал я и указал рукой на обидчика, – выехал на дорогу без поворотника и подрезал меня!

Из меня выходил отличный ябеда.

– И после этого вы выехали на встречу и подрезали его в ответ?

– Да! – подтвердил я и почувствовал, что земля справедливости уходит у меня из-под ног.

– И чуть не спровоцировали аварию? – уточнил тот же сотрудник. Я понял, что надо себя спасать.

– Я завершил обгон до запрещающего знака.

– И заставили его резко затормозить? Посмотрите на его следы – он чуть не влетел вот в эту машину.

– Он препятствовал моему разгону, не пускал вернуться обратно.

Из меня выходил первоклассный ябеда.

¹ Да-да, именно так!

– Так, встаньте вот сюда! – полицейский указал мне место у тротуара. Я повиновался. И с ужасом увидел, что цыганам на «семёрке» показали поскорее уезжать, и они покатали дальше.

– Вы что, отпустили их? – мой гнев постепенно переносился на стражей правопорядка.

– Успокойтесь! – попросил меня второй полицейский и даже выставил ладонь передо мной. – А что у вас с глазами?

– Их-то вы почему не задержали? Это же они всё сначала спровоцировали. Я сдулся до обидчивого ябеда.

– Когда вы в последний раз выпивали? – ни к селу ни к городу спросил гаишник.

– Что, я так плохо выгляжу? – искренне удивился я.

– Вы свои глаза видели?

На улице задувал ледяной ветер, и из глаз у меня, честно говоря, одна за другой лились слёзы.

– А что не так с моими глазами?

– Да они стеклянные – посмотрите в зеркало!

На это я уже ничего не смог ответить.

– Присядьте, пожалуйста, к нам в машину.

Я пробрался мимо сугробов к патрулю и сел в салон. Передал полицейскому права, техпаспорт и страховку.

– Михаил Михайлович, – начал гаишник. – У вас что – проблемы какие-то с нами? Почему у вас один полицейский про безрукого барабанщика рассказывает, а другой – якобы стреляет в вас при задержании? Что это за выдумки такие, а? Теперь вот вы нас в этот конфликт с цыганами впутываете. Обычно такие фантазии говорят о психологических проблемах – тревожности, стрессе. Вы буйствуете?

– Что-что? – ошарашенный, переспросил я.

– Как вы себя чувствуете, Михаил Михайлович? – громче повторил офицер. – С вами всё в порядке? Вы выпивали вчера?

– Нет, я вчера сына из роддома забрал, мы с женой почти всю ночь не спали. А сейчас я еду оформлять свидетельство о рождении. Ужасно себя чувствую, честно говоря. Голова квадратная.

Полицейский, кажется, надумал меня отпустить, поскольку мои документы в его руках задрожали в преддверии возврата. Но, видимо, на всякий случай, он решил проверить мои слова.

– А откуда забирали, из центрального?

Я понял его подвох, так как центральный роддом за месяц до этого закрыли на ремонт. Но решил, как говорит моя мама, притвориться шлангом, то есть не подать вида, что я распознал, что меня проверяют.

– Нет, на Болдина 1Б. Её туда положили. Да и пробок никаких – за 20 минут доехали.

Офицер удовлетворённо кивнул и уже сделал движение, чтобы отдать мне документы. А я уже потянулся их забрать. Но тут он остановился и наставительно изрёк:

– Будьте аккуратней, пожалуйста! Обстановка на дорогах сложная. Вы кого-нибудь подрезали, вас кто-то подрезал – заметить не успеете, как авария будет. Осторожнее!

– Хорошо, я понял! – покаянно кивнул я. – Буду аккуратно ехать.

Диалог с гаишниками меня взбодрил. В то же время я поразился, с какой стремительностью из цветущего парня превратился в какой-то бесформенный мешок кожи, жил и мешков под глазами. В зеркало заднего вида на меня уставился какой-то бомжара, которого наспех помыли в луже. На глазах можно было жарить яичницу, настолько раскалёнными они выглядели. Я вспомнил определение Андрея Белого: «Человек, как известно, есть слякоть, зашитая в кожу». А вслед за этим – ещё одно его определение: «Человек – только столб дымящейся крови». Я снова заглянул в зеркало и подумал: что же будет через неделю? А через месяц?

Я подъехал к зданию ЗАГСа. Из центральных дверей вышла радостная пара, их обсыпали лепестками роз, усадили в машину и увезли. Я зашёл внутрь и спросил, в каком кабинете выдают свидетельства о рождении. Перед нужной дверью стояла очередь из трёх человек. Я вернулся на ресепшен и шёпотом уточнил:

– А вы что, всех сразу пускаете? Не по одному?

– Почему по одному? – не поняла девушка.

– Как почему? Коронавирус же! Маски, дезинфекция, социальная дистанция.

– Молодой человек, не путайте! Мы бы тогда в дистанционном режиме все работали! До коронавируса ещё 6 лет.

– А-а, точно! – я ударил себя по лбу. Кожаевский мир цыган вовлекал меня всё глубже в свои склизкие сети.

Я встал в очередь и стал ждать. Сначала мужчину пытались развернуть по той причине, что у него белорусское гражданство, пусть там и получает документы. На что он отвечал, что мама ребёнка – россиянка. Потом выяснилось, что они официально не расписаны. Полчаса я слушал перебранку вперемешку со звонками, обсуждениями, попытками отправить его в другое

отделение. Затем другие посетители начали негодовать, что отпросились с работы и не могут дольше ждать. В итоге меня приняли через час с небольшим, хотя, признаться, я успел минут двадцать подремать, так что почувствовал себя гораздо лучше.

– Как решили назвать малыша?

– Алексей.

– Красивое имя. Сейчас обычно Богданами называют или Миланами.

Сотрудница, видимо, пыталась наладить нормальный разговор после инцидента с белорусом. Но шутка, которую я озвучил в ответ в знак поддержки, не зашёл.

– Вариант Милана мы сразу отмели: это же женское имя.

– Ну да, ну да! – и девушка уткнулась в заполнение бумаг. – Дайте, пожалуйста, копии паспортов.

Спустя пару минут она остановилась писать и хмыкнула.

– Гм, а у мамы прописка в области?

Привычка называть жену мамой пришла, пожалуй, спустя год или полтора.

А тогда я переспросил:

– У мамы? Нет, здешняя.

– Как? Вот тут отмечено: деревня Чёрная Смородина.

– А-а, мама ребёнка! – догадался я. – Да, она там прописана. А что?

– Дело в том, что это чернобыльская зона. И если ребёнка прописать там, то до восемнадцати лет ему положены федеральные выплаты, небольшие, рублей 600. А до трёх лет – региональные, тысяч пять ежемесячно.

– Да нет, – отмахнулся я, – не надо.

– Точно? Вы можете позвонить супруге и уточнить.

– Да?

Я засомневался единственно потому, что не был уверен, что Катин телефон стоит на вибрации. И тогда бы я разбудил Алексея Михайловича, если он заснул.

– Позвоните, спросите! – уговаривала меня девушка. – Потом этого уже нельзя будет изменить.

Я решил позвонить маме. То есть тёще. Ну то есть маме, потому что её-то как раз я уже привык так называть. А вот бабушкой – только года через два, когда Алексей Михайлович начнёт тыкать в телефон и требовать позвонить «бабушке солнышке».

– Алё, мама! – шёпотом начал я, как будто вместе со звонком перенёсся домой. – Мне в ЗАГСе предлагают прописать Алексея Михайловича в деревне.

Девушка удивлённо подняла брови при упоминании Алексея Михайловича. Видимо, по отчеству своих сыновей называют редкие отцы.

– Что? Потому что там чернобыльская зона и выплаты... Что? Да-а? Серьёзно? Ладно, я понял. А Катя? А, хорошо, пусть спит!

Я положил трубку и подтвердил:

– Да, давайте!

Вот таким банальным образом Алексея Михайловича прописали в деревне. Когда Катя об этом узнала – и маме, и мне досталась по первое число. Пытаясь оправдаться, я пошутил, что потом мы сможем всем говорить, что всех детей находят в капусте, а наш сын родился в Чёрной Смородине. А пока – я ехал обратно. И в магазине, выбирая подгузники, пелёнки и кучу всего другого, что мне продиктовала мама-бабушка, постоянно ловил себя на мысли, что я в каком-то козаевском мире цыган.

Когда я вернулся домой, выяснилось, что всё это время Алексей Михайлович спал и проснулся только что. Я услышал это ещё в подъезде. Как и всю прошлую ночь, он истошно плакал. Только тогда была надежда, что сон всё же возьмёт своё, но теперь впереди был весь день, и очередной приступ мигрени пронзил мне голову.

Дрожащими руками я качал Лёшку, и минут сорок спустя он понемногу успокоился и посмотрел на меня своими тёмно-сапфировыми шарами. Моргнул и вдруг улыбнулся. В этот момент словно солнце выглянуло из-за туч сквозь кусты чёрной смородины, и счастливые слёзы потекли у меня из глаз, а вытереть их я не мог, потому что держал своего любимого первенца.

Занятный факт №3

Холодильник изобрели позже акваланга

Глава 44

Залог бессмертия

Моя мама клятвенно заверяла меня, что самое сложное – это первый месяц, затем будет проще. Через неделю после выписки из роддома я был похож на опустившегося школьного сторожа, который держится за поясницу, когда стоит, а ходит, будто в пятках у него гвозди. Голова гудела, как вентилятор. Глаза хотелось выбросить зеркало.

(Когда я редактировал финальную версию, я даже не сразу понял, о чём речь. То ли: «глаза хотелось выбросить в зеркало». То ли: «глаза... хотелось выбросить зеркало». Так что я просто оставил, как было, разбирайтесь сами).

Одним словом, чувствовал я себя, как выжатый лимон, который пытаются повернуть через мясорубку, а он сопротивляется.

Вдобавок ко всем прелестям младенческой жизни навалились всякие бытовые тупости, неожиданности и неприятности. То пришёл долг пять тысяч за интернет, и я час дозванивался и выяснял, из-за чего это произошло – отключал услуги, ругался – выяснял, как сделать, чтобы они не подключались опять, ссорился – жаловался, как мне надоел провайдер, бурчал. Но счёт в результате оплатить, увы, пришлось. Затем с карты списались средства за автопродление двух доменов, которые мне уже почти год, как не были нужны, так что я даже забыл про них. Тут, правда, служба поддержки не только вежливо меня выслушала, но и вернула средства на счёт.

Как же тяжело даются эти испытания, которые ты в обычной жизни, может быть, даже бы не заметил. Но теперь, когда ты спишь по три-четыре часа и забываешь своё имя от усталости и постоянного качания, – каждая травинка на пути воспринималась как бревно. Я замечал, как Катя смотрит на меня, пока я ругаюсь из-за того, что с телефона списалась услуга, которой я не подключал, – и понимал, что ворчу – ни дать ни взять – как старый дед. Понимал – и ничего не мог с собой поделать. Да: поделать.

Ещё через неделю, когда мы вышли с коляской на прогулку, я вдруг понял, почему некоторые молодые мужчины выглядят так, будто они не мылись и не брились целую неделю – потому что у них дети! Я и сам вышел из дома, кажется, даже не умывшись. В одежде, которую я не менял два дня из-за усталости. С буро-чёрной щетиной на опухшем лице. С глазами, как у наркомана на ломках.

Мы шли привычной дорогой к парку, и Лёшка как-то парадоксально смотрел на январское небо. Усталая Катя просто вздыхала, а я раздражённо бурчал:

– Никогда раньше не думал, что вот эти малюсенькие бордюры так сложно преодолевать. Когда пешком идёшь – вообще не замечаешь. А тут – надо приподнять один раз, прокатить, поднять ещё раз. Плюс сугробы – ужас какой-то!

– Ага! – Катя сонно кивнула. – Мне кажется, мы идём уже день!

– Ах-ха-ха! – усмехнулся я. – Да.

На углу дома, несмотря на ранний час, стояли мужики, пили дрянное разливное пиво.

– Представляешь, – сказала Катя, – у кого-то из них тоже может быть ребёнок. Но он его бросил и ушёл от жены. И сейчас стоит, бухает.

– Ага! – согласился я. – А когда ребёнку восемнадцать исполняется – приходит и обижается, что с ним общаться не хотят.

Мы прошли мимо сиплого смеха и запаха рыбы.

– Представляешь? Открыть такой скверик – «мужчины, бросившие своих детей». У забора – скульптура умирающего в одиночестве забулдыги. В центре – старик на больничной койке, без помощи и без родных. А на выходе – молодой парень, который дарит маме цветы. Ну что-нибудь такое яркое, вдохновляющее. Чтобы было понятно: ты бросил их в самый нужный момент, но они от этого не вырастут несчастными или обездоленными. Что это ты себя в первую очередь бросил и наказал.

– Да...

Мы перешли улицу.

– Или представь обратную историю. Скульптура «одинокий отец в роддоме».

– Это как? – смутилась Катя.

– Это у него нет ни жены, ни ребёнка. Он глобально одинокий. Приходит в роддом – другие мужчины забирают своих жён и детей, а он стоит один, никого у него нет.

– И откуда у тебя такие бредовые мысли? – вздохнула Катя.

Я оторвал одну руку от коляски и обнял любимую. Правда, вскоре пришлось вновь вцепиться в поручень, потому что впереди снова начался разбитый тротуар.

– А представь ещё: не отцы воспитывают детей, а сами дети – рождаются уже в 3 года, а в 18 лет начинают три года себя воспитывать. И потом 21-летний боров такой: «Чё, воспитывал меня я плохо!».

– О, Господи!

– Не поминай Его всуе!

– Это ты говоришь? Сам все уши прожужжал, что Бог пронизывает всё, и не видят этого только те, кто пали духом.

– Ну да, согласен! Ладно.

– Это что? – спросила вдруг Катя.

– Что что? – не понял я.

– Ты сейчас посмотрел на девушку!

– Да? Ну наверно, да, посмотрел. А что?

– Глазами так проводил, оценил её всю.

– Да ну хватит!

– Нет, признайся!

– Да я вообще – смотрю на девушек для поднятия их самооценки!

– Ой, болтун! – Катя приложила меня перчаткой по плечу.

– Больно! – деланно изобразил я страдание. – А сколько там? Два месяца до родов и неделю после нельзя?

– Какую неделю! И два месяца после! Ну ты совсем офонарел, что ли! Десять дней прошло только. Будь мужиком в конце концов! Меня исполосовали всю, у меня из груди фонтаны бьют, болит всё, а ты только о своём пестике думаешь!

– Ладно, извини! – по возможности деликатнее ответил я, но в конце не удержался и вздохнул. За что вторично получил по плечу – на этот раз гораздо сильнее.

Мы вошли в парк. Ну хоть куда-то... Лёшка мирно дремал, и мы сделали малый круг по аллее вокруг фонтана, который забивали досками до марта или апреля.

– Знаешь, я иногда чувствую себя, как в мультфильме «Рыбка Поньо на утёсе». Помнишь, когда она оказывается под водой – и вокруг всё, как будто в сказке, но в то же время всё это реально. Вот и я – проснулся от Лёшкиного плача, проглотил таблеточку аспирина и пирарцетама – и всё, ты как в море. Смотришь иногда на качающиеся деревья – и думаешь: вот, на дне океана такие же растения растут. А мы – как рыбы у самого дна воздушного слоя земли. И смотрит на нас Бог и думает: вот, тоже тварь, которую Я создал. И тоже думает там себе что-то, потомство своё растит, которое перед Моими очами – как песчинка в море.

– Может, тебе стоит прекратить этот пирарцетам принимать? – Катю мои фантазии не воодушевили. – Это же препарат, который прописывают после черепно-мозговых травм?

– Да! – с энтузиазмом кивнул я. – А ещё он налаживает кровоснабжение между полушариями мозга. И ещё он на основе жень-шеня и реально бодрит. Я бы всем, кто только родил, рекомендовал бы пить его пачками! Ну не пачками – по две таблетки в день.

– Угу, а потом начнётся – начнёшь вместо людей в офисе видеть крабов. Вместо трамвая – огромная улитка по рельсам едет.

– Побочные эффекты? – задумался я. – Да, иногда они интересные бывают. Аллею мы прошли молча, устало глядя на снежное царство парка.

– Почему он так дома не спит? – озвучила свои мысли Катя. – То и дело вопит, как резаный. И ведь ничего не болит, сытый, чистенький, а орёт.

– Ага! Ор на весь двор. Хорошо ещё, что мы кровать качающуюся купили, а то представляешь, какие были бы следы квадратные на ковре, вытертые.

Катиже усмехнулась, и я в очередной раз поймал себя на мысли, какие же красивые армянки!

– И времени ни на что не остаётся, – продолжила она. – Если появляется свободная минутка, то ты ложишься спать, потому что иначе сдохнуть можно.

– Угу! – в полной мере согласился я. – Как ты думаешь, когда станет легче?

– Никогда! – в ответе предательски зазвенела нотка уныния.

– Ну я серьёзно! – я растолкал её за талию, отчего Катя запаталась из стороны в сторону, как мыслящий тростник от мистраля. – Когда-нибудь ведь это закончится. Не будет же он вечно маленьким. Когда-нибудь наверняка он будет спать всю ночь, не просыпаясь. Перестанет кричать, начнёт мультики смотреть.

– Мне сейчас кажется, что это не наступит никогда.

Мы остановили коляску у скамейки, и я очистил сиденье от снега. Сел сам, а Катю усадил на колени, чтобы согреть её.

– Мама говорила, что самая тяжёлая – первая неделя. Она прошла. Теперь она говорит, что самый тяжёлый – первый месяц. Потом она скажет, что первый год, первые три года и так далее. Неужели мы никогда не станем прежними? Не ходим в кафе? Не сможем просто вдвоём прогуляться по городу?

– Конечно, сможем! – с энтузиазмом возразил я. – И в клуб сможем ходить, и в лес уехать летом на выходные. Нужно лишь подождать, когда Алексею Михайловичу исполнится восемнадцать...

– Вот ты дурак! – Катя стукнула меня по колену.

– Да шучу я, конечно! – я постарался выпутаться из угла, в который сам себя загнал. – Думаю, в реальности полгода мы будем мучиться. Потом он сам начнёт сидеть, головку держать. Очень надеюсь, что он спать начнёт ночью. Дети же спят ночью? Младенцы, я имею в виду.

– Пхх, конечно! Они должны спать всю ночь плюс три-четыре часа днём.

– Серьёзно?! – я искренне удивился. Тогда мне казалось, что Алексей Михайлович вообще спит часа три в сутки. – И днём ещё? Так это вообще сказка!

Мимо прошла старушка, которая с явным осуждением поглядела на нас. Видимо, даже в условиях зимы сидение девушки на коленях у парня показалось ей недопустимой пошлостью. Она даже прыснула от злости, что такое можно увидеть. Наличие коляски перед нами её никоим образом не смутило.

– Ну что, поехали? – вздохнула Катя.

– В лес за орехами? – скаламбурил я, но отклика не нашёл.

– Ага, за орехами. Если бы. Сейчас опять молоко сцеживать, уже болит всё! Что же будет дальше, Миш?

– О, ты помнишь моё имя!

И снова удар ладонью в перчатке по плечу. Мы сняли коляску с тормоза и тихонько тронулись к дому.

– На самом деле, несмотря на весь этот недосып и нервяки, я счастлив, что у нас Лёшка есть. Я уже не могу представить, как мы раньше жили без него. Теперь мне ничего в жизни не страшно. Дети – это залог бессмертия. Я теперь по-настоящему бессмертен. И счастлив. И очень рад, что ты у меня есть – такая хорошая, нежная и красивая.

Я обнял и поцеловал Катю. Лёшка, на удивление, спал всё это время.

– Сейчас приедем домой – он проснётся, и до полуночи...

– Да ладно, справимся! – я улыбнулся бледной улыбкой, сам прибитый бессонницей к земле. Как две сумрачные тени мы поплелись к дому, усталые и обезвоженные. У меня голова болела восьмью сутками подряд, и я уже перестал глотать аспирин, потому что не помогало.

Дальше всё случилось ровно по Катиному сценарию. В подъезде Лёшка проснулся, заворочался, закричал. А в квартире начал вопить и верещать попеременно. Мы помыли и перепеленали малыша, Катя покормила его грудью. Но он продолжает плакать, ворочаться и ковыряться. «Вдруг у него что-то болит?» – этот вопрос мы задали первым, когда к нам на второй день после выписки пришла врач из местной детской больницы. Но доктор заверила, что некоторые младенцы могут кричать час кряду и даже больше. В итоге мы смирились с нашей особенной судьбой и тренировали нервы иногда по двадцать часов в сутки. Но иногда нервы оказывались сильней.

– Э-эх! – я поднял вверх малюсенькую рубашечку и разодрал её надвое.

– Что ты делаешь! – Катя подбежала ко мне, как будто я мог то же самое повторить с сыном.

– Ну кто делает такую одежду, которую невозможно надеть на ребёнка! Я бы быстрее ему ручку сломал, чем надел этот миниатюрный рукав! Для кого это шьют? для котят?

– Успокойся! Ты его напугаешь! – этот довод на меня подействовал, и я ушёл на кухню купировать псих последовательным дорыванием рубашечки сначала на четыре, а затем на восемь и даже шестнадцать частей.

– Какой же ты несдержанный! – заключила Катя, когда ей удалось переодеть и немного успокоить Алёшку. – Зачем же одежду рвать? Во что я его одевать буду, если ты всё испортишь?

– Да, извини! – я признал свою вину. Тем временем Лёшка продолжал реветь, и нам потребовалось немало сил и терпения, чтобы его успокоить.

Всего за неделю я так накачал бицепсы, что мне стали туги футболки. Руки болели беспощадно. Но каждый день мне приходилось часами держать Алексея Михайловича на руках, качать его и по полчаса ждать, пока он крепко заснёт, чтобы переложить в кроватку. В эти счастливые моменты – получасы, сорокаминутки, реже полуторацасы – мы либо спали сами, либо, накачанные кофе, грустили прямо на полу, не в силах подняться и сесть в кресло.

– Иногда так хочется что-нибудь посмотреть! – почти без надежды рассказала Катя.

– Мы же в каждой комнате поставили окно! – пошутил я, и Катя на удивление рассмеялась.

– Да, это было неплохо. Ну что, давай какой-нибудь посмотрим?

– Давай!

Мы развернулись к окну, в котором с пола были видны лишь верхушки деревьев и медленно несущиеся облака.

– Какая операторская работа! – восхитился я.

– Но даже она меркнет на фоне грандиозной режиссёрской задумки. Сделай погромче.

Я нажал кнопку на воображаемом пульте, и Катя благодарно кивнула. Мы тихонько рассмеялись и прижались друг к другу крепче. Через секунду мы беспомощно заснули. А ещё через одну – проснулся Лёшка. И наши мучения продолжились до вечера, до ночи и до утра. В начале шестого мы наконец задремали. И наше блаженство длилось больше двух часов кряду. В половине восьмого Алексей Михайлович разбудил нас криком и плачем вперемежку с полным подгузником и пустыми надеждами на наше с Катей плюс-минус живое самочувствие. На этот раз уже супруга не смогла сдержать эмоций:

– После ночи с тобой хочется сдохнуть и ни разу не воскресать!

Мне пришлось силой оттащить Катю от Лёшкиной кроватки.

– Всё в порядке! Успокойся! Пойдём, сделаешь себе кофе. Посидишь немного, я с Лёшкой побуду.

Так мы и чередовались в своих микросрывах, и поддерживали друг друга. То я сдавался первым и в отчаянии говорил: «Ну это просто хнык-хнык какой-то!», Катя смеялась. То она бросала кипячёные пластиковые бутылочки в раковину, и я душил её в объятьях, чтобы она не задушила меня первой.

Но время шло, и мало-помалу мы пережили первые две ужасные недели, за ними – ещё две, и вдруг осознали, что прошёл первый ужасный месяц. А значит – мы стали на одну двенадцатую ближе к концу самого сложного года в нашей жизни. Так нам тогда казалось. Но за всеми тяготами, бесконечной бессонницей и головной болью разных оттенков мы всё же усматривали невероятную радость, связанную с чудом появления ребёнка.

Когда Лёшка улыбался и глядел на нас своими чудесными тёмно-озёрными глазами – мы с Катей не могли удержаться и целовали его в миниатюрные щёчки, ещё и ещё, пока уже сами не говорили себе: всё, хватит. А по-настоящему ощущение торжества и величия жизни пришло к нам, когда Алексей Михайлович выздоровел после неожиданной болезни.

Всё началось с обычного затяжного плача. Но в какой-то момент Катя поцеловала его в лоб и сказала мне: попробуй ты, нет ли у него жара? Мои губы обожгло, как будто зажжённую свечу резко поднесли и убрали от лица. Зато внутри у меня всё загорелось, как костёр в запертом сарае. Руки у меня затряслись, как у больного старика, я растерялся, часто-часто задышал и кинулся к телефону вызывать скорую.

Врачи приехали через десять минут. Лёшке сделали укол, от которого он поначалу разревелся, но затем быстро поник и уснул. Нам прописали микстуру и уехали, сказав: ничего страшного, наоборот хорошо, потому что иммунитет вырабатывается. И оставили нас одних – потерянных, точно обваренных бедой², отучившихся улыбаться, серых персонажей заброшенного подземелья.

Алексей Михайлович, в отличие от нас с Катей, проспал всю ночь. Каждый час мы осторожно подкладывали ему градусник. Утром малыш проснулся довольный и счастливый. Только к полудню температура у него поднялась выше 37-ми, и мы дали ему микстуру. Лекарство подействовало быстро, и Лёшка даже заснул на полчаса. И вот тогда мне впервые пришло в голову: как же всё хорошо! Как же мы могли не ценить того, что у нас было и что у нас есть! Ведь все мы живы-здоровы, и это главное. А то, что родители не высыпаются, – ну, таковы правила жизни, и наши родители через это прошли, и их, так что грех жаловаться.

Занятный факт №6

В начале XX века в Германии героин прописывали новорождённым при кишечных коликах

И, осознав всё это, я отошёл на кухню, чтобы Катя не видела, и про себя произнёс молитву, которая буквально родилась внутри меня: «Господи, спасибо за то, что всё так! Спасибо за жизнь и здоровье наших родителей, нас и наших детей! Спасибо, что у Лёшки нет коликов, что он не отвергает мамино молоко, что он родился здоровым и что он счастливо пережил неожиданную болезнь!

² Это выражение из романа Ф. Фитцджеральда «Ночь нежна».

Спасибо, что пупочек у него заживает и что туда не попала инфекция! Спасибо, что слизистые у него выделяют влагу и глазки хорошо видят! Спасибо за то, что Ты даёшь нам возможность понимать и вновь оценивать чудо жизни. Даруй всем нам здоровья, сил, радости, бодрости и зоркости видеть Тебя во всём! Спасибо, Господи, за всё! Спасибо, что всё так!».

Тот день многому нас научил. Всего за сутки я почувствовал себя беспомощным, как одинокий ребёнок во время войны. И как одухотворённый художник во время озарения. И как усталый путник в середине великого пути. И как скромный служитель вселенской любви, разлитой по всем направленным к солнцу глазам.

Мало-помалу мы привыкли спать по двадцать минут восемь раз в день. Я научился подмывать, гладить, застилать простыни, разогревать молочко. Катя освоила тонкости фармакопеи и выучила сотни лекарственных препаратов. Январские праздники подходили к концу, и я начал готовиться к тяжёлым трудовым будням. Хотя с учётом трудностей воспитания работа в офисе могла показаться приятным препровождением под навесом летнего кафе с чашечкой кофе и зефиром на десерт. Я с ужасом думал, как оставлю Катю одну. Совсем одну, так как мама тоже отмучилась с нами положенный урок и уехала домой.

– Может быть, купишь себе шампанского? – в последний вечер перед работой спросила вдруг Катя.

– Я? Себе?

– Ну да, мне же нельзя. И ещё долго нельзя будет – я же кормлю.

– А, ну да! – я почесал затылок, как отёсанный деревенщина. – А зачем? И почему шампанского?

– Ну как зачем? – удивилась Катя. – В честь рождения Лёшки! Мы же даже не отпраздновали это. А ты и вовсе недельный отпуск в декабре потратил и сейчас не отдохнул ни капли. Хоть расслабишься.

– Да, я об этом что-то не думал. Только шампанское я не люблю, а от крепкого спиртного меня унесёт. Пива, может? – я сам как-то призадумался. Заодно удивился, что мыслей отпраздновать мне доселе не приходило в голову.

– Ну возьми хорошего какого-нибудь! – рассмеялась Катя, как будто я приехал из деревни в Хургаду. – Дороже двухсот рублей!

– Пиво дороже двухсот рублей – это вино.

Моя сентенция так понравилась Кате, что она чуть не подавилась яблочным соком, который пила в тот момент.

– Тебе надо эти шутки записывать и потом на принтере печатать.

– Правда? – воодушевился я. – Тебе понравилось, значит? Тогда слушай ещё одну, как раз про принтеры. Ты в курсе, что они бывают лазерные, а бывают струйные.

На этот раз Катя успела сделать глоток, и теперь сок пульсирующе полился у неё изо рта.

– Вот у тебя случился струйный смех! – добавил я масла в огонь, и Катя, красная от смущения, отвернулась к мойке и долго вытиралась.

– Вот ты дурачок-то! – после вынужденной паузы заметила Катя. – Струйный смех... Иди давай! Если хочешь, конечно. А то наступят будни.

По здравом и скором рассуждении я собрался в магазин. Долго выбирал себе трофей. А заодно решил набрать детского молочка, которое продавалось по акции: по 18 рублей вместо обычных 32-х. Завидев меня, кассирша улыбнулась, поздоровалась и спросила:

– Ну что, сколько?

– 355 рублей плюс пакет. Сколько он?

– 5 рублей.

– Значит, 360.

Я показал корзинку с пятнадцатью пакетиками детского молока и бутылкой импортного Paulaner Weissbier. Кассирша пробила всё и вдруг запнулась.

– Гм, 570 получилось.

– А карту провели?

– Да.

На меня обернулись две соседние кассирши.

– Подождите минутку, я сейчас принесу ценник. Наверно, скидка не прошла.

По ценнику пробилось то же самое. Позвали администратора. Оказалось, что цена применяется, если товаров не больше десяти. Пришлось мне ограничиться этим лимитом, а магия счетоводства – хотя в данном случае это мог в уме подсчитать второклассник – рассеялась в воздухе, как дешёвая аэрозоль.

– Ладно, спасибо, что разобрались!

– И вам спасибо! Извините, что так получилось.

– Да ничего страшного. Наверное, я единственный, кто покупает в таких масштабах. С другими покупателями таких багов, наверно, и не найдёшь. Но зато теперь вот об этом знать будете.

Дома Катя встретила меня вопросом:

– Вот зачем тебе все эти подробности в книжке?

– Какие? Про пятнадцать молочек? Ну как же. На десять действует скидка, а на пятнадцать нет. Это же тоже подробности нашей жизни. То, с чем мы сталкиваемся так или иначе каждый день. А причём здесь книжка вообще? Это

мы с тобой типа опять общаемся, как в жизни, а на самом деле – это диалог «кожаевского мира цыган»?

– Какая книжка? какие цыгане? Я тебя спросила: «Зачем все эти подробности, Мишка?».

– А-а, «Мишка»! А мне послышалось «в книжке»...

– Слушай, может, тебе хватит принимать пирецетам? Реально.

– Ну, хорошо! Ладно, – нехотя согласился я.

– Я серьёзно! Ты вообще читал инструкцию? Ты в курсе, что там среди побочных эффектов – галлюцинации? Завязывай давай, а то словишь что-нибудь.

– Что? Правда? – расстроился я. – Жалко. Так бодрит... Ну, что ж поделать. Ладно.

Лёшка как будто почувствовал, что нам надо дать хотя бы маленькую передышку, и мы с Катей спокойно поужинали. Вечером подмыли и уложили Алексея Михайловича. И всё шло хорошо ровно до четырёх утра, когда он заверещал, и мне пришлось встать и взять его на руки. В убаюкиваниях я прошагал сонным зомби всю спальню, так что вмятины должны были появиться на полу, но я их не увидел замыленными глазами. Ближе к семи проснулась Катя и забрала у меня Лёшку. Я, мёртвый, рухнул в сон, но через полчаса меня принудительно стал воскрешать проклятый будильник.

С квадратной головой я влил в себя чашу кофе, в который я забыл добавить мёд, и просунул в горло безвкусную глазунью, которую я забыл взболтать на сковородке. Затем с безысходностью посмотрел на шкафчик у холодильника, где с одной стороны лежали приправы, а с другой – лекарства. Стиснул зубы и с ощущением совершаемого предательства вытащил две таблетки пирецетама и проглотил их. Моллюсочное тело моей личности выстлалось на лестничную площадку, слилось по ступеням вниз и влезло за руль. Начался первый мой полноценный рабочий день в статусе отца.

Глава 45

Поместье сгорело

Родной журнал после долгой новогодней паузы я застал в полуразобранном состоянии. Новая девочка, Аня, которую мы приняли на работу в конце декабря, уткнулась лицом в стол и спала. Корреспондент Антон метал дротики в дартс, пока чистилась забившаяся кофемашина. Фотограф Катя вывалила всё из сумочки и теперь всё складывала обратно в непонятном для меня порядке. Дизайнер Артём ещё явно не протрезвел после праздников. Он подходил ко всем подряд по нескольку раз и душил своим длиннющим эластичным шарфом.

При моём появлении все радостно заверещали и кинулись меня обнимать. Честно говоря, я даже не ожидал такого приёма. Меня поздравляли с рождением сына, спрашивали, как у нас дела, всё ли хорошо. В такие моменты начинаешь заново ценить людей, к которым как-то привык, пообтёрся с ними работать. А тут оказывается, что они такие молодцы, такие милые люди.

Приятное ощущение, однако, длилось недолго. Когда мы сели за работу, я понял, что февральский номер находится даже не в зачаточном состоянии, а в минусовом. Большинство черновых материалов пришлось бы править так сильно, что проще было бы взять другие темы и начать с нуля. Наверное, в такой оценке ситуации виновата и скопившаяся в моих жилах усталость. Но по мере того, как я читал подготовленные статьи, мигрень только усиливалась.

Я пригласил ведущего авторубрики в кабинет, и мы стали разбирать его статью.

– Вот, смотри, Антон. Ты пишешь про новый «Кёнигсегг». Понятно, что машина крутая, столько-то «лошадей», такой-то разгон – это всё понятно. Но в чём новизна автомобиля?

– Ну как – новая модель. – Журналист явно не ожидал разбора по косточкам в первый рабочий день после новогодних праздников.

– Угу. То есть актуальность моей дипломной работы определяется тем, что без неё я не получу диплом, да? Ты изучал техническую составляющую? Из чего, например, сделан коленвал – из титана или из кевлара?

Антон на секунду задумался.

– Я знаю, что у него блок двигателя облегчённый – из магниевого сплава.

– Вот это хорошо, что ты знаешь. И молодец, что не стал врать, а перевёл тему. Это отлично работает на экзамене и при общении с гаишниками. Только мы тут пытаемся делать безусловно лучший журнал в России. Но такими статьями мы сами себе затрудняем путь на пьедестал. У «Кёнигсегга» нет коленвала в принципе. Понимаешь? И понимаешь, что такое коленвал? Это такая стальная труба, которая крутится и приводит в движение поршни в двигателе.

Я на пальцах показал схему его работы.

– А здесь его вообще убрали! Поршни приводятся в движение электромеханическими актуаторами. Они сами вычисляют, когда нужно двигать каждый поршень. А это что значит? Уменьшается масса двигателя – раз. Уменьшаются потери на трение, что позволяет более эффективно использовать мощность – два. Ну и так далее, сам с этим разберёшься. Но главное-то – что? Что премиальный шведский бренд переизобретает автомобиль! Понимаешь?

Потом я прочёл минилекцию про то, что французы – самые шизофреничные автоконструкторы и дизайнеры. Привёл в пример машину, в которой колёсная база различалась справа и слева. Объяснил, какой заголовок и какой посыл должен быть в новости про миниатюрный электрокар от «Ситроена».

– Для управления им не нужны права! Понимаешь? Есть 14 лет – сел и поехал, понимаешь? Вот в чём смысл. Ну и концовка тут напрашивается, что вот так надо начинать электрореволюцию – не сверху вниз, как «Тесла», а снизу вверх, чтобы школьники и студенты не покупали даже, а подписывались за 19 евро в месяц. Вот посыл.

После разговора Антон ушёл понурый и, скорее всего, демотивированный. Должно быть, не стоило в первый день брать с места в карьер, но меня было не остановить. Я позвал к себе Аню, которая отвечала за женские рубрики и светские темы.

– Слушай, ты действительно считаешь, что это интересная тема? Сама по себе, безотносительно к содержанию.

– Конечно! – она стала горячо отстаивать свою позицию. – Минисловарик со всеми актуальными терминами из молодёжного сленга. Это сейчас самое интересное – кто как общается, какие словечки используют, какие нюансы есть.

– «Хайпжор»? – я привёл пример из списка.

– Да. Тот, кто, как животное, кормится тем, чем хайпуют в данный момент.

– «Чилить»?

– Расслабляться, прохлаждаться! Чил-аут – слышали же?

– «Изи»?

– Релакс, тейк ит и-и-изи!

– Гм. Слушай, ну вот ответь мне, как ты думаешь: приживутся или нет в русском языке все эти словечки? Будут ли наши внуки говорить, – я обратился к шпаргалке, – «рофлить», «хейтер» и «биджвотчинг»?

– Биджвотчинг – это очень интересное слово. С английского «бидж» переводится как «запой», то есть смотреть сериал запоем, от начала до конца. Это же самый сок для журнала!

– Гм, ну ладно, спасибо! Давай только я перепишу начало и конец, потому что всё это не так должно быть. Ладно, извини, если я чересчур придираюсь.

У меня появилось стойкое ощущение, что всё приходится делать самому.

Затем мы сели с дизайнером расписывать план работ на ближайшую неделю. И просидели не меньше часа.

– Слушай, мне иногда кажется, что, может быть, мы все – персонажи выдуманной книги. Всё как-то суетно, как будто мы букашки под ногами

других, более масштабных людей. Представляешь, если есть более реальный мир, в котором мы не больше, чем обрывки снов или чьих-то фантазий.

– Слушай, чувак, ты совсем обкурился! – Артём засмеялся после небольшой паузы, как будто размышлял, не свихнулся ли я. – Может, сегодня пораньше уйдёшь?

– Да нет, нет, всё в порядке! Это я так, мысли иногда такие бывают. – А сам подумал про пирарцетам. Голова у меня работала как никогда хорошо, как японские часы. И усталости не было следа. Как будто просто нахождение там, где нет Алексея Михайловича, способствовало сохранению и даже накоплению энергии. Неужели ребёнок отнимает так кошмарно много сил?

Весь день я отработал на «отлично». Такие дни любой человек может записывать себе в актив. И мне понравилось, что работа действительно доставила удовольствие. Я не стал задерживаться и выехал домой в начале седьмого. Правда, в это время город стоял в пробках, и я понял, что можно было поработать лишних полчаса и прибыть домой во столько же. Но я уже упёрся в затор на светофоре и решил стоически пережить это испытание. Которых в начавшемся году предстояло ещё множество множеств. Бессмысленных и беспощадных.

Мой мозг в идеальной форме продолжал рождать новые и новые мысли, формулировал неожиданные закономерности и подмечал самые мелкие детали. Мой глаз почему-то прицепился к чёрной «семёрке», которая на светофоре повернула на площадь перед магазином и остановилась под запрещающий знак. Из салона вышел южанин. Он открыл багажник и вытащил оттуда картонную коробку, обмотанную скотчем, со следами машинного масла. Прошёл с ней до входа в магазин и поставил рядом с уличной мусоркой. Вокруг никто не обратил на это внимания. Затем мужчина вернулся к машине, сел за руль и спокойно уехал.

– Чёрт! – выругался я – то ли в его адрес, то ли неволью. И тоже поймал себя на мысли, что заметил эту двойственность. Но сейчас было совсем не до того. Я быстро заглушил двигатель, включил аварийку и выбежал из машины. Жестом извинился перед водителем, который стоял сзади меня. Пробежал добрую сотню метров, замахал руками и заорал:

– Убегайте! Быстро убегайте, тут взрывчатка!

Люди шарахнулись в стороны.

– Позовите охранника из магазина! Уходите, разбегайтесь!

Изнутри выбежал суровый охранник.

– Выпускайте покупателей через служебный ход. И вызови полицию! Понял? Вызывай полицию, немедленно!

Тот, кажется, перепугался, но все мои приказы выполнил. Спустя считанные секунды народ за стеклом повалил вглубь магазина.

– Твою мать! – снова выругался я. Осторожно просунул руки под коробку, медленно поднял её и методично зашагал в сторону железного мусорного бака, куда погрузчик складывал строительный мусор из соседнего здания. Дрожащими руками положил коробку как можно ближе к центру и закричал крановщику, который перекладывал в бак остатки кирпичных стен:

– Опрокинь его в сторону другого бака!

Работник хотел было броситься прочь. По крайней мере, я прочёл это на его лице, и поэтому истерично завопил:

– Выполнять, мразь! Роняй его и беги!

И как бы в знак того, что он должен это сделать, остался стоять на месте. Крановщик зацепил край бака ковшом и опрокинул его на бок, так что тот упал в считанных сантиметрах от стальной боковины.

– Беги! Беги-беги! – закричал я и сам бросился наутёк. Я успел отбежать метров на сто, обернулся – и в этот момент раздался взрыв. Ярко-оранжевое пламя вырвалось из опрокинутого бака. Жуткий грохот подняли куски пыли и мусора на добрые пять метров. В соседних магазинах выбило окна, десятки машин загудели сигнализациями. Соседний бак пошатнулся и сам завалился набок. Судя по первым впечатлениям, никто из людей не пострадал.

Спустя полминуты, под аккомпанемент падающих на снег ошмётков мусора, подъехала полицейская машина, за ней – пожарные. Охранник магазина вышел на улицу и указал на меня. Офицер стал слушать мой рассказ – про «семёрку», про южанина и про оставленную им коробку. В тот вечер меня увезли в отделение. Я даже забыл, что был за рулём. Когда вспомнил – туда отправили сотрудника, который пригнал машину к отделу. Мои показания тщательным образом записали, а затем приехал грузный, но ещё совсем не старый генерал. Он подошёл ко мне, пожал руку и сказал:

– Спасибо тебе, сынок! Если бы не ты – нам бы всем была *****!

Я остолбенел от такой прямоты, так что даже не смог ничего ответить. Только потом мой мозг додумался спросить себя: а кого это всех он имел в виду? То ли всем людям, которые там были, пришёл конец. То ли карьере его и тех, кто выше. Как бы то ни было, вечером – точнее, уже за полночь – я вернулся домой с мыслью, которую должен гнать нравственный человек. Но тогда она меня очень даже тешила: а ведь я герой! Катя мирно спала рядом с Лёшкиной кроватью. Я счастливо улыбнулся. Пошёл на кухню и откупорил бутылку десятилетнего «Лафройга», который хотел попробовать на день рождения.

– Фух! как будто поместье сгорело! – промолвил я вслух, покатав виски во рту. Сделал ещё глоток. Допил стакан до дна и заснул одетый прямо в кресле.

Глава 46

Праздники продолжаются

Дальше события разворачивались стремительно. На следующий день ко мне в офис приехали сотрудники ФСБ, которые тщательно проинструктировали меня о предстоящем визите в Кремль. Вслед за ними появились ребята из ФСО, спросили, есть ли у меня костюм. Пришлось заехать домой, чтобы переодеться в торжественное. За руль моей машины меня не пустили. Будто преступника, провели к чёрному микроавтобусу и усадили в салон. По пути много раз повторили, чтобы на встрече я не делал резких движений и не убирал руки в карманы. После того, как я забежал домой, нарядился и поцеловал Катю, меня вновь запихнули в машину и повезли. Несколько часов вместе с заслуженными министрами, певцами и профессорами нас продержали в большом помещении со множеством зеркал и стульев. Гримёры подходили к каждому, натирали лица пудрой, укладывали волосы. Без пятнадцати восемь всех нас пустили в зал торжественных собраний Кремля. Рассадили по местам в полном соответствии с утверждённым кем-то сверху списком.

Ещё минут сорок мы просидели просто так. Затем запустили репортёров. Они, как цыгане, начали бегать вдоль и поперёк, выискивая жертв для своих сюжетов. Зажигались огни прожекторов, распаковывались микрофоны, корреспонденты пристраивались между фигур, чтобы задавать вопросы со скоростью пулемётных очередей. Через полчаса люди в тёмно-серых костюмах пошли по рядам, и телевизионщиков загнали в отведённый для них угол. Всё притихло, как перед бурей, и левитаноподобный голос провозгласил:

– Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин!

Все, как по команде, встали. Заиграл российский гимн. Президент поприветствовал и поздравил всех собравшихся с прошедшим Рождеством. Собственно, встреча и была приурочена к празднику. Однако уже по началу речи нашего лидера я понял, что основной темой стала попытка теракта, и кровь неожиданным вулканом прилила к моей голове.

– Даже в мирное время враги пытаются внести разлад в жизнь нашего общества, государства в целом. Как вы все знаете, вчера в сердце нашей Родины террористы привели в действие взрывчатое устройство. Теракт обошёлся без жертв только благодаря активному вмешательству социально ответственных граждан. Они смогли вовремя распознать взрывчатку и немедленно предприняли шаги, чтобы переместить её в наиболее безопасное для людей место. Ещё вчера новостные агентства по всему миру успели

облететь кадры, на которых зафиксирован момент взрыва. Избежать его не удалось, но в результате – и это самое главное – никто из людей не пострадал. Для нас всех этот теракт напомнил о существующей угрозе для цивилизованного мира. И победить её мы можем не только эффективными превентивными мерами, но и благодаря бдительности наших граждан. Сегодня в этом зале – настоящие герои.

Путин посмотрел прямо мне в глаза.

– Журналист Михаил Кожаев первым заметил коробку со взрывчаткой. Рискуя жизнью, он поднял её и отнёс к ближайшему металлическому баку, куда строители складывали строительный мусор. А оператор крана Кирилл Латыпов опрокинул бак набок, чтобы минимизировать, – президент мимикой проиллюстрировал этот глагол, и в этом я заметил сталинские нотки, – последствия неминуемого взрыва. Благодаря слаженной совместной работе двух граждан, которые до этого были незнакомы друг с другом, благодаря самоотверженности и холодному расчёту – обошлось без жертв. Я хочу поблагодарить вас и поставить в пример всем россиянам.

Левитаноподобный голос произнёс:

– Михаил Кожаев! – и я встал с места и пошёл по направлению к президенту красный, как рак.

Путин крепко пожал мне руку.

– Спасибо вам большое! – сказал он, глядя мне в лицо. И нацепил мне на лацкан пиджака орден «За заслуги перед Отечеством» четвёртой степени. Церемониймейстер указал мне место, куда мне следовало встать.

– Кирилл Латыпов! – раздалось сверху, и к президенту вышел тот самый крановщик, которого я так неожиданно обложил бранью, за что мне стало сейчас очень стыдно.

– Спасибо большое! – сказал ему Путин, поместил на грудь такой же орден, и мы втроём встали в линейку, чтобы нас успели сфотографировать многочисленные фоторепортёры.

– Скажете что-нибудь? – спросил глава государства у нас обоих, но первым указал на крановщика. Смущённый до крайней степени бордовости ушей, он вышел к кафедре с двухглавым орлом и произнёс в микрофон:

– Спасибо большое, Владимир Владимирович! Это очень ценная для меня награда!

Президент кивнул и вновь пожал ему руку. Затем подал знак мне. Я подошёл к микрофону. Хорошо, что из-за кафедры не было видно, как дрожат у меня коленки.

– Три недели назад у меня родился сын, Алексей Михайлович. Я должен извиниться перед моей любимой супругой, Екатериной. Но даже если бы я

наверняка знал, что меня погребёт под взорвавшейся бомбой, – я бы всё равно бросился к ней, чтобы унести как можно дальше от скопления людей! Мой дед защищал Москву в сорок первом, с войны он вернулся без одной ноги. Но он любил повторять: если что-то надо сделать – делай, и не думай о последствиях! Если надо пойти на риск, чтобы попытаться спасти десятки людей, – тут я сделал театральный жест, – это безусловно необходимо сделать! Безо всяких «но». Владимир Владимирович, извините, что отниму драгоценную минуту Вашего времени, но я должен это сказать. Я родился в Туле. На одном из зданий у нас написано: «Значение Тулы для республики огромно. Вэ И Ленин». Мало кто знает, что у этой фразы есть продолжение: «Но народ там не нашинский, за ним нужен глаз да глаз». Конечно, он имел в виду свободолюбивых оружейников и приют Лжедмитрия в Смутное время. Но я хочу Вас заверить, Владимир Владимирович, что Тула – нашинская. Что народ там – преданный Отчизне и готовый положить душу за други своя. Мы не пустили нацистов в сорок первом, не пустим ваххабитов и сейчас. Будьте уверены в наших гражданах. Мы любим Россию и живём и работаем ради нашего общего блага. Спасибо Вам большое за мирное небо над нашей Родиной!

Кто-то в зале захлопал, и вскоре аплодисментами заполнился весь кремлёвский зал. Путин с интересом посмотрел на меня во время повторного рукопожатия. Длилось оно гораздо дольше первого. И сжимал мою руку Владимир Владимирович гораздо сильнее. Чувствовалась огромная сила этого человека.

– Спасибо! – бросил он мне сквозь грохот оваций, а затем что-то нашептал своему помощнику, который всё время прятался у президента за спиной. Началась новая волна награждений.

Через час церемония завершилась, и всех гостей пригласили на ужин. Десятки людей прошли в освещённую десятками хрустальных люстр залу. Здесь был расставлен огромный овальный стол со множеством тарелок и приборов, которые переливались в свете софитов и вспышек фотокамер.

Президент занял место в центре. Вокруг него сразу засуетились помощники, которые подвели к месту справа от Путина английского министра иностранных дел. Он учтиво поклонился Владимиру Владимировичу, и распорядители придвинули к нему стул. Пока они по-английски обменивались приветственными фразами, слева от президента посадили модного музыкального продюсера. Когда Путин обернулся к нему, то сразу же позвал жестом помощника и что-то шепнул ему на ухо. Тот немедленно обошёл гостя с другой стороны, попросил его пересесть и, недовольного, увёл под локоть вдаль. Мужчину подвели ко мне, и я был вынужден уступить ему своё место.

«Что ж, не поужинаю сегодня», – с грустью подумал я. Хотя, конечно, больше всего я сожалел, что человека сначала пригласили, а затем – деликатно и учтиво – выведут под белые ручки вон. Каково же было моё удивление, когда распорядитель провёл меня мимо дверей и цепко потащил в центр. Считанные секунды – и вот меня уже усаживали рядом с президентом, прилаживая накрахмаленную салфетку к накрахмаленной рубашке.

Путин сидя произнёс приветственную речь. Он отметил, что в изменчивом мире важнее всего, чтобы каждый занимался своим делом. И именно влюблённые в свою профессию, в своё дело люди наиболее полезны для государства. Он поднял бокал с шампанским и чокнулся сначала с английским министром, а затем со мной. Четверть минуты длился хрустальный перезвон. На смену ему пришла сюита серебряных приборов и фарфоровые тарелки.

– У-у, какая вкусная форель! – по-простому заметил я. – Превосходная!

Путин моргнул распорядителю, и тот, не мешкая ни секунды, кивнул кому-то ещё, и через считанные секунды официантка принесла поднос с добавкой. Она положила мне в тарелку ещё одну порцию. А затем хотела поставить на стол полный соусник. В этот момент кто-то случайно толкнул её, и изрядная доля соуса угодила мне на рукав. Возникла неловкая пауза.

Вспоминая бабушкин совет, я протянулся к солонке и прихватил добрую щепоть соли. Посыпал её на рукав, приложил сверху снятую с рубашки салфетку и произнёс так громко, чтобы меня услышал английский министр:

– Фол энд э мисс!³

– Ah-ha-hah! – рассмеялся министр (отчего невольно улыбнулся и Путин).
– It's excellent exit from snooker!⁴

– О! – Путин обратился к министру на английском. – Какое тонкое замечание!

Уверен, президент действовал по невероятному наитию интуиции, поскольку я не слышал, чтобы он проявлял интерес к снукеру. Тем парадоксальнее и ценнее был его молниеносный ответ. Который опередил и мою реакцию, и реплику министра. Видимо, в политике значение блефа сильно недооценено.

Ужин продолжился. То и дело щёлкали затворы камер. А общение становилось всё более раскованным. Неожиданно зал наполнили звуки автомобильного клаксона. Путин обернулся ко мне, губы его неспешно

³ Foul and a miss – промах при ударе в снукере, английской разновидности бильярда. «Фол и мисс» объявляется, когда игрок допускает промах, но, по мнению судьи, он носит не намеренный характер.

⁴ Дословно: Это отличный выход из снукера. Англичанин, который, конечно, прекрасно разбирается в правилах снукера, имел в виду отличный выход из затруднительной ситуации.

зашевелились, только вместо ожидаемой вкрадчивой речи раздалась площадная брань:

– Давай езжай уже, баран!

Путин моментально растаял, как туман, а вместе с ним – и кремлёвский зал, и десятки заслуженных людей, и блюда, и официанты. Я быстро проморгался, не веря своим глазам, и застал перед собой ту самую пробку, в которой стоял, когда террорист принёс к магазину взрывчатку. Правда, мой взгляд зацепился за того же южанина – только вместо промасленной коробки он положил не рядом, а непосредственно в мусорку пустой пакет из «Макдональдса». А сам я по-прежнему сидел за рулём. И упустил тот момент, когда машины передо мной тронулись, а я всё стоял и хлопал глазами, из-за чего сзади мне уже стали сигналить. Я включил первую передачу и резко тронулся с места. Мишура кремлёвского дворца спала, как сонная пелена. Место у сердца, куда Путин прикрепил орден, ощутимо горело огнём, хотя возможно, что я сам в поисках награды натёр себе грудь.

Домой я приехал в совершенно смешанных чувствах. Вместо вмиг разрушенной гордости остался неприятный пепел чего-то великого, что не выпало на твою судьбу. Встретила меня совершенно измученная Катя. Она мне передала орущего Лёшку сразу же, как только я переоделся, вымыл руки и умылся. Битый час я фланировал с младенцем из кухни в зал и обратно. Руки мои превращались потихоньку в корабельные канаты, а глаза вновь наливались краснотой.

– Катюш, может, я открою «Лафройг»? – спросил я на очередном вираже убаюкиваний.

У Кати, казалось, не осталось сил на мимику – она ответила сухим командным голосом.

– Ты купил его на день рождения, так что будь мужиком и не ной.

– Гм, – я не ожидал такого ответа и отправился качать Алексея Михайловича дальше. На ум пришла строка «Калинова моста»: «Праздники прошли, нас нагнали будни».

Катя сказала, что пойдёт примет душ и ляжет спать. Что сил её больше нет. Выйдя из ванной, она легла в моём кабинете и выключила свет. Однако, когда я в очередной раз прошёл с убаюкиваемым Лёшкой на кухню, то заметил в комнате свет. Тихонько постучался, аккуратно вошёл. На мой немой вопрос Катя ответила резко:

– Не могу уснуть. Решила почитать.

В руках у неё были распечатанные листы.

– Что это? – спросил я.

Катя вернулась к листу с заглавием и произнесла:

– «Дарья и Лев».

Я припомнил, что когда-то давно начинал такой рассказ.

– Ну и как? – поинтересовался в этой связи я.

– Да не знаю пока, начала только. Иди, дай я почитаю и засну поскорее, потому что тут наверняка очередной хлороформ.

Я обиделся и вышел с Лёшкой в зал. А Катя вернулась к моим запискам.

– Сколько вам полных лет? – поинтересовался у посетительницы сотрудник банка, отвечавший за выдачу кредитов.

– Двадцать девять.

Мужчина с удивлением покосился на женщину: на вид ей было под сорок – настолько сухой и бледной она выглядела. И продолжил задавать стандартные вопросы анкеты:

– Есть ли муж?

– Нет, я вдова.

– Дети?

– Да, один ребёнок, сын. Лев.

– Сколько ему полных лет?

– Тринадцать. У нас с ним день рожденья в один – через две недели.

Банкир подсчитал про себя: родила в 16.

– Гм, так-так. На что вам нужен кредит?

– Сделать ремонт в квартире.

– Угу, ремонт. «Бытовые нужды».

Он щёлкнул мышкой в нужном окошке.

– Какой у вас средний доход в месяц?

– Пятьдесят тысяч рублей.

Мужчина даже подавился от неожиданности и был вынужден прокашляться.

– Даш, – негромко начал он, поскольку они были знакомы в небольшом городке, где все друг друга знают. Но быстро осёкся, потому что с клиентами нельзя говорить на «ты», и сверился с анкетными данными: – Дарья Петровна, откуда у тебя такой доход? Ты ведь работаешь учительницей на полставки. Мой Витька рассказывает, что ты в столовой доедаешь, что остаётся после учеников. Ну какие пятьдесят тысяч?

– Как откуда? Я репетиторством подрабатываю.

– По двести рублей в час?

Он поджал губы в знак того, что никто не поверит в декларируемый доход.

– Андрюш, напиши, пожалуйста, столько! – она посмотрела на него с мольбой. – Ты же знаешь: если я укажу настоящую зарплату, мне вообще

ничего не дадут. Ты же сам говорил: там, в центре, проверяют через пень-колоду – может, пройдёт!

Несколько секунд он размышлял.

– Ну хорошо, – негромко ответил он. – А сколько ты хочешь взять?

– Двести тысяч.

– Двести? – невольно повысил голос банкир и тут же стушевался перед другими посетителями, заговорил ещё тише, чем раньше. – Зачем тебе столько? Это первое. И второе: как ты отдавать-то будешь? Тебе зарплаты на проценты еле хватать будет! Даш, давай я просто закрою заявку, как будто ничего и не было, а?

Некоторое время оба сидели молча. Но затем Дарья заговорила:

– У нас в том месяце сломался унитаз. Чинить некому, сантехника вызывать дорого, сама кое-как приладила, но он протекает, ведро в туалете стоит, пять раз на дню выливаем. Окно на кухне до сих пор деревянное, на пластиковое денег нет, старые куртки к раме скотчем приклеиваем. А Лев третий год ходит в старых сапогах. Андрюш, ну я прошу тебя – ну просто отправь заявку! Если нет, то нет. А если да – ведь это я сама всё озвучила, твоя вина-то тут в чём?

Мужчина вздохнул, окинул взглядом всех присутствующих: не наблюдает ли за ними кто? Никто не наблюдал.

– Ладно. Но это единственный раз. Слышишь, Даш? Больше – даже не думай ко мне с такими просьбами приходить, ясно?

– Всё поняла, Андрюш! Больше – ни разу! Спасибо тебе!

– Но это ещё не гарантирует, что заявка пройдёт.

– Конечно-конечно! Я всё понимаю...

На этих словах Катя заснула. А когда я уложил Лёшку и пришёл накрыть её одеялом, она сквозь дрему предложила мне:

– Миш, можно маленькую просьбу?

– Конечно! – я готов был выполнить всё.

– Не пиши больше ни строчки! – Она показала на распечатанные листы с рассказом. – Такая ерунда – даже засыпать противно!

Я очень обиделся, чуть не заплакал. Но делать было нечего – пошёл спать к Лёшке. Лёг с ним рядом, приобнял и немедленно заснул.

Во сне мне явился неизвестный старец, довольно неприятной, кстати, наружности. Но я вмиг понял, что он – святой. От него исходило какое-то мощное... вдохновение, что ли. Я ощутил прилив сил и глядел на него с благоговением. Старец подошёл ко мне, положил ладонь на плечо и наказал:

– «Позвоните в дрезденскую клинику и передайте доктору Клаусу Больцу: “Не отходите от Урсулы ни на минуту!”».

Я проснулся. В темноте попытался рассмотреть, спит ли Лёшка. Он безмятежно сопел на подушке. Я накрыл его одеялом повыше и снова заснул.

Странное ощущение разбудило меня посреди ночи. Мне показалось, что что-то попало мне в горло, и я не могу дышать. Проснувшись, я понял, что слишком сильно запрокинул голову назад на подушке, так что действительно в какой-то момент даже всхрапнул и от этого проснулся. Лёшка мирно спал рядом.

Часы показывали без четверти три. Несмотря на глубокую ночь, я поднялся, тихо оделся и пошёл на кухню. Там я аккуратно, чтобы не скрипела, открыл дверцу под мойкой и завязал мешок с мусором. Медленно обулся, тихонько открыл дверь и пошёл вниз по лестнице, на улице. Но там, вместо того, чтобы выбросить в мусор в контейнер на углу, я подошёл к ржавой «четвёрке» и вывалил на капот машины всё, что набралось за вчерашний день: памперсы, кожуру от курицы и бананов, и особенно много почему-то было очисток от лука. Они прямо сыпались и сыпались, как будто я перебрал мешок лука и всю шелуху сейчас высыпал на машину.

– Ты что делаешь? – окрикнул меня голос с южным акцентом со второго этажа соседнего дома.

– А чего ты здесь поставил? Это твоё место, что ли? – и продолжил ссыпать луковую шелуху, к которой начала примешиваться яичная скорлупа с остатками вязкого белка.

Через считанные секунды из подъезда выбежал кавказец в майке на голое тело, из-под лямок рвались на свободу в прохладу ночи седые пружины волос на груди. Вслед за ним выбежали ещё двое мужчин. В руках у них были какие-то скребки для выравнивания стен.

– Щас мы тебя убиват будэм!

Двое молодцев схватили меня за руки, а старший из троицы вытащил откуда-то из-за спины пистолет с монтажной пеной, вставил его мне в рот и нажал на курок. Всё моё горло, рот, и нос, и, казалось, уши, наполнил сладковатый мусс. Но уже в следующую секунду вся эта масса разбухла и распёрла меня изнутри. Теперь во мне как будто было двести килограммов. Вместе с этим горло полностью закупорилось, и я стал судорожно искать воздух, чтобы сделать хоть малюсенький спасительный глоток. Как рыба, я стал хватать губами кислород, безуспешно, и наконец – проснулся!

Оказалось, я слишком сильно запрокинул голову назад на подушке, так что воздух действительно перестал поступать в лёгкие. Часы показывали без

четверти три, рядом мирно спали Катя с Лёшкой. На секунду Катя приоткрыла глаза.

– Когда ты успела прийти к нам? – шёпотом удивления спросил я.

– Да никогда, Миш! – пробубнила она в ответ. – Мы – в однокомнатной квартире! Переезд будет только в следующей главе, поэтому у нас одна комната и одна кровать, никакого твоего кабинета – нет. Совсем ты не следишь за своим романом.

– А, точно! – я ударил себя по лбу, но тихо – чтобы не разбудить Лёшку.

Катя отвернулась и моментально заснула. А я тихонько встал и, поняв, что уже не засну после случившегося кошмара, оделся и пошёл подышать свежим воздухом. Хотел было захватить с собой пакет с мусором, но аккуратно, чтобы не скрипела, прикрыл дверцу под мойкой и вышел пустой.

Глава 47

Маньяк маньяков

На следующий день Лёшка разбудил нас ни свет ни заря. Я взял его на руки и без конца качал, перенося из спальни на кухню и обратно (кабинета у нас, действительно, ещё не было). А Катя готовила кашу и была, мягко сказать, не в настроении. Чтобы её как-то развеселить, а также немного реабилитировать самого себя в её глазах за вчерашний рассказ, я поведал ей новый сюжет:

– А знаешь – у меня есть задумка романа про маньяков маньяков.

– Маньяков-маньяков? Это как? Дважды маньяков?

– Нет, – рассмеялся я. – Это история про убийц убийц.

– Угу, – саркастически кивнула Катя, и я понял, что окончательно её запутал, и рассмеялся.

– Нет, смотри. Есть маньяк. Он выслеживает и убивает своих жертв. Это убийца первого уровня. А есть маньяк, который убивает своих жертв исключительно из числа маньяков. Это убийца второго уровня. Так вот. Есть девушка – такая крутая, спортивная, подтянутая. Каким-нибудь каратэ занимается. Стрижка каре. Ну ты поняла. И вот она обладает очень мощным умом и вычисляет маньяков, которых не может полиция найти. Ну, выявляет психотипы, понимает, где и в каких местах они орудуют, на что клюют и так далее. И есть у неё помощник – толстый паренёк такой. И вот они дважды в год в свой отпуск едут не в Турцию или Египет, а туда, где не могут поймать очередного маньяка. Прилетают, скажем, в Красноярск, записываются в какой-нибудь пансионат. Днём – релаксотерапия, душ Шарко, всё такое. А вечером – она идёт в местный парк, и гуляет там до поздней ночи.

И вот эта девица наконец находит свою жертву! Точнее, маньяк думает, что нашёл свою очередную жертву. И идёт за ней, знакомится, предлагает подвезти на машине. Весь такой милый, обходительный. И она – дурочка из переулочка, глазами хлоп-хлоп – сама невинность. У него уже болт стоит, как перекачанный батут, того и гляди – сейчас лопнет. Вот он поворачивает с бульвара в лесок, сам уже ширинку расстёгивает. Поворачивается – а она ему отвёртку в один глаз, а через секунду – в другой. И вот уже вместо очей ангельских – две дырёшки алые, из которых глазунья вперемешку с кровью вытекает. А девушка по темноте пешочком в пансионат вернулась, выпалась, на завтрак успела, глазунью с удовольствием покушала и домой улетела через пять дней. Ищи ветра в поле.

– Угу, – снова кивнула Катя. – То есть она ищет и убивает только маньяков?

– Да!

– А толстый ей зачем?

– В толстом-то вся соль! Вот убила она одного, другого, третьего. В полиции их как маньяков никто, естественно, не связал. Ну убитый мужик в девятке. А то, что убийства девочек прекратились, – кто там руку на пульсе держит? Сегодня без вызовов – и слава Богу. И она решает, что надо серьёзнее их наказывать – не просто жизни лишать, а истязать – больно, долго, с унижением, кровопролитием...

Я запнулся.

– И-и? – подгоняла меня Катя.

– Ну она и решила в конечном счёте подсаживать их на жёсткие наркотики – на героин, например. Зависимость от него сразу же возникает. И он из маньяка превращается в наркошу, который за пару лет опускается на самое дно и умирает.

Занятный факт №21

Психопаты не «заражаются» зевотой, потому что у них не устанавливается эмоциональная связь с окружающими

– Так, и толстый ей зачем? – Катя жестом изобразила, как ускоряются крылья мельницы.

– Да ну не подгоняй меня! Я и так весь напряжён, с мыслями собираюсь. Короче, она понимает, что уже подсевшими на героин они по-прежнему могут

убивать людей. Поэтому она их всё-таки убивает. Но перед этим две недели жёстко их насилует!

Я остановился, как бы достигнув венца мысли.

– Чем? – не поняла Катя.

– Толстым! – как нечто разумеющееся ответил я. – Ну в смысле этим толстым парнем. Он оказался ужасным, мерзким геем-извращенцем. Как они познакомились, я ещё не придумал. Но когда они находят маньяков, то она его нейтрализует, а напарник – сладострастно насилует! Ещё с какими-нибудь извращениями – газовым ключом или просто режет его ножичком и насилует в своё удовольствие.

– И что в конце? Они переспят? Девушка и толстый.

Больше всего меня в этой ситуации поразило то, что Катя как будто пропустила мимо ушей всю грязь намеченного сюжета.

– Нет, – растерялся я, но быстро собрался. – Хотя, в принципе, это был бы неплохой ход. Представляешь, она приезжает к нему со своими проблемами, плачется в жилетку, а затем в какой-то момент – зорк, в глаза ему – и уже целуются. И вдруг она говорит: нет, нельзя, ты же им тыркал в десяток педофилов. А он ей отвечает: я надену презерватив. И они предаются плотским утехам, и она кончает первый раз со времён своей первой любви – высокого брюнета из баскетбольной школы, который, подлец, бросил её и уехал в штаты зарабатывать по два миллиона в год.

Катя отпила немного чая с лимоном. Задумчиво посмотрела куда-то вдаль, сквозь стену, и философски заметила:

– Более отвратительной истории в жизни не слышала. И то, как ты рассказываешь все эти гнусные подробности, говорит о том, что на уме у тебя одна чернуха. Вместо того, чтобы помочь мне... да что там – хотя бы подойти, обнять меня, поддержать – ты только и думаешь об утехам. У тебя младенец на руках – а ты только о своём удовольствии думаешь.

– Да ты что такое говоришь? – поразился я.

– Да ничего! – Катя заняла одновременно защитную и агрессивную позицию. – Если ты сам этого не замечаешь, то я тебе словами скажу: мне стало неприятно с тобой! Ты всё время на работе, а я одна с Лёшкой – и днём, и ночью. И помощи от тебя никакой – ты только и думаешь, чтобы меня в постель затащить! А что я чувствую и о чём я думаю – тебя это вообще не волнует!

В раздражении она швырнула ложку, которой помешивала кашу, в раковину, заплакала и убежала в спальню. Честно говоря, на меня всё это как снег на голову упало. Я даже не подозревал подобных настроений, а когда Катя высказала их в таких выражениях, я оказался буквально подавлен. Я не стал

сразу идти разбираться в случившемся. Но и в течение дня мне не удалось подобрать ключика к супруге, чтобы хотя бы просто поговорить. Она закрывалась ещё больше, и весь день в эмоциональном плане прошёл насмарку.

Последовавшие несколько недель оказались самыми депрессивными за всю мою жизнь. Я из кожи вон лез, пытаюсь хоть в чём-то помочь Кате, но вместо этого она ругала меня за любое моё действие, и, по неизвестным мне причинам, шла на обострение конфликта. Ко всему прочему прибавились (а, может, они были тому предпосылкой) проблемы с кормлением и сном. В итоге наши отношения разладились окончательно. Притом что ребёнок, казалось бы, должен был скрепить нас. Вместо этого началась чудовищная чёрная полоса.

Через полтора месяца я понял, что нужно брать ситуацию в свои руки и срочно её исправлять. Я нашёл психолога – Ирину Травникову. В соответствии со всеми стереотипами она оказалось худой рыжеволосой женщиной лет сорока с жеманной улыбкой и в очках на верёвочке. И заставил Катю сходить на первый сеанс психоанализа. Лёшку мы оставили бабушке и приехали на терапию – в маленькую комнатку на первом этаже роскошного офисного здания в самом центре.

Во время первой встречи мы с Катей разругались вдрызг. Психолог спросила, как долго у нас не было секса. Я ответил: два месяца. Катя прыснула от язвительного смеха и добавила, что хорошего, качественного, чтобы прямо ах – никогда не было. Мы перессорились в поисках причин и формулировках взаимных обвинений.

– А знаешь, что меня по-настоящему возбудило после того, как ты, так сказать, охладела ко мне? – я достал телефон и быстро нашёл нужное фото. – Я даже сфотографировал. Вот, полюбуйся! Это два оставшихся в туалете нашего офиса рулона туалетной бумаги!

Я показал Кате, а затем психологине следующую фотографию:

– Прикинь, что меня возбудило?

После звонкой пощёчины я был вынуждены догонять супругу бегом.

Катя ни за что не хотела ехать на вторую встречу, и мне чуть ли не силой пришлось везти её туда. Но и вторичное перемывание костей не привело ни к чему хорошему. Тогда я пообещал, что третий сеанс будет последним. Он поначалу зашёл в тупик, как и первые два. Но в самом конце произошло нечто необычное.

– Вообще-то есть одно решение, – задумчиво произнесла психоаналитик. – Глубокий гипноз со стиранием памяти о партнёре.

Мы с Катей сидели молча, никак не реагируя на сказанное.

– Своего рода путешествие в прошлое, когда вы можете заново познакомиться с супругом.

Катя очнулась первой.

– То есть вы можете загипнотизировать меня, и я забуду о Мише? Вроде как ни разу его не видела?

– Да, новое лицо просто! А потом подстраивается встреча, и вы начинаете общаться с нуля. Только я бы посоветовала «обнулить» Михаила, ведь вы считаете, что проблема в нём. Сможете проверить, как он к вам относится безо всякого опыта ваших отношений.

Я тоже включился в диалог.

– То есть после гипноза я выхожу на улицу, встречаю Катю и не узнаю её?

– Да, совершенно верно.

– А как я потом возвращаюсь в себя нынешнего? Или вы не планируете меня возвращать? – усмехнулся я.

– Конечно, планируем! – рассмеялась девушка. – Перед гипнозом мы записываем видео, в котором вы даёте согласие на процедуру, а также сами описываете своё семейное состояние, называете дату – одним словом, всё, что вы потом могли достаточно увериться, что всё это с вами реально было. А затем – например, на следующий день, – вы приходите к нам, и я вывожу вас из гипноза.

– Путешествие туда и обратно? Как хоббит? Или как Алиса в стране чудес?

– Да, примерно так. Только это эффективная психологическая терапия.

– А нейроны потом соберутся в том же порядке? Или это как телепортация: тело пересоберётся, только атомы будут другие – так да не так?

– Не переживайте, это стандартная медицинская практика!

– А я вот переживаю! – дерзко ответил я. – Это всё-таки моё ментальное состояние, душа! Вот ногу перебинтовать – это стандартная практика. А память вывернуть наизнанку и потом обратно в мозг вставить – что-то я не слышал о таком до вас.

Катя промолчала, а психолог парировала:

– В любом случае это единственная возможность понять причины вашего разлада и исправить ситуацию.

После некоторых уговоров я согласился. В конце концов проблему действительно надо решать, а других вариантов не видно. Да и потерять часть мозга с памятью о части прошлого – как знать, может, со мной уже делали такое, а я просто не помню...

Мы с Катей основательно подготовились к таинственному и непредсказуемому гипнозу. Отвезли Лёшку к бабушке. Отправились к психологу вместе, сидя на креслах перед кабинетом держались за руки (хотя Катя поначалу сопротивлялась).

Процедура прошла, скажем так, незаметно. Я просто очнулся, как будто от лёгкого сна. Ирина вежливо со мной попрощалась до следующего сеанса. Мне показалось, как-то лукаво улыбнулась, но, должно быть, показалось. Хотя в первое время не покидало ощущение, что за мной кто-то незаметно следит.

Был выходной день, и я решил прогуляться по парку. Заглянул в летнюю веранду – перекусить и выпить кофе. Вокруг гуляло много девушек, я напевал под нос «пока несут сакэ» и весело на них заглядывался. Равно как и на очаровательную официантку, которой я два раза сделал комплименты. Один раз

– это, как правило, элементарная вежливость. А вот два – это уже явно проявление интереса. И ответная реакция – в целом, ожидаемая вещь. Но каково же было моё удивление, когда на принесённом мне счёте было написано синей ручкой: «Я освобожусь в восемь вечера».

Разумеется, без пяти восемь я уже прогуливался перед кафе с букетом синих лилий. Почему лилий и почему синих – я и сам не знал. Просто решил, что так точно будет оригинально. Спустя некоторое время девушка вышла из деревянной веранды и огляделась по сторонам. Я пошёл к ней навстречу и помахал цветами. Всё это, должно быть, выглядело, как в фильме сороковых годов, но меня ситуация ничуть не смущала. Мы познакомились.

– Зоя? – я сделал вид, что на всякий случай уточняю. И тут же объяснил свою прозорливость: – Я прочёл на бейджике, когда вы в первый раз подошли ко мне.

Девушка отчего-то ступсывалась, будто хотела представиться другим именем, но в ответ только скромно улыбнулась и кивнула.

– А я Михаил. В переводе – «подобный Богу». А Зоя, насколько я помню, переводится как «жизнь». В греческом переводе Библии Ева названа Зоей, так как она даровала жизнь всем живущим, в том числе нам. Кстати, может быть – перейдём на ты?

– Да, давай! А ты ко всем девушкам так подкатываешь?

– Так эффектно? – уточнил я. – Да, ко всем! А если ты про вот истории с именами, то – нет, только к Зоям. Но их сегодня днём с огнём не сыщешь. Сплошные Миланы и Агаты.

Мы прогулялись по парку. И то ли от наступившего вечера, то ли от фруктового мороженого – Зое стало холодно. Как истинный джентльмен, я накинул ей на плечи свою кофту и предложил поехать ко мне. Уже дома, за бокалом вина, она поинтересовалась:

– Ты всегда вот так просто приглашаешь девушек домой?

– Приглашаю – всегда. Но соглашаются, к сожалению, не очень часто. Все находятся во власти стереотипов, – я разглагольствовал, как сорвавшийся с цепи воздержания проповедник морали. – Всё должно случиться не раньше третьего свидания. А почему? Всё дело – в *не-до-ве-ри-и* к партнёру. Или, что то же самое, к общественным установкам. Что плохого в сексе на первом свидании? Если вы оба свободны, если оба испытываете страсть друг к другу – что в этом такого? А если нет этой искры, нет животного магнетизма – то я бы на месте девушки и на пятом свидании не поехала бы к нему. Да и не дождалась бы пятого свидания – сразу отказала бы!

– А если ты с кем-то встречаешься?

– В смысле: если я с кем-то встречаюсь – смогу ли я изменить? – я взорвался гневом праведным. – Нет, конечно! Это предательство! Измену ничем нельзя оправдать, как ты её не назови.

– То есть ты сейчас ни с кем не встречаешься? – с лукавой улыбкой поинтересовалась Зоя.

– Нет, конечно! – я даже застыл на месте от неожиданности. – Ты что: думаешь, что у меня кто-то есть, а я позвал тебя? Да я бы на месте от стыда сторел или... застрелился! Это же значит – растоптать любовь, самое ценное в жизни!

– А со мной, значит, ты побаловаться решил?

Я улыбнулся и налил ещё вина – не глядя на бокал, только в искрящиеся Зоины глаза, тем самым рискуя пролить напиток на стол. Но того требовало торжество момента.

– Человек создан для секса, как птица для полёта. Так зачем же отказывать друг другу в возможности полетать? Ты красива, я – безумно красив. Так почему же...

Она перебила меня своим смехом.

– Ой, балабол! Это же Адриано Челентано, фильм «Безумно влюблённый», мы с тобой его...

Но тут она сама осеклась и как-то невнятно добавила:

– ...посмотреть можем как-нибудь.

– Воу, у тебя настолько далеко идущие планы?

– А у тебя они насколько далеко идут?

Я поправил ей прядь волос, обхватил рукой тонкую шею и поцеловал в губы.

Час или полтора спустя, когда мы нежились на кровати, Зоя спросила:

– Расскажи мне: что будет дальше?

– Гм, я думаю, мы повторим один или два раза...

– Да нет же! – она стукнула меня кулаком по бедру. – Я имею в виду: завтра ты отвезёшь меня на работу и больше не перезвонишь?

Я насторожился.

– Вообще-то я думал вызвать такси. Но если ты настаиваешь – да, отвезу! Только я забыл, есть ли у меня машина или нет?

Зоя нахмурилась.

– Ну я серьёзно! Мне просто интересно узнать, как тебе понравится, чтобы ты стал встречаться со мной? Чтобы – вот как ты говорил – верным был, на сторону не ходил?

– Да не надо никому нравиться! – я приподнялся на локте. – В этом наша главная проблема. Сначала нам кто-то нравится, и мы из кожи вон лезем, чтобы

ему или ей понравиться. Ну а что потом? Всю жизнь носить маску, которая нравится человеку, который, возможно, и не любит тебя не капли? В чём смысл? Нужно *найти* нужного человека. Понимаешь?

От возбуждения мысли я встал и, обернувшись наволочкой как тогой, стал ходить туда-сюда перед Зоей.

– Ну вот представь. Ты пришла в кафе, где есть все виды мороженого на земле. Все-все! Ты можешь подойти к прилавку и прочесть название любого мороженого и его ингредиенты. И можешь попробовать – но не все, а, скажем, двадцать-тридцать.

– Это ты сейчас про количество парней у девушки?

– Допустим. И вот ты пробуешь одно мороженое, а оно тебе не нравится – ты так и будешь всю жизнь есть только его? Нет! Ты попробуешь другое, третье и остановишься на том, которое тебе действительно по душе. И если больше тебе не хочется других мороженых – значит, ты нашла своё, единственное!

– Это ты про жениха?

– Положим. А теперь представь, что тебе понравилось мороженое чисто внешне. И ты, не попробовав, говоришь: так, продавец, теперь я всю жизнь буду есть вот это мороженое. Это нормально? А вдруг оно невкусное? а вдруг у тебя аллергия на арахис? Понимаешь, к чему я?

Я остановился и торжествующе поднял палец вверх.

– Смысл не в том, чтобы гнаться за самым популярным вкусом. Достаточно всего лишь найти идеальное *для тебя* мороженое и жить счастливо.

Я ожидал, что за этой тирадой последует гул оваций, так что даже камни в соседнем сквере завопиют от величия сказанной мной мудрости. Но вместо этого Зоя сказала:

– Это был простой вопрос: перезвонишь ты мне или нет?

Несколько обескураженный, я решил расставить все точки над *i*.

– Да, я тебе перезвоню. Потому что ты мне понравилась. Но если после нескольких свиданий я пойму, что нам друг с другом неинтересно, я тебе прямо об этом скажу. Потому что нужно быть честным – перед собой и перед другими. Я считаю мошенниками тех парней, которые морочат голову просто потому, что привыкли есть мороженое и не хотят отлепляться от сиськи. Это кощунственно по отношению к чистой любви.

Повисла неловкая пауза, которую нарушила Зоя.

– Хорошо. А если ты найдёшь свою истинную любовь, с которой с единственной захочешь прожить всю свою жизнь. И она родит тебе прекрасного сына...

– ...двух сыновей и одну дочь! – перебил её я.

– да, хорошо. И вот вы живёте вместе душа в душу, но после пяти лет брака вдруг что-то физическое между вами рушится. Постоянная усталость, недосып, взаимные претензии по поводу воспитания детей, проблемы со здоровьем – и вот у вас нет секса один, два, три месяца! Ты бы пошёл налево? Ты бы изменил своей любимой и единственной-ненаглядной жене, если бы рядом оказалась просто истекающая от желания девушка?

– Нет, ни за что! – воинственным шёпотом ответил я и, кажется, побледнел.

Неизвестно, чем бы закончился этот странный диалог, но в коридоре раздался звук домофона, когда кто-то открывает его брелоком с улицы. Я никого не ждал, тем более ночью, поэтому насторожился. Прислушался. Канонада шагов подъезде усилилась, и вскоре в дверной звонок затрезвонили сверх всякой меры. Не успел я опомниться, как на дверь обрушился град ударов кулаками.

– Открывай, паскуда! – приказывал мне грозный женский голос. – Открывай, охальник! Яйца тебе повыдираю!

– Женщина, вы кто? – я по-прежнему не понимал, что происходит.

– Миша, Христом Богом молю – открой дверь! Иначе я тебя найду и собственными руками придушу.

Я побоялся. Я открыл.

Дверь растворилась настежь, и женщина, которая показалась мне знакомой, вбежала в коридор. С размаху огрела меня сумкой по лицу. Затем вцепилась мне пальцами в волосы и опрокинула на пол. Начала таскать меня из стороны в сторону по линолеуму, повторяя заклинания: охальник! прелюбодей!

Я по-прежнему ничего не понимал, но в этот момент из спальни выскочила Зоя, прикрытая одним лишь одеялом.

– Мама, прекрати! Это я!

Мама? Что здесь делает мама Зои?

Я перекатился в угол и с удивлением воззрился на представшую картину.

– Катя? – в шоке спросила женщина. – Как ты тут?.. Что ты тут делаешь?..

– Да это всё роман Мишкин дурацкий! – Зоя указала на меня пальцем. Я начал сомневаться, что она та, за кого себя выдаёт. – Он выдумал, что у нас случился семейный кризис и мы пошли к психологу. А там ему стёрли память обо мне – и, видимо, о тебе тоже – чтобы проверить, как он относится ко мне без опыта общения со мной. Поэтому я договорилась в кафе, где работала официанткой, выйти на одну смену, чтобы он ухлестнул за мной. И я бы всё выпытала – как он относится ко мне? любит ли меня по-прежнему или разлюбил?

Женщина с трудом перевела дыхание и взялась за сердце. Я посмотрел на псевдо-Зою, на её маму – и спросил:

– Что здесь происходит?

– Я – Катя, твоя жена. Мы сегодня были у психолога, и ты под гипнозом, пока меня не помнишь. Но завтра мы сходим и всё исправим. А это – моя мама.

– Ох, детки! – заметила, в свою очередь, она и присела на маленький детский стульчик в противоположном от меня углу. – Вы тут отношения выясняете, а я из Киреевска на такси лечу по ночной трассе, а теперь от стыда стораю за ваши... эксперименты. Тьфу! Оденьтесь хоть.

– Хорошо! – Катя послушно вернулась в спальню. И уж оттуда спросила:

– А с кем Лёшку оставила?

– Крёстную твою попросила посидеть с ним. Он же спит по ночам, в отличие от нас.

Катя – или Зоя, я по-прежнему, плохо это понимал – оделась и вышла в коридор. Вдвоём они воззрились на меня – прикрытый одной лишь подушкой, я лежал в углу.

– Ты что-то спросить хочешь?

– Кто такой Лёшка?

Глава 48

Переезд

Гипноз прошёл как сон, которого не было вовсе или он начисто стёрся из памяти. Время шло, и вместе с ним менялись мы сами. Страдали и радовались, не высыпались и спали при каждой возможности. Лёшка постепенно подрастал. Вот он уже научился выкарабкиваться из конверта, в который мы его заворачивали. Вот – начал поворачиваться набок и хватать руками всё, до чего мог дотянуться. Вот уже потихоньку стал присаживаться и держаться за деревянный каркас кровати. Вскоре он и вовсе начал вертеться, как пропеллер. Переворачивался, взмахивал и бил пятками по всему, что попадалось под ногу. А, освоившись в родительской любви, начал ползать по нам, как скалолаз на присосках.

– Ах ты по-лицу-ногой-бивец и внезапно-на-грудь-прыгец! – укоряла его Катя, когда он вдруг решался на неожиданную и оттого вдвойне болезненную для мамы выходку.

Однажды я купил вращающийся подвес с игрушками, чтобы Лёшка мог наблюдать за ними и успокаиваться. После установки он, замороженный, действительно стал «залипать» в череду медленно кружащихся зверюшек. А я спрятал от Кати упаковку и предложил филологическую игру:

– Смотри, тут на коробке написан один и тот же текст на разных языках. Давай я тебе буду озвучивать заголовок один за другим, а ты остановишь меня, когда я назову русское слово.

– Давай, – согласилась Катя, больше удивлённая тому, что Лёшка увлёкся подвесными игрушками.

– Увага, – начал я.

– Нет.

– Упозорнение!

– Нет, – рассмеялась любимая.

– Позор!

– Ах-ха-хах! Это одно и то же слово, только на разных языках?

– Да. Ну что, это русское слово?

– Нет, давай дальше!

– Хорошо. Упозоренье!

– Аха-хах! Дальше!

– Застереження!

– Нет.

– Внимание.

Возникла пауза.

– Что «внимание»? Это ты предупреждаешь или слово такое?

– Слово такое – «внимание».

– Ну да, тогда это русский.

– А вот и нет. Это – болгарский!

– А как же это на русском тогда? – заинтересовалась Катя.

– А на русском это – внимание! «Внимание» – это значит, что я привлекаю твоё внимание. А на русском это – предостережение!

– Ах-ха-хах! – засмеялась Катя и подошла погладить Лёшку, который по-прежнему завороченно глядел на подпотолочный хоровод зайчика, собачки и кошечки.

– Слушай, а что это с кроваткой? Смотри, тут отскочили пластиковые накладки. Да и болтики в дырочках какие-то слабые. Может, я ввинчу сюда саморезы побольше?

– Мы не будем портить эти дырочки! – с преднатягом ответила Катя, и я уловил двусмысленность в её словах.

– Ладно, хорошо, я понял! – Я обнял её за талию. – Это я так просто, подумал.

– Меньше думай – жить будет легче!

– Ну да, ну да! – вздохнул я. Ощущение двусмысленности происходящего не оставляло меня. Особенно, когда я увидел, что Лёшка от удовольствия ковыряется в пупочке, и сказал ему:

– Лёшка, не надо сразу два пальчика в пупочек!

Лёшка резко перевёл взгляд на меня и замер, как будто я застал его на месте преступления. Катя не удержалась и рассмеялась.

Время шло, Лёшка рос и развивался. Вскоре он уже начал всюду ползать, и нам приходилось вытаскивать его из кровати и застилать весь пол одеялами, чтобы он свободно исследовал местность. Вход в коридор мы баррикадировали большими диванными подушками, через которые нам самим приходилось перескакивать, задирая ноги. Все розетки мы заделали специальными вставками. И наша единственная жилая комната в квартире превратилась из спальни в детский аттракцион.

– Слушай, а не пора ли нам переехать в квартиру побольше?

Немного подумав, Катя согласилась.

– Меньше думай – жить будет легче! – толкнул я её в бок, как бы подталкивая к решению. Но и так было видно, что Катя согласна.

– А как же мы всё сделаем? – спросила она. – Это же надо эту продать и жить где-то, пока другую не подберём.

– Угу! А ещё надо будет денег где-то найти, правда? Как считаешь?

– Слушай, да, точно!

– Ага!

В течение ближайшего полугодия я старательно откладывал денег с зарплаты. Но даже притом, что зарабатывал я совсем немало, собрать получилось как-то куце – в сравнении с той суммой, которая нам была нужна. Мне стоило немалых усилий заговорить с Катей на такую щекотливую тему, как продать её однокомнатную квартиру в отдалённом районе, которую она сдавала знакомым за какие-то символические деньги. Мне казалось, что придётся долго уговаривать её, доказывать, что без неё мы не сможем переехать в бóльшую квартиру. Но по факту весь этот сложный разговор вылился в короткий диалог.

– Слушай, а что, если нам продать твою однушку? – осторожно начал я.

– Чтобы добавить на квартиру побольше? – уточнила Катя. – Да, давай!

«Гм», – удивился про себя я. И не стал развивать тему, как трудно мне было начать этот разговор.

Квартира оказалась оформлена на маму, так что продать её получилось, не отвлекая Катю на езду по инстанциям и оформление документов. Собственно, даже я получился фигурой формальной, так как покупателя выискивала мама. Она же показывала квартиру и договаривалась о деньгах. Ни разу в жизни не

занимавшись куплей-продажей квартиры, я сильно переживал по каждому возникавшему поводу. Но Катя постоянно твердила о позитивном мышлении, и всё в итоге вышло как нельзя лучше и проще. Единственное, что меня искренне поразило, – это цена.

– Сколько?? – я чуть договор из рук не выронил, когда увидел сумму. – 770 тысяч рублей? Это что – мы блок айфонов продаём, что ли, за палаткой? Что это за числа такие? Квартира дешевле «Жигулей»? Это как так?

– Миша, это нормальная цена для Киреевска! – негромко увещевала мама, дёргая меня за рукав в темпоритме «Танца с саблями». – Квартиры лучше, ближе к центру, с ремонтом – и они годами в объявлениях висят, за 900 тысяч никто не берёт.

Всё это, конечно, было для меня культурным шоком. И меня долго не покидало жгучее чувство, что меня... обманывают. Начатая мной буча длилась добрых полчаса, но покупатель ни в какую не хотел накинуть хотя бы полтинник. Однако, видя, что я уже морально готов расторгнуть заключение сделки, всё же подвинулся.

– Ладно, давай 790 – и мы оформляем без дальнейшего торга. – Он протянул руку для пожатия.

Я раздумывал восемь секунд.

– Хорошо! – я протянул ему ладонь.

– Оформление пополам?

– Нет, за ваш счёт! – я потянул руку к себе, но покупатель зажал её сильнее и улыбнулся:

– Хорошо, договорились!

Мне показалось, торг ему даже понравился.

Занятный факт №9

Скрупул, лепта и талант – это монеты

Он перевёл мне деньги на карту, и мы подписали договор. Мама передала два комплекта ключей, и мы простились с новыми владельцами. На улице Ольга Александровна остановилась и, глядя в сторону только что проданной квартиры, сказала:

– Бабушка, моя мама, завещала эту квартиру Кате.

– Так она и достанется Кате. Только это будет не квартира, а лишняя комната. И не здесь, откуда до работы ехать и ехать, а в центре практически. Так что не грустите – всё к лучшему.

– Конечно! – мама утёрла слезу. – Заботься о Кате, у меня, кроме неё, никого нет.

– А Лёшка?

– И Лёшка, конечно! – она даже ударила меня в бок. – Дурак!

– Да что это у вас – семейное? Эта говорит: дурак. Вы говорите: дурак. Пароль такой, что ли?

– Глас народа – глас Божий! – философски заметила мама и специально отвела от меня взгляд. Я заметил на её лице добрую улыбку.

К осени мы накопили достаточно денег, чтобы перебраться из однокомнатной квартиры в двушку. Катина мама давно уже готова была принять нас у себя, пока мы будет переезжать, продавать старую, покупать новую, делать какой-то ремонт, если понадобится. Вдруг я наткнулся на объявление о продаже даже не двух-, а трёхкомнатной квартиры. Стоила она всего на 300 тысяч дороже двушек, между которыми мы до этого выбирали. Я как-то сразу загорелся новой идеей, позвонил, всё разузнал. Попросил скинуть ещё фотографий. В результате в тот же вечер мы с Катей решили менять жилищные условия, а заодно и судьбу, здесь и сейчас. Цена была очень привлекательной, и надо было торопиться.

– Где же мы возьмём недостающие деньги? – спрашивала Катя, а я уже одевался, чтобы спуститься вниз, сфотографировать машину и выставить её на продажу.

На заявленные 300 тысяч никто не купился. Поэтому на выходные я снизил цену сначала до 290, а затем и до 280 тысяч. Когда я уже почти пал духом (квартиру могли перехватить в любой момент), позвонил парень, приехал и забрал мою ласточку за 275. В тот же вечер я позвонил агенту по недвижимости и сообщил, что мы готовы съехать и продать квартиру уже завтра. Он обещался связаться с покупателем. На следующий день перезвонил, грустным голосом сказал, что нас просят скинуть полтинник. Памятуя о недавней сделке, я сразу объявил свои условия: скидываем 20, не больше, и оформление берём на себя. До вечера сидел, как на ежах, но риэлтор перезвонил и подтвердил сделку.

– Да! – я ударил правым кулаком в левую ладонь. – Собираемся! Я сейчас отвезу вас к бабушке!

– А на чём? Ты же продал машину?

– Гм, точно. – Я даже несколько опешил. – Позвоню отцу, попрошу у него «Калину».

Буквально за час мы собрали все личные вещи и уехали к бабушке. На следующий день с самого утра я перевозил в отцовский же гараж на его же машине мебель, какая могла поместиться в универсал. Вечером пустая квартира перестала быть моей, и я уехал ночевать в Чёрную Смородину.

Зато уже на следующий день я въехал в просторную трёхкомнатную квартиру! Недостающих в итоге денег добавил мне отец. Он остался очень доволен, что смог мне так сильно помочь.

– Живи, сынок! – похлопал он меня по плечу. – Люби Катю, расти Лёшку! Если будет возможность – рожайте ещё! И живите счастливо!

– Спасибо, пап! – я пожал ему руку. – Деньги я верну, как заработаю!

– Да не думай об этом! Вернёшь, когда сможешь.

Весь день мы вдвоём перевозили мебель в новую квартиру. И я не мог удержаться от восторга, что здесь можно хоть на велосипеде кататься. Диван, кресла, шкафы и столы заняли постепенно свои места, но и теперь в квартире можно было устраивать веломногодневку «Тур де Косогория» (микрорайон, где мы приобрели жильё, назывался Косая Гора). Сердце моё не могло нарадоваться. Я предвосхищал, как привезу сюда Лёшку с Катей, и она будет удивляться тому, как тут хорошо и просторно. Я хотел выехать к ним в тот же день, но глубоким вечером, намаявшись с тяжеленными вещами, понял, что единственное, на что хватит мне сил, – рухнуть не раздевшись на не заправленную кровать. Так я и поступил.

В начале пятого утра я зачем-то проснулся. Ныли мышцы рук и ног, но в остальном я чувствовал себя превосходно. Отлично выспался и был в прекрасном расположении духа. Доделав кое-что по мелочи, я подумал: а почему бы не поехать к маме прямо сейчас. Взял из гаража отцовскую «Калину» и направился напрямиком в Чёрную Смородину. В шесть утра я уже подъезжал к маминому дому.

Как вор, я тихо открыл ключом дверной замок и проник внутрь. Стараясь как можно меньше шуметь, дважды вымыл с мылом руки по локоть и тщательно умылся. Мамина комната была заперта. Прошёл в спальню. Все ещё спали. Лёшка мирно дремал в своей кроватке, Катя устало раскинулась на разложенном диване. Видимо, она до ночи нянчилась с ребёнком, потому что сейчас, бледная, закинула голову на подушку, и я даже подумал на секунду, что она не дышит. Но страх быстро прошёл, когда от её дыхания чуть заметно задрожал рюш на ночной рубашке.

Я тихонько придвинул стул и присел, чтобы любоваться самыми любимыми в мире людьми. Но минут через десять идиллия закончилась. Алексей Михайлович открыл глаза и недовольно крякнул. Немного поворочался в пеленах и приготовился плакать. Тут же я аккуратно взял его на

руки и начал качать, бесшумно ступая из угла в угол комнаты. Лёшка недовольно кряхтел, но не плакал. Таким образом я шагал с ним на руках два часа, пока не отворилась дверь маминой комнаты.

Бабушка поглядела на меня с неподдельным удивлением. Но недоумение быстро прошло, и она молча кивнула мне в знак приветствия. Быстро умылась и пришла мне на помощь – взяла Лёшку на руки и так же молча показала мне на диван. Видимо, за то время, пока я баюкал сына, я устал больше, чем за день перевоза мебели. Я послушался её приказа и лёг рядом с супругой. Когда мелатонин уже накрыл нервные узлы моего мозга, Катя пошевелилась и быстро отстранилась от меня:

– Ты что здесь делаешь? – напряжённым шёпотом спросила она.

– Сплю, – сквозь сон промямлил я и тут же проснулся. – В смысле – приехал рано утром и сейчас Лёшку качал. А теперь мама встала, и я к тебе лёг.

– Лёшка как, нормально?

– Да, я его всё утро качал, чтобы ты подольше поспала.

– Спасибо, – ответила Катя и без сил закрыла глаза, чтобы подремать ещё немного. Вдруг она очнулась: – А-а, ты же в новую квартиру всю мебель перевёз?

– Да, – довольный, кивнул я. – Можем сегодня поехать! Ты всё проверишь, скажешь, что куда подвинуть, поставить. А я буду переставлять, выполнять всё. Как тебе идея?

– Хорошая! – Катя крепко обняла меня и вновь задремала.

Спустя часов шесть возни с бутылочками, кашками, подмываниями и пеленаниями мы наконец сели перекусить, чтобы подкрепиться перед выездом домой. Лёшка полдороги верещал, потом понемногу успокоился и даже заснул. Из машины я его вынес на руках, в надежде, что он так и будет спать дома. Но как только мы вошли в подъезд, малыш проснулся и запел серенады до глубокого вечера, так что все работы по дому мы делали под звонкий полторасотдецибельный аккомпанемент. Периодически к нему присоединялся почти такой же интенсивный крик мамы, которая пыталась перекричать Лёшку.

– Слушай, ну двери просто ужасные! Их придётся просто поменять!

– Какие именно?

– Все!

– Все? – переспрашивал я, отчего Лёшка начинал орать ещё громче, и мне приходилось усиленной раскачивать его на руках.

– Конечно, все! Ты посмотри! Что это такое? И что это за цвет – коричневый? Мы же не в гробу собираемся жить! Квартира должна быть светлой, приветливой. Белые должны быть и обои, и двери!

– И обои тоже?

– Ну конечно! Ты же не хочешь жить вот в таких обоях! – она тыкнула в стену в коридоре. – Это же просто колхоз. Стиль позднего семейного престарелизма.

– Престарелизма? – в другой раз мне бы понравился этот неологизм, но сейчас было не до шуток. Я и так изрядно закопался в долгах, а тут ещё вырисовывалась перспектива нехилого ремонта.

– Но самое ужасное – это балкон! Его просто нужно разламывать и делать новый с нуля. Все вот эти доски выдернуть и выбросить. Окно вот это деревянное сломать и поставить везде пластик. И здесь, и там.

– Слушай, а почему ты до покупки квартиры не сказала всего этого? Мы же осматривали её вместе.

– Да, и эта оказалась лучшей. А остальные были вообще ни о чём! Это хоть какая-то, в плане приличности. Здесь ещё можно что-то придумать. А другие – полный позор. Ну, кроме той, с мраморной ванной, только она двухкомнатная была. И дороже этой стоила. А из этой можно что-то нормальное сделать. Только нужно руки приложить.

– И деньги! – добавил я.

– И деньги, – согласилась она. – Ну не в этой же конуре жить?

– Конуре? – у меня округлились глаза, и Катя поспешила забрать у меня Алексея Михайловича. – Я очень обиделся на твои слова. Будь добра – подумай на досуге над тем, что ты мне наговорила!

Я вышел на кухню и открыл дверцу холодильника, куда мы успели загрузить десятки пачек детского молока, мясо и прочую снедь от былой сытой жизни. Глазами я нашарил бутылку водки и с горечью обиды открутил пробку, так что она взвилась и полетела на пол. Прямо из горлышка я отхлебнул добрую четверть содержимого, зло выдохнул и отломил кусок хлеба, чтобы закусить. В желудке загорелся колючий огонь, а в носоглотке заиграл оркестр спиртовых паров в темпоритме полёта валькирий. Но вскоре всё стихло, и голову заняли сначала боль и усталость, которых быстро сменили лёгкость и безразличие первой стадии.

Ещё полчаса мы с Катей не разговаривали. А затем, как в фильме «За спичками», начали с какого-то пустяка, делая вид, что не замечаем глупого положения, в котором мы обоюдно оказались. Постепенно мы развеселились, помирились и даже попробовали приготовить вместе ужин. Несмотря на то, что Лёшка не давал нам сделать практически ни шагу. Поэтому я в основном был на подмоге: доставал тарелки, подавал продукты. Когда Катя попросила солонку, я нечаянно обронил её на пол. Повисла короткая пауза. Нарушила её

Катя, которая, видимо, не хотела усугублять разногласий. Поэтому она вместо обвинения кротко заметила:

– Моя мама бы сказала, что это плохая примета.

– А я говорю вам, – начал я и осёкся. – Сейчас, минуточку.

Я собрался с мыслями. И показал на свою руку, куда попало немного соли:

– Соль на моём ногте

Прилипла.

Где же текила?

Через секунду Катя рассмеялась.

– Это что, хокку такое?

– Ага, – кивнул я, и даже Лёшке, показалось, на миг стал небезразличен наш диалог. – Где моя текила?

– Ах ты мой поэтический алкаш! – Катя улыбнулась и поцеловала меня в губы.

Глава 49

Много тирсоносцев, да мало вакхантов

Наверное, так делать плохо. Но тут всё сошлось так просто. С одной стороны, Катя меня запилила с ремонтом, и я решил переложить часть проблем на подчинённых, чтобы им жизнь мёдом не казалась. Но, с другой стороны, за прошедшее время журнал превратился в нечто закоряженное. Вот мы придумали рубрики и, как по рельсам, пускаем по ним стандартные вагоны-статьи. Ничего принципиально нового. В прошлом номере написали про органолептические тесты по выявлению жгучести перцев, в следующем – то же самое, только про шкалы боли. Вчера написали про неизвестные окончания пословиц, сегодня – про слова, которых нет в русском языке. Всё это интересно и познавательно, но я успел устать от стандартов. И мне начало казаться, что и сотрудники немного закисли в многоликом однообразии.

После того, как у нас с Катей и Лёшкой жизнь понемногу выправилась, я собрал работников на планёрку. Причём за неделю предупредил, чтобы сформулировали идеи или фишки, которые мы бы смогли бы внедрить в журнал. Я даже выбрал не понедельник, а вторник, чтобы встреча не стала обухом для людей. Но вместо азарта – встретил сонное равнодушие и молчание.

– Э, ну ребят, вы чего! – я даже встал с кресла и заходил из угла в угол. – Ну неужели вам не хочется добавить ничего нового в наш журнал? Ну давайте честно: вы что, всем довольны и ничего не хотите менять? Я понимаю, что у всех и так работы выше крыши. Но ведь вы за это получаете хорошие деньги. Давайте честно: кто недоволен своей зарплатой, а?

Все промолчали, уткнувшись в блокноты, как школьники перед учителем.

– Да, есть иногда форс-мажоры, – я пытался подкупить их своей объективностью, непредвзятостью. – Иногда приходится что-то мучительно долго согласовывать. Но в остальном же – не на улице же мы под дождём мусорные баки в «Камаз» закидываем! Давайте хотя бы один раз попробуем придумать что-то стоящее, что будет исходить от нас, что нас самим понравится! А, ребят?

Народ нехотя оживился. Но мне всё равно пришлось долго раскачивать сотрудников, прежде чем они начали генерировать мало-мальски интересные идеи. А я стал записывать их маркером на доске.

– Так, отлично! Разбор произведений Бэнкси – вот это отличный ход. Можем не заикливаться на ком-то одном, можем просто комментировать, скажем, символы на картинах различных эпох. Это как добавление, не как подмена темы, понимаете, да? Давайте я запишу это. Что ещё?

Спустя минуту жевания резины новая сотрудница, Аня, предложила такую идею:

– А что если дать историю новых выражений?

– Новых выражений?

– Ну да. Сейчас же по сети много ходит всяческих словечек.

– Это типа «нра», «спс» и «приятного», когда человек желает приятного аппетита?

– Нет, это слова типа «сиськомьятельство». Или вот говорят: «таблетки проп**дон».

В кабинете поднялся весёлый гогот. Однако я насторожился.

– И ты сможешь рассказать, кто и когда впервые употребил эту похабщину?

– Ну это я в качестве примера привела. Есть же и пристойные выражения. Типа «нервно курит в холодке». Или: «Ты что, ломом битый?». Или: «Засыпая с собаками, просыпаешься со вшами». Это всё из сериала «Сюитс», «Пиджаки». Но да – есть и обценная лексика. Типа «*бушки-воробушки». Это из «Южного парка». Или «е**шу за хлеб и кашу».

– Да что ж ты материшься, как сапожник-то, а? – не выдержал я. – Или как там сейчас в Европах принято говорить: сапожница?

– Так ты же сам предложил сыпать идеями! – обиделась она.

– Ладно, ладно, хорошо! Давайте я запишу эту идею на доске. Аня, ты права! Да, нам нужны идеи. Давайте, сыпьте дальше!

– Можно и новые поговорки придумывать, – не унималась разогнавшаяся девушка. – Менять определённые слова, и тогда смысл совсем другой будет. Например: «По трусам текло, а в рот не попало».

– Аня! – не выдержал я и хлопнул по столу. – Ну что ж ты такая пошлая-то! Такая миловидная, а как рот откроешь – гопник прямо!

– Кстати, слово «гопник» происходит от аббревиатуры ГОП – государственное общежитие пролетариата. После революции такие появились.

– Гм, а вот это интересно! – признал я и дописал к строке: «+старые и аббревиатуры».

Довольная собой Аня улыбнулась и резюмировала:

– Короче, шеф! Выражаясь литературным языком, рубрика будет ямбическая!

Все опять загоготали, а я начал терять терпение:

– Так, давайте договоримся. В офисе вы можете общаться друг с другом как угодно – хоть ямбически, хоть ядрически. Но в журнал это протекать не должно.

– По трусам текло, а в «Ёрш» не попало? – схохмила Аня.

«Что она, под химотой, что ли?» – подумал я. А вслух, мгновенно вскипев, прокричал:

– Пошли вон!!! Все встали и вышли! Обнаглевшие молокососы! Вас бы на завод – уголь из-под вагонов раскидывать по 60 тонн за смену! Сидите, на кнопки нажимаете – и получаете втрое больше, чем продавцы электроники, которые по 12 часов пашут с одним выходным в неделю. Что вы стоите? Пошли работать все! И не попадайтесь мне сегодня на глаза!

Последний вышедший закрыл за собой дверь. После чего я встал и закрыл жалюзи.

– Придурки! – вслух выругался я. – Имбецилы!

Добрая четверть часа мне потребовалась, чтобы успокоиться.

– Так, ладно! – я взял себя в руки. – Придумаю рубрики сам.

Я осмотрел доску, на которой красовалось всего две надписи – про разбор Бэнкси и историю новых выражений.

«А что, если раскрыть историю старых выражений?» – подумал я. Взял чистый лист бумаги и написал, что пришло на память:

- Много тирсоносцев, да мало вакхантов – кто-то из пифагорейцев? (это прям про всех нас!)

- Один доит козла, другой держит под ним решето – где-то у Канта читал, но это из Древней Греции, уточнить

- Бога нет разве в чуланчике Ковальского, да и то потому, что у Ковальского нет чуланчика – узнать

- У Бога дней много – гм...

- Сам без хлеба сиди, а нас наряди – в «Больших переменах» у Бурцева

- Двор небом покрыт, чистым полем огорожен – у него же

- Контесса-дюшесса – Достоевский
- Тушэ – гм, узнать
- Истина в вине, а здоровье в воде – римляне
- В здоровом теле здоровый дух – на самом деле одно из двух
- Я ем мясо, ты капусту – вместе мы едим голубцы
- Если нет искры – чего разводить огонь из мокрых опилок
- Услуга за пять пятаков, а слава до облаков
- Тебе всё шутки, а мне в желудке

Последнее выражение я вспомнил, потому что однажды я показал Кате, что у меня в животе всё каменное, сжав кулаки, а она подумала обратное и дала мне таблетки от диареи.

Я вышел заварить себе кофе. Все сидели ниже травы тише воды. Молча вернулся в кабинет. Написал на доске цифру 3 и стал думать над возможной рубрикой. Кофеин, видимо, стал действовать, и я подумал:

– А что, если, – и написал на доске: «Обзор интересных психических отклонений». И странных фактов. Я записал те, что смог вспомнить:

- Слепые от рождения не страдают шизофренией (это же само по себе звучит шизофренично!)

- Сыр вызывает странные и тревожные сны (это тоже очень странно)

Дальше список стал расширяться словно бы сам собой. Как будто ты перевернул стеклянную бутылку с кетчупом, долго бил по дну и вот, наконец, он обильно потёк на тарелку:

4. Анекдоты. Теория юмора. Как подготовить почву для идеальной шутки. Про стрелка, который сначала стрелял и только потом обводил мишени. Плюс подготовленные шутки: 1) Ауди А0 – это ватман. 2) Старое помещение клуба «Виноград» – это изюм. 3) Вот тебе повестка. – Так я уже отслужил. – Теперь отсиди!

5. Околонуточные статьи. Ответы на нелепые вопросы и предположения: 1) Что, если бы у человека был хвост – какие бы были машины. 2) Что, если бы земля была белой.

6. История России в репортаже футбольного матча.

7. Интересные задачки. 1) Папа обещал возвести в квадрат заработок маленького сына, но тот вместо 3 долларов попросил возвести в квадрат 300 центов. 2) Детская последовательность 4 3 3 6 4 – про число букв в словах «один», «два», «три» и т.д. 3) Картинка про стоянку с номерами 88, 89, 90, 91.

8. Занятные цитаты разных писателей.

Я достал блокнотик, в который в своё время выписывал интересные высказывания, и прочёл следующие:

«Маман, говорите по-русски, а то простыни превращаются в анвелопы у вас» («Московский чудак» Андрея Белого).

«Ситуация, какаче которой и быть не может» (Ходасевич о Горьком в «Некрополе»: женщину, у которой Горький снимал дом на Капри, звали мадам Какаче).

«Око – свёрнутая килька, положенная на яичный белок» (Андрей Белый).

«Белая клавиатура зубов» (он же).

«Время, верблюд многогорбый» (не подписано, но я думаю: тоже Белый).

«Ферлакурничать – ухаживать».

«Иметь вид развратника поутру» (Тынянов про камин в «Смерти вазир-мухтара»).

«Ребятишки затихали и блистали белёсыми соплями» (Тынянов же).

«Проявил преступную неосторожность в форме легкомыслия» (видимо, из какого-то рапорта, но очень смешно, похоже на шутку).

«Я старый хрен, мне всё по деду – и наоборот» (что это вообще такое?).

Я закрыл блокнотик и стал думать, какие ещё рубрики можно придумать для журнала. Остановился у доски, взял маркер, написал:

9. Интересные биологические факты.

Адьювант – вещество, усиливающее иммунную реакцию.

Кутиназа – фермент из компоста листьев для расщепления бутылочного пластика.

В первую мировую войну придумали противогазы для лошадей.

10. Или – просто интересные факты? почему именно из биологии? Например: у Мардж Симпсон странная причёска, потому что она задумывалась как скрытый кролик. Или вот: в XVIII веке богатые европейцы платили отшельникам, чтобы те одевались друидами. Или вот ещё: все модели «Ламборгини» названы в честь быков. Гм.

11. Реальные фамилии звёзд.

А знаете ли вы, что Ваенга – так назывался посёлок, из которого образовался город Североморск в середине XX века.

А ещё можно собирать занятные названия населённых пунктов: Дивнопупинск, Верхнебашинск... Тьфу! Это всё молодёжь эта матершинная.

Я подошёл к доске и написал ещё один пункт.

12. Как показывать эффектные фокусы.

Затем я надолго задумался и взял с полки колоду карт. На обратной стороне доски написал последовательность:

6 7 8 9 10 В Д К Т

Отобрал одни пики и начал подписывать:

Пушкин Пелевин Платонов Пастернак Покровский

Дальше пошло сложнее, я смог придумать только По и Приста. Писатели на «п» из трёх и четырёх букв не шли в голову. Спустя десять бесплодных минут я решил переключиться на что-то другое. Сел за ноутбук и вдруг вспомнил об одной старой задумке рассказа, в котором война начинается не в 41-м, а в этом году. В итоге, вместо дальнейшей генерации идей для журнальных рубрик, у меня получилось следующее.

Четверо взрослых полицейских с трудом справились с семнадцатилетним пареньком. Ему выкрутили руки и в таком виде завели в камеру. Здесь бросили на пол и заперли дверь на засов и на ключ. Юноша растёр запястья и бросил через решётку:

– Вы бы лучше преступников так ловили! Телефон верните!

– Телефон через пятнадцать суток получишь! Если вообще получишь! Сейчас отец придёт – всыплет тебе по первое число! Посиди остынь!

Следующие двадцать минут никто не отвечал парню, хотя он угрожал, ругался, упрашивал, взывал к разуму, вновь угрожал и опять рычал от злости. Наконец, в помещение вошёл его отец.

– Здравствуйте всем! – он последовательно пожал всем руки. На сына поглядел издали. – Ну, что он на этот раз натворил?

– Да вот, полюбуйте! – старший лейтенант достал откуда-то из-под стола огромный топор. – Явился с ним в школу. Охраннику отдать отказался, устроил потасовку, вызвали нас. Оказал сопротивление – ну это уже как водится.

– Зачем ему топор понадобился? – поинтересовался у лейтенанта мужчина, хотя сын был здесь рядом, за решёткой, и всё слышал.

– Сказал, что вам подарок...

– Да, отец! – юноша не сдержал обиды и подал голос. – Тебе заказал в интернете: японская сталь, самозаточка, прорезиненная ручка. Последние деньги, между прочим, отдал. Сегодня только в пункт выдачи приехал, хотел тебе сюрприз сделать, бежал со всех ног, а тут – эти.

Занятный факт №25

В Японии запрещены шипованные шины

Озадаченный папаша снял с лезвия силиконовую накладку, провёл большим пальцем по острию, оценил инструмент по достоинству. Ненадолго задумался.

– Товарищ старший лейтенант, можно этот топор полежит... ну вот здесь, например, – он положил его под скамейку у места начальника. Обычному посетителю не видно, да и своим надо знать, чтобы достать. – Я завтра заберу приду. А мой архаровец пусть посидит ночь.

– Да ты что, отец? – завопил Сашка, так звали парня. – Сегодня же выпускной в школе! Это ведь главное событие в жизни! Меня же там девушка ждёт!

– Подождёт! – осёк его отец. – Как тебе ещё в голову вбить, что есть нормальные правила поведения! То ты со сторожем дерёшься – доказываешь, что тот не справится с грабителем! То ты мусорку поджигашь, чтобы показать, как огнетушителем пользоваться! То ты на спортивной олимпиаде в драку лезешь с учителями других школ!

– Они неправильно нам подтягивания засчитали...

– ...замолчи! Не хочу этого больше ничего слушать! Сколько можно! Посиди и подумай ночь. Да, я знаю, что выпускной! И это моё последнее слово!

Отец поднял руку вверх, не обращая никакого внимания, что сын начал биться в истерике и колотить руками и ногами в решётки камеры. Полицейские с мужчиной вышли на улицу, и Саша остался один. Вдруг он опустился на пол и горько заплакал: на выпускном он хотел сделать предложение однокласснице Наташе. Но отец-самодур умудрился сделать сыну самую большую пакость в жизни.

Когда полицейские вернулись, Саша попробовал их сначала подкупить, затем уговорить, потом утратить, наконец – пожалеть и отпустить, а когда и это не вышло – задушить всех их голыми руками и утопить в крови. Увещевания не помогли. И в наступившей темноте Саша молча плакал, глядя на салют, который устроили в одиннадцать часов в его школе.

– Какое сегодня число? – спросил у коллеги лейтенант, зевая. Он заполнял большую тетрадь.

– Двадцать первое июня, – ответит полицейский и тоже зевнул. – Ну что, прикорнём, может?

– Да, давай!

И оба растянулись в своих креслах, привычные дремать где придётся. Вскоре раздался лёгкий прихрап, и Сашины слёзы стали ещё горче. Долгое время он не спал, но вдруг сам задремал часа в два ночи.

Разбудила его странная канонада вдали. Саша приоткрыл глаза и, сонный, уставился в решётку окна. На улице было ещё темно. Однако звуки грядями одной за другой с настойчивой дерзостью прорывались сквозь ночную тишь.

– Товарищ лейтенант! – вполголоса позвал спящего офицера Саша, но тот мирно спал. Громче: – товарищ лейтенант! Гриша!

Офицер всколыхнулся в кресле и уставился на Сашу, который расстроил его сон.

– Ты чего кричишь! – сердито прикрикнул он, и от этого проснулся его коллега.

– Так стреляют на улице! – тёмный Сашин силуэт застыл с поднятой вверх рукой.

Полицейские прислушались. На улице, действительно, усиливалась канонада. А спустя полминуты всё вокруг наполнилось дальним, но отлично слышным гулом самолётов и взрывами бомб.

– Что за чёрт! – выругался лейтенант и схватился за фуражку. – Архипов, иди посмотри, что там, а я пока майору позвоню!

Но не успел он дожидаться, когда начальник ответит – в трубке были лишь гудки, – помощник влетел внутрь с округлёнными от ужаса глазами.

– Там... – он отчего-то рухнул на пол и прижался к ближайшей стене, – там не пойми кто! Там... омоновцы в иностранной форме... с автоматами... на мотоциклах!

– Ты что такое несёшь! – схватился за фуражку лейтенант и сам прижался к полу. – Какие автоматы? Какая иностранная форма? Учения министерства, что ли? А почему без предупреждения?

В этот момент, словно запущенным хулиганом камнем, выбило стекло в дальнем конце комнате. Все трое – полицейские и Саша – вжались в пол.

– Архипов! Отстреливайся на хрен! – приказал лейтенант. – Пусть это учение – тогда они все сами, на хрен, виноваты. Из оружейной бери автомат с магазинами. А я пока положу парочку!

С этими словами молодой офицер выглянул ненадолго в окно, приоткрыл створку и произвёл выстрел. Судя по всему, он и сам понимал, что стреляет только для того, чтобы показать: в здании есть вооружённые люди. Когда он в следующий раз поднял глаза выше подоконника, его взору представилось два десятка бойцов, пересекавших большую площадь перед полицейской частью.

– Ребята, выпустите меня! Ребята! – Саша перешёл с просьбы на мольбу. – Мужики, ну вы чего! Меня прибьют здесь! Мужики!

Главный из бывших на посту полицейских не обратил на него никакого внимания. Он отдал приказ своему помощнику.

– Архипов, автомат!

Тот приполз с двумя АК-74 и четырьмя магазинами. Вместе с ними он тянул по полу чёрно-зелёные каски и бронежилеты.

– Вот это ты хорошо придумал! – лейтенант быстро прицепил липучками переднюю и заднюю части бронежилета, скрепил их у себя на поясе. Вставил магазин в автомат и направил очередь по периметру нападавшей шеренги. В ответ раздалось несколько негромких выстрелов, и от парня отскочила часть черепа.

Двадцатилетний младший лейтенант Миша Архипов получил офицерские погоны два месяца назад. Сейчас он просто застыл на месте. Тело бывшего полицейского наставника отлетело в его сторону, кровью забрызгало рубашку и брюки. Миша посмотрел на серый мозг мёртвого начальника и натянул на себя каску. Забрал у погибшего автомат, с двумя Калашниковыми передислоцировался к другому окну. Прицелился – и положил трёх нападавших, которые были совсем рядом.

– Дружище! Ну ты-то меня открой! Ну умру же ведь в клетке! Как тебя зовут, парниш?

– Миша меня зовут! – ответил тот. – Ты не паникуй – отобьёмся!

Он приподнялся и отправил ещё одну очередь. В ответ снаряд, летевший быстрее звука, пробил полуметровую кирпичную стену и порвал младшего

лейтенанта на ошмётки. Затрещала и внутренняя стена, над которой закачалась крыша. Отремонтировать её как раз обещали к лету.

Не успел Саша сквозь клубы дыма, пыли и пороха понять, что к чему, как в участок вбежали четверо или пятеро автоматчиков. Они проверили все комнаты, больше нигде людей не оказалось.

К Саше подошёл офицер в иностранной форме, с серебряным крестом на груди поверх зелёного мундира.

– Ви хайст ду? – спросил он со швабским акцентом.

Запертый вспомнил уроки немецкого. Какого чёрта фрицы с автоматами делают в нашем городе? Война, что ли, началась?

– Саша! – громко ответил он. Сердце его колотилось, как мотор кроссового мотоцикла, который парень недавно купил с рук, чтобы гонять по местным лесам. Мотоцикл такого ритма не выдержал – взорвался бы. Саша старался держать грудь колесом. Хотя было очень страшно. До усрачки страшно!

Офицер внимательно оглядел паренька и приказал помощнику найти ключи от замка решётки и выпустить узника. Десять немецких глаз с интересом впивались в Сашу. Как ни страшно ему было, а котелок варил, как всегда, хорошо. Выйдя из клетки, паренёк боком протиснулся перед дулами автоматов к трупам лейтенанта. И тут ноги его подкосились, и он чуть не упал. Офицер указал, чтобы освобождённый сел на скамейку. Саше того только и надо было. В полуобмороке он присел на край и сгорбился, как нашкодивший пёс. Глядя на эту картину, немцы невольно рассмеялись.

– Хочешь жить? – медленно, чтобы было понятно, спросил его швабец. – У нас в плену – директор школы. Ты же ещё школьник, правда? Если ты застрелишь его – мы подарим тебе жизнь. Согласен?

Немцы вновь загоготали. Все они были подтянуты и атлетичны, как на подбор. «Вот она – сверхнация», – со скорбью подумал Саша, вспомнив, как большинство его сверстников вместо спортзала ходит пить пиво под дубом. Но котелок продолжал варить, как надо. Саша затрясся всем телом, изображая нервный припадок. Впрочем, особенно играть не приходилось – сердце и так выпрыгивало из груди. Он попробовал встать и снова сел обратно.

– Если только вы меня поднимите, – срывающимся голосом сказал он, – то я готов!

– Поднимите его! – офицер кивнул двум солдатам.

Двое молодцов приблизились к Саше и встали от него по обе стороны, готовые помочь, когда Саша соберётся с силами. Только вместо это он сгорбился ещё сильнее, как будто его тошнило, и небрежно уронил трясущиеся руки вниз. Под скамейкой он нашарил оставленный отцом топор. Вместе с ним – резко вскочил на ноги. На замахе ударил обухом одного – фриц с дырой в виске отлетел к окну. А остриём махнул по черепу другого – тот уронил автомат и рухнул на пол.

За долю секунды Саша замахнулся вновь. Приложил главного офицера по шее, чтобы тот не упал сразу. И покуда из него фонтаном хлестала кровь – схватился за его автомат и пустил очередь по двум оставшимся немцам. Оба они полетели на пол, который весь оказался в нацистской крови.

Саша спустился на пол и заполз в угол. Он боялся, что выстрелы привлекут внимание тех, кто на улице. С другой стороны, это сами нападавшие могли расстрелять обнаруженного полицейского. Такие предположения роились в голове парня, пока он ощупывал себя: неужели он жив и даже не ранен? когда ещё минуту назад он стоял в клетке под прицелом пяти автоматов?

Саша потянулся за шлемом и бронежилетом. Собрал возле себя всё оружие – немецкие автоматы с магазинами, полицейские Калашниковы и пистолеты, гранаты.

– Ну держись, мразь! – со злобой прошипел он и, как в амбразуру, стал смотреть в дыру в кирпичной стене. У него был отличный обзор и прекрасная бойница, из которой можно было класть врагов пачками – подходите! А дурацкое сердце всё страдало: жива ли Наташа? жив ли отец?

Глава 50

Замечательный день

– Гм, занятно, – с проблеском интереса признала Катя. – И ты вот этим на работе занимаешься?

Я нянчил Лёшку на руках и немного обиделся.

– Так это же не во вред работе, – попытался было оправдаться я, но понял, что это, в целом, бессмысленно.

В знак примирения Катя протянула мне вилку с закрученными макаронами. Я как мог съел, но одна макаронина соскользнула с вилки и упала на пол. Инстинктивно я пододвинул её к столу.

– Эй, ты что делаешь! – Катя сжала губы и кулаки, но гнев в её взгляде был любовным. – Мне же это потом подметать!

– Извини, это я на автомате.

Но быстро сообразил правильный в данных обстоятельствах ответ:

– А у меня Лёшка на руках!

– Э-эх, ребёнком прикрываться! Не стыдно?

– Немного, – признался я и вновь открыл рот, чтобы Катя меня покормила.

– Теперь двух детей придётся кормить, да?

Она протянула очередную порцию макарон и тщательно проследила, чтобы я ничего не уронил.

– Вообще, – прожевав, заметил я, – такой день замечательный. Лёшка не плачет. А ведь он не спит – просто смотрит по сторонам и моргает.

– Слушай, точно! – удивилась Катя. – Это какой по счёту тихий день? Первый из ста?

– Ну да, получается, ему уже сто с лишним дней. Совсем взрослый малыш! И реально – первый тихий день!

Лёшка насторожился, взглянул сначала на меня, потом на маму – и, наконец, улыбнулся. От его милоты расплылись в улыбке и мы. Обнялись и поцеловались. А затем зацеловали Лёшку в сладкие щёчки, отчего он прямо расхохотался. По-младенчески забавно и бесконечно приятно родительскому сердцу.

– Слушай! – начала вдруг Катя. – А раз у нас всё так спокойно, может быть, ты перенесёшь диван в зал?

– Что? – не понял я. – Зачем?

– Я хочу в спальне сделать небольшой ремонт.

– Ремонт?

– Ну да. Поменять обои, выбросить этот старый коричневый шкаф, вместо него поставить новый, светленький.

– И для этого нужно перенести диван? Он же огромный, как самолёт. Как я его перенесу?

– Его можно разобрать. Там все части откручиваются просто.

– Гм, ну хорошо. А куда мы его поставим в зале? Ведь там стоит другой диван.

Катя скривилась в недовольной мине.

– Давай его выбросим! Он старый, грязный и скрипучий!

По отдельности все эти фразы звучали вполне логично. Но когда я пытался осмыслить весь спектр предлагаемых действий, у меня начинало колоть в висках.

– То есть – я правильно понимаю? – чтобы в спальню поставить новый шкаф, который мы ещё даже не заказали, нужно один диван выбросить, а другой – переставить?

– Ну вот какой ты у меня молодец! – Катя растрепала мне причёску, что в её мире, вероятно, выражало похвалу и нежность. – Сразу понял, что к чему. Да, всё так!

Секунду я помолчал.

– А не лучше сначала выбрать шкаф, и, когда он придёт, разобрать старый и сразу переложить вещи в новый?

– Да, старый шкаф ты также можешь сегодня разобрать и выбросить.

– Что? – я не мог понять, неужели меня не могут понять. – И его выбросить? А куда же ты положишь вещи?

– Не «ты», а «мы», – поправила меня Катя и тыкнула в меня пальцем. – Мы сложим их на освободившееся место. Всё равно их нужно разобрать и отсортировать. Может быть, что-то можно будем отдать другим или выбросить.

– Да что ж ты всё выбросить норовишь! Может быть, есть что-то, чего я не знаю?

Катя помолчала, снова скривив гримасу и выпалила:

– Да! Меня раздражает наша обстановка! Тут полно старой коричневой мебели. Мне хочется побольше света, побольше современных вещей, простора, уюта, простоты!

Она излила поток эмоций, которые, видимо, накопились у неё за последние месяцы. Я старательно выслушал её, бережно покачивая Лёшку, который, к удивлению, не испугался повышенного тона мамы, а прикрыл глазки и задремал.

– Хорошо, хорошо! Не переживай ты так! Давай я разберу шкаф. И диван. Только давай я отвезу всё это дедушке на дачу, ему наверняка понадобится, он там какой-то сарай начал строить.

– Да, отвези всё на дачу! – Катя сжала кулаки, как будто речь шла о том, чтобы я сбросил в морской утёс её худшую врагиню.

– Ладно-ладно, успокойся! – от её восклица Лёшка резко проснулся, но почти сразу же вновь погрузился в дрему. Я перешёл на деловой шёпот. – Хорошо, давай я сейчас всё сделаю.

Я отнёс Алексея Михайловича в кроватку и аккуратно уложил на простыню. Накрыв одеяльцем с улыбочивым мишкой и поцеловал в молочную щёчку. Лёшку, не мишку.

– Я всё сделаю, не переживай! – я поцеловал Катю в шею. – Главное – чтобы тебе здесь было хорошо!

Помните фильм Люка Бессона «Люси»? Там девушку просят за 500 долларов зайти в гостиничный номер и забрать пакет. Ей очень нужны деньги, она соглашается и идёт в отель. Только там она попадает в руки мафии, и её силой перевозят в другую страну, из которой она выбирается несколько лет, разгребая на своём пути кучи трупов. Возможно, я ошибся в деталях, но смысл именно такой: за простым с виду действием может скрываться невероятно сложный квест. Вот, казалось бы, какие сложности могут возникнуть, если нужно перенести диван? Берёшь – и переносишь. Но не тут-то было.

Диван оказался очень тяжёлым и громоздким, поэтому его пришлось разбирать и проносить сквозь узкую дверь по частям. Это не проблема, когда у тебя есть ключи на 13 и на 14. Они у меня были. Вот только гайки проворачивались в четырнадцатом ключе и не влезали в тринадцатый. «Что за крот!» – так подумал я, чтобы не поминать нечистую. И полез за пассатижи. Катя уверяла, что они были в той самой коробке, которую я перевернул вдоль и поперёк, но там их не оказалось. Пришлось вращать шестигранники огромным газовым ключом, который еле помещался в труднодоступных углах дивана.

Кое-как всё раскрутив и разобрав диван, я перенёс его в зал. Спросил у Кати, куда его ставить. Вдруг она ответила, что у меня ни о чём нет своего мнения. Видимо, от меня пахло потом или я невольно чем-то её задел. Как ещё объяснить такой наезд?

– Да если бы не ты, я бы вообще никуда не переставлял его! Ничего себе ситуация. – Конечно, я выражал недовольство только тоном. По мягкой мимике Катя могла понять, что я лишь надел маску негодования, но внутри люблю её и её приказания. – Я ради тебя тут впахиваю, а ты меня шпыняешь! Нет, так не пойдёт. Всё, несу его обратно.

И я схватил боковину, но любимая меня остановила.

– Ну ладно-ладно! Давай вот сюда поставим!

– Я тоже сюда хотел! – молниеносно отреагировал я, и это была правда. Но Катя рассмеялась. Правда, я сам нарушил создавшуюся идиллию. – Только придётся телевизор перевесить. Не будет же он висеть над диваном. Если только вертикально снизу вверх смотреть.

– Да, придётся перевесить... – согласилась Катя. И спустя минуту, увидев, что я переодеваюсь: – Ты куда?

– Как куда? – удивился я. – На дачу. Я же стол делал, дрель там оставил. Сверлить-то чем?

– Ясно, ну давай.

Чтобы не спускаться порожняком, я взял из дома мусор. Завёл машину, из динамиков раздался неприятный звук пустеющего бака. Пришлось ехать за бензином и уже с заправки на дачу. Там меня ждала новая неприятность.

– Катюш, – спросил я её по телефону, – а ты случайно из моей связки ключ от дачи не забирала?

– Хм, кажется, забирала. Маме давала, когда она с Лёшкой туда ходила.

На удивление я был спокоен, как стоик. Просто поинтересовался:

– А почему ты не дала свой?

– Я не могла найти ключей, они у меня были в другой сумке.

– Ты знала, что они были в другой сумке, но не могла их найти и дала мой ключ. Ну хорошо. А когда ты собиралась мне его вернуть?

– Ну прости, я забыла просто! – её сердце, наконец, растаяло перед моими скромными муками. Конечно, перед лицом блокады или поволжского города всё это даже не пустяки, а пир во время чумы. Люди, у которых портится в холодильнике сыр, – как мы в принципе можем жаловаться на судьбу! Иногда мне даже становится жалко, что меня на неделю никто не отправлял в воссозданный лагерь или бомбоубежище – была бы наука. А так – что наша жизнь? Сплошные ссоры на пустом месте. Но когда ты в игре, тебе кажется, что

нет чернее дня, когда супруга сняла со связки ключи от дачи и тебе теперь придётся тащиться восемьсот метров домой...

Я подъехал к дому, вышел из машины и подошёл к подъезду. Я помнил, что Лёшка спит. Поэтому я решил позвонить Кате на телефон, чтобы узнать: на тихом или громком режиме стоит домофон? Но так как я не знал, на тихом или громком режиме стоит Катин телефон, я сбросил. После того, как спустя минуту мне никто не ответил, я сбросил ещё раз. Не знаю, что бы я делал, но в этот момент к подъезду подошёл сосед, и я проник внутрь.

У входной двери в квартиру я понял, что закрыто не на ключ, а на внутренний засов. Я побоялся звонить, потому что думал, что Лёшка по-прежнему спит. Я снова позвонил Кате на телефон, и снова безуспешно. Стал тихонько стучать в дверь – безрезультатно. Я сел на ступеньку и обхватил лоб левой ладонью.

– Что, не пускают уже? – сосед сверху шутливо хлопнул меня по плечу. – Не переживай, самый сложный – первый год, потом легче будет.

И пошелестел дальше.

Я встал и стал стучать громче – ничего. Звонил – ничего. Ментально плюнул и побежал вниз к машине. Запрыгнул за руль и помчался обратно на дачу. С ходу перепрыгнул через загородку и... порвал себе левую штанину. Чертыхнулся на этот раз по-настоящему. После чего подошёл к входной двери и обрушил на неё всю пятерню, которая хрустнула и ответила пронзительной болью обратно через кисть и плечо – прямо в мозжечок.

– Твою мать! – выругался я. Схватил лежащий рядом кирпич и снёс к чертям собачьим замок с креплениями. Выломал всё, как варвар, и выбросил по частям в траву. Зашёл в дачку, сгрёб левой, нераненой рукой дрель со свёрлами и в таком виде попробовал перелезть обратно. Несколько попыток оказались безуспешными. С четвёртого или пятого раза я перевалился через ограду и рухнул на проезд.

– С вами всё в порядке? – вежливо поинтересовались двое полицейских, которые стояли перед служебным УАЗиком.

– Всё ли в порядке? – патетически переспросил я. – Нет, далеко не всё в порядке. У меня единственный выходной на неделе. Но вместо того, чтобы лежать перед телевизором и пересматривать суперкубок Италии двадцатилетней давности, где «Парма» на последних минутах обыгрывает «Фиорентину», я вынужден, как вор, пролезать на собственную дачу и брать дрель. Которая мне нужна, чтобы просверлить в стене очередную партию дырок. Которые через полгода я буду замазывать шпатлёвкой. Но сейчас это нужно, чтобы перевесить телевизор, который теперь не виден с дивана, который я всё утро разбираю газовым ключом. Это если в двух словах. Вам

нужно показать право собственности? Или чтобы вот этот глухой сосед-придурок подтвердил, что это действительно моя дача?

Мимо проходил владелец соседней дачи, и я указал на него ладонью.

– Привет, Миш! – негромко поздоровался он, хотя обычно кричал. – Мне сделали слуховой аппарат, можешь поздравить меня, придурка!

– Бли-ин, неудобно как! – мне стало поистине неудобно. – Извини, Пётр Иванович! Ничего личного, просто... день плохой!

Он угукнул и прошёл к себе. А полицейские измерили меня косым взглядом и отпустили. Я сел в машину и поехал домой. Впрочем, попасть внутрь снова оказалось непросто. На этот раз я нажал кнопку домофона, потому что Катя вновь не брала трубку. Домофон, видимо, она перевела в тихий режим, поэтому мне никто не ответил и не впустил. Я взглянул на часы и решил, что могу прождать так целый час или больше. Попробовал успокоиться и занять себя хозяйственными делами.

Съездил в магазин, купил подгузников, детского молочка. Хотел ещё взять свиной вырезки, но рассудил, что она успеет испортиться, если час пробудет в машине, салон которой под палящим солнцем просто кипел от жары. Неспешно поехал назад домой. И вдруг увидел на тротуаре Катю с коляской. Сказать, что я удивился, – значит не сказать ничего. Я остановился и подбежал к жене, причем, очень тихо, чтобы не разбудить Лёшку.

– Он не спит! – предупредила мою осторожность Катя.

– Как так вы гуляете? Я заезжал домой – дверь была заперта на засов.

– Да, мы поспали немного, а потом вышли прогуляться. Ты куда-то запропастился, а нам что делать? Лёшке ведь нужен свежий воздух.

– Это я запропастился? – у меня слова терялись из нейронных узлов, где они хранились. – Да я звонил тебе на телефон, в домофон, в дверь, стучал даже... но ты не открывала!

– Правда? – удивилась Катя. – Странно, я не слышала.

Она полезла в сумку, но оказалось, что забыла телефон дома.

– Ладно, – я попытался успокоиться и настроиться на позитивный лад. – Это хорошо, что вы вышли погулять, потому что я смогу посверлить, пошуметь, и Лёшка не испугается.

Мы перекинулись ещё парой фраз, как-то неловко и нелепо, и я поехал домой. Подключил дрель, примерил место на стене, соседней с той, где сейчас висел телевизор. Просверлил первую дырку, из которой посыпалась кирпичная крошка. Поначалу я не придавал этому значения. Но когда пришло время вворачивать саморезы, выяснилось, что они болтаются в отверстиях, как... ну, скажем так, как ноги в ботинках на два размера больше.

Я полез в коробку, где хранились дюбели, но их там не оказалось. Видимо, мы все израсходовали в прошлый раз. «Неужели опять придётся куда-то выезжать?». Я начал было рвать на себе волосы, как вдруг мне в голову пришла потрясающая мысль. Достаточно обмотать саморезы скотчем, тогда они будут ввинчиваться в отверстия плотнее! Я так и сделал, и вселенная ответила на все мои старания – всё встало именно так плотно, как было нужно.

Я перевесил телевизор, подсоединил провода, всё настроил. Собрал мусор и аккуратно выбросил его в ведро. Помыл полы и протёр тряпкой всё вокруг. В этот момент позвонила Катя и сказала, что они с Лёшкой вернулись. Я спустился вниз и поднял Алексея Михайловича на руках. В предвосхищении триумфа глазами указал Кате на зал, чтобы она зашла и очаровалась обстановкой. Но вместо этого она остановилась на пороге и пробурчала:

– Ты решил на этой стене повесить? – И когда увидела моё перекосившееся от злобы лицо, поспешила добавить: – Ладно, я сама всё просверлю и перевешу!

Я ничего не ответил. Молча отдал ей Алексея Михайловича и стал готовиться к новой сверловке. Но нужная стена оказалась несущей, и моя маломощная дрель попросту не могла продвинуться ни на миллиметр. Я был в полной печали. Так же ничего не говоря, переоделся и поехал в строительный магазин за новой дрелью. Теперь стало окончательно ясно, что выходной безнадежно испорчен. Провожая, Катя посмотрела на меня с выражением: что ну не я же виновата в том, что у тебя нет необходимой техники! кто вообще в доме хозяин – ты или я?

В магазине я долго выбирал нужную модель. Мощные дрели стоили, как самолёт. Те, что попроще, могли не справиться со стеной. Скрепя сердце, я решил поступить правильно и купить хорошую дрель. Но и в этом сегменте мучительно сравнивал варианты, пока голова не заболела. В результате взял нужную коробку и в мученическом венце побрёл к кассе.

– Оформим расширенную гарантию? – протараторила девушка.

– Нет, спасибо.

– На год всего 1990, на два года – 2490. Какую выберете?

– Да я же сказал: никакую! – я начинал злиться. – К тому же на неё и так даётся год гарантии! За что я должен две тысячи отдавать?

– Это расширенная гарантия. Если, например, у вас инструмент выйдет из строя из-за использования во влажных условиях, то наш сервис бесплатно отремонтирует его. Обычная гарантия на это не распространяется.

– Что за бред! Любой сервис ответит: вы залили дрель водой, и от этого она сломалась. Нет, не надо никакой гарантии, хорошо?

– Хорошо. Дополнительное оборудование интересует? Удлинитель, переноски?

– Нет, спасибо.

– При сумме покупки от 10 тысяч рублей вы получаете двойные бонусы на корпоративную карту. Желаете что-то выбрать до этой суммы?

– Девушка, нет, спасибо, ничего не надо. *Ничего!* У меня нет корпоративной карты, – я предупредил её вопрос поднятой ладонью, – и я не хочу её оформлять! Я не накапливаю бонусы. Мне не нужны никакие дополнительные товары и услуги. Просто пробейте мне эту грёбаную дрель, и я поеду домой. Оплата картой. И пакет, кстати, тоже не нужен.

Я старался быть вежливым, как мог, но получилось, кажется, грубо. Тем не менее, кассирша не приуныла и после меня продолжила с улыбкой вешать лапшу на уши следующему покупателю. Я же отправился на парковку, где обнаружил, что мою машину припёрли. Хотя на парковке кое-где были свободные места, только подальше от входа. Я подошёл к лобовому стеклу, под которым, к своему удивлению, обнаружил номер телефона владельца. Позвонил. Мне ответила, судя по голосу, девочка лет тринадцати, сказала, что очень извиняется и сейчас придёт убрать авто. Через десять минут к машине подошла женщина лет сорока с губами, надутыми под три атмосферы. В руках она несла несколько красивых коробок.

– Извините, пожалуйста, тут всё так забито было... – губы реально мешали ей говорить.

Как назло, все свободные места к её появлению заняли, и теперь её оправдание выглядело правдой.

– Ничего! – устало вздохнул я. Я очень старался быть вежливым. – Вам помочь?

– Да, будьте любезны! – она, видимо, подумала, что я заигрываю с ней, и неожиданно для меня положила на мою дрель, которую я держал в руках, две самых больших своих коробки. Остальные загрузила в салон, а сама села за руль.

– Вот туда можете положить! – она указала мне на задний диван.

В безысходном смирении я сложил её вещи и прикрыл дверь. Всё это – со своей новой дрелью наперевес. Наконец я выдохнул, потому что дамочка тронулась с парковки. Но вдруг она резко остановилась, и я увидел перед капотом краснолицего мужчину, лицом похожего на обезьяну из детского мультфильма.

– Стой! – приказал он женщине, а затем бросился ко мне с кулаками. – Так вот ты с кем якшаешься?

Та выбежала из машины и бросилась к незнакомцу:

– Ты что, я его даже не знаю, он просто помог мне с коробками!

– Знаю я! – он приблизился ко мне вплотную. – Это с ним ты обедаешь трижды в неделю?

И он хотел схватить меня за грудки. Но я вовремя увернулся и резко ударил его по запястью.

– Хватит! Стоп! – натурально закричал я. – Послушай меня, ты! Я не помогал ей складывать её грёбаные коробки! Она перегородила мне дорогу, и я стоял и ждал, когда она вернётся! Так что пошли вы со своими семейными разборками! Не вплетайте меня в ваш идиотизм! Просто подвиньтесь на два метра и дайте мне уехать домой! А дальше – делайте что хотите! Ссорьтесь, отвешивайте друг другу пощёчины, соситесь на капоте, поритесь на заднем диване – всё что угодно! Только свалите на хрен отсюда, чтобы я смог уехать отсюда и больше никогда вас не видеть!

Мои доводы вразумили горячую парочку. Как только я уехал, она поставила машину на моё место, и они продолжили выяснять отношения. Кто-то им даже посигналил. Но я выбросил их из головы и помчался домой. Просверливать стену, чтобы перевесить телевизор, который мешает дивану. Который Катя приказала мне перетащить в единственный мой выходной. В кого я превратился? Скажи мне кто-то пять лет назад, что я буду пыхтеть и ворчать, как обрюзгший мещанин, – я бы двинул ему по носу, невзирая на его семейную опытность.

Дом встретил меня неожиданной тишиной. Домофон не реагировал на нажатия кнопок, а подъездная дверь оказалась беспринципно незапертой. Я поднялся в квартиру и никак не мог объяснить Алексею Михайловичу, что не мог позвонить ему, а он никак не мог ответить. Как он обычно это делает: мама берёт его на руки и несёт в коридор, где он мне угукает в трубку. Началась истерика, и Лёшка начал показывать ручками, чтобы я ушёл. Четверть часа я простоял с вещами на пороге, пока Кате, наконец, не удалось привести его в подобие чувств.

Просверлить нужную стену – из-за отсутствия электричества во всём доме – мне бы всё равно не получилось. И Катя согласилась, что телевизор можно повесить над монитором – в том месте, где я всё подготовил два часа назад. Между скобок замечу, что впоследствии она будет восторгаться тем, как удобно всё расположено: она работает за компьютером, а Лёшка на диване позади зависает в любимом мультике. Но тогда это выглядело как величайшая Катина уступка человечеству в лице семи с половиной миллиардов людей, а конкретно – в моём.

Голова у меня гудела, как будто я ночью спал два часа, и я выпил таблетку аспирина. Выходные постепенно превращались в настоящий кошмар. В течение

последующего года или даже двух я приходил на работу в понедельник с ощущением, что я поступаю в пансионат или, как сейчас модно говорить, – в рехаб. И сижу себе, работаю, трудотерапия меня излечивает, и я постепенно превращаюсь в обычного человека, рядового члена общества. Как будто я вернулся из района боевых действий контуженым и теперь потихоньку восстанавливаюсь.

Я спросил, есть ли дома что-нибудь поесть. Но Катя посмотрела на меня, как на врага народа. Мол, ты офонарел? я тут с ребёнком сидела, а ты катался – мог бы чего-нибудь и прикупить, чтобы приготовить. Не говоря ни слова, я в очередной раз переоделся и поехал за едой. Но так как последний раз я ел только утром, то решил заехать и съесть шаурму. Мог ли я тогда думать, что в ту палатку на углу я буду заезжать после работы в течение последующих двух лет! Всё дело в том, что Катя начинала готовить для нас, когда ей позволял Лёшка – то есть когда я приходил домой. Соответственно, мне приходилось ждать до девяти-десяти вечера, чтобы поужинать. Поэтому я решил просто по-новому посмотреть на быт и начать жить – и питаться – по-новому.

Как сказал лидер группы R.E.M. после ухода барабанщика: трёхногая собака – все ещё собака, просто ей нужно научиться ходить по-другому. Что ж, если надо вместо ужина заезжать в шаурмяшную – значит, так тому и быть. Так думал я, пока ждал свой заказ. Уже люди, которые пришли после меня, получили свои ароматные кулёчки и пакеты, а я всё стоял и изнывал после каждой новой порции, пронесённой мимо моего носа. Когда я поинтересовался, когда же будет готова моя еда, выяснилось, что заказ уже отдали.

– Кому отдали? – у меня уже кончилось терпение гневаться при каждой возможности, и я вёл себя хладнокровно, как аллигатор под водой. – Мне или кому-то другому?

Продавщица растерялась.

– Вам, наверно. Показали чек, и я отдала.

– Вот этот? – я протянул ей чек.

– Ну наверно...

– То есть я забрал шаурму, съел – а теперь притворяюсь дурачком, чтобы получить вторую?

– Молодой человек, я назвала номер, подошёл парень и забрал. Я не могу всех запомнить в лицо. У меня тут десятки человек за день проходят. Значит, кто-то ещё подошёл и забрал...

– По моему чеку? Или вы отдали, не спрашивая его? Слушайте, во всей этой ситуации меня больше всего волнует даже не то, что кто-то забрал мою шаурму, и вы теперь хотите, чтобы я второй раз заплатил за свой ужин. Самое печальное для меня – что я простоял здесь зазря пятнадцать минут, а мой заказ

не только не готов – он ещё даже не сформирован. Потому что вы даже не шевелитесь, чтобы накормить меня. Будьте так любезны: начните делать для меня шаурму с курицей на сырном лаваше с порцией горчицы, а заодно – свяжитесь с администратором, потому что я не собираюсь платить дважды за свой голод, своё ожидание и за ту ненависть, которую я начинаю испытывать к вашей палатке. И с каждой секундой – всё больше и больше!

Я стукнул кулаком по подоконнику окошка. На меня настороженно обернулись окружающие. Одна девушка, которая собирала со столиков мусор и выбрасывала его в контейнер, сняла перчатки и подошла ко мне. Поинтересовалась, в чём дело. Я вкратце обрисовал ситуацию. Девушка внимательно меня выслушала и подошла к окошку палатке.

– Быстро обслужите молодого человека! И внимательней следите за чеками, в следующий раз я вычту у вас из зарплаты, если вы будете направо и налево еду раздавать!

Затем она повернулась ко мне:

– От лица компании я приношу вам свои извинения. Разрешите угостить вас. У нас замечательные булочки с сыром. Что вы будете – колу или фанту?

Я выбрал фанту.

– Вы собственница этой сети?

– Да. А что – не похоже?

– Ну, просто вы сами ходите и убираете мусор со столов. Обычно начальники на торговые точки-то нечасто выезжают, а тут вы сами всё делаете.

– Я люблю свою работу. И своё детище. Для меня это не просто источник дохода. У меня есть философия – накормить людей вкусно в шаговой близости от дома. Меня Анна зовут.

Она протянула мне ладонью.

– Ахмед, – я ответил на рукопожатие. И, когда увидел удивление на её лице, добавил: – Шучу – Михаил.

Девушка заметно смутилась.

– Вы... не помните своё имя?

– Почему? – удивился я. – Помню, просто путаю. Не обращайтесь внимания, у меня просто специфическое чувство юмора. Вот вы, например, знали, что жители Нижнего Новгорода считают, что брейкданс бывает нижним и великим?

Анна хихикнула.

– Смешно. А вы кем работаете?

– Я редактор в одном журнале.

– Серьёзно? В каком?

– В «Ерше».

– Да ладно! Серьёзно!? – Анна действительно удивилась, и это отчего-то сильно поразило меня. – А сколько у вас стоит реклама?

– Баннер А6 в разделе визиток – 50 тысяч. Страница в новостях бизнеса – двести. Задняя обложка – миллион.

– Ого!

– Но если вы спрашиваете для своей сети, то всё можно решить гораздо проще. Автор пишет статью, ну скажем – про историю шаурмы, в каком-нибудь контексте. Ставим вашу фотографию – але-оп, реклама готова.

– И сколько *это* будет?

Я задумался. Уж не ждёт ли она, что я скажу: всего одно свидание с вами? Поэтому я поторопился перевести ответ в юмористическую плоскость.

– Бесплатная шаурма персонально для меня раз в неделю до конца года. Вы делаете такие карточки? Отдаёшь в окошко – и тебя угощают.

– Хм. Я могу расценивать это как бизнес-договорённость?

– Ой, да что за слова. Не хватало только контракт подписать. Давайте поступим так. Присылайте мне фотографии, давайте я вам сейчас позвоню, и вы на этот номер перекинете. Наш дизайнер их обрабатывает, и мы публикуем статью. Всё. Ничего не надо взамен. Вы и так меня угостили. Кстати, мой заказ ещё не готов?

Я действительно был очень голоден. Анна поспешила к окошку и через секунду передала мне горячий лаваш, свёрнутый в аппетитный кулёк, напоминавший древко топора. Только с мясом, капустой, помидорами, огурцами, горчицей, луком и сыром внутри. Я облизнулся и проглотил гиганта в какие-то пару минут.

– Спасибо, очень вкусно!

– Пожалуйста, – ответила Анна.

Я простился с ней и пошёл было к машине. Но в последний момент что-то вдруг щёлкнуло у меня в голове, и я решил подшутить над ней. На углу дома работал дворник, который, собирая мусор из уличных урн, зашёл за угол. Я был уверен, что Анна провожает меня взглядом. Поэтому я подошёл к временно оставленной метле и начал подметать тротуар. Быстро дошёл до угла и боковым зрением заметил, как девушка покачала головой и пошла по своим делам.

Когда я повернул голову, передо мной стоял застигнутый врасплох дворник. Он глядел на меня с удивлением, как будто встретил призрака, и не говорил ни слова. Я поклонился и церемониально передал метлу.

– Спасибо! – негромко произнёс я и легонько хлопнул дворника по плечу.

– Спасибо за труд!

И пошёл дальше, размышляя, как бы вернуться к машине незамеченным своей новой знакомой. Я прошмыгнул в салон, завёл двигатель и неторопливо уехал. В магазине я купил продуктов на два полных пакета, которые каждую секунду пугали меня, что порвутся, пока я нёс их до дома.

В коридоре Катя встретила мне с веником и совком в руках. Она всегда была чистюлей, как Моника из «Друзей», и наводила порядок каждый день. А с появлением Лёшки, кажется, она начала мыть, подметать и чистить по пять раз на дню. Встретила она меня – устало. Пока я переодевался и мыл в ванной руки, Катя перенесла пакеты на кухню и теперь переключивала продукты в холодильник. От одного из пакетиков детского молока отскочила трубочка и упала на пол. Машинально Катя придвинула её к столу и продолжила раскладывать еду.

– Ты – как я с макаронами, – заметил я Кате про трубочку.

Она посмотрела на меня со вселенской злобой, но в следующее мгновение не утерпела и улыбнулась живой и солнечной улыбкой.

– А ты подними и выброси! – она ударила меня кулачком в плечо. Хотела отстраниться, но и обнял и прижал её к себе.

– Устала? – я гладил её волосы.

– Устала, – устало ответила она. – И ещё я каждую секунду должна выглядывать в зал, чтобы проверить, не вылез ли Лёшка из кроватки. Он стал такой приткий! Если за ним не следить, он реально может забраться наверх и свалиться. Я и так всё вокруг подушками обложила, но я не могу ничего нормально сделать, потому что я то и дело хожу туда и смотрю, всё ли в порядке.

Мы немного постояли обнявшись, синхронно глядя на кроватку, в которой Лёшка игрался с плюшевым мишкой. Вдруг Катя вздрогнула и воскликнула:

– А ещё сегодня Лёшка сказал своё первое слово!

– Что? Серьёзно? – меня как пламенем обдало. – И что он сказал?

– Да я записала на видео! – Катя потянулась за телефоном.

– Как? Тебе удалось даже видео снять? Как так? – ситуация удивляла меня всё больше и больше.

– Да я просто его снимала на камеру, и тут он сказал – смотри!

Она включила запись, на которой Лёшка сидел в кроватке и улыбался. Сначала он буровил что-то невнятное, вроде какой-то песенки, повторяя всё время «А-а – а-а-а!». А затем вдруг посмотрел на маму и очень серьёзно и чётко произнёс: «Алексей!». Было видно, как в этот момент у Кати задрожали руки. Она рассказала, что даже заплакала, когда услышала это.

– Это невероятно! – я буквально загорелся от увиденного. – Этого же не может быть! Ребёнку всего пять месяцев, а он уже своё имя называет!

– И не просто «Лёшка», а «Алексей»!

– Да! Сегодня просто замечательный день!

Все заботы последних часов спали, словно груз на отрезанной верёвке. И мы пошли обнимать и целовать Алексея Михайловича, чем, кажется, немало его удивили. Но вскоре ему понравилось, и он начал задорно хихикать, распространяя вокруг себя несоизмеримые его маленькому тельцу дозы невероятного человеческого счастья.

Глава 51

Одурь

– Ну всё, я поехал, пока!

Я подошёл к Кате, которая только что встала. Лёшка ещё спал, и я говорил шёпотом.

– Давай, – сонно ответила любимая и поцеловала в губы. – Ой, стой, ты ключи от машины забыл.

– Так я сегодня без машины. У нас же вечером корпоратив в офисе.

– Как? – проснулась Катя. – Ты там что, пить будешь? Мы же завтра на приём к врачу записались.

– Что? – будто повторно проснулся я. – Это когда это мы записались?

– Я вчера вечером заявление через интернет подала.

– А на другой день нельзя перенести?

– Нельзя. Если бронь снимаешь, тогда на следующий приём можно записаться через 21 день.

– Ну а почему ты на понедельник не записалась?

– Разве я знала, что у тебя сегодня корпоратив?

– Да я тебе всю неделю про него талдычил! Ты меня хоть слушаешь, вообще?

Но надо было что-то решать, и я предложил:

– Может, на такси поедем?

– На такси? с грудничком?

Других вариантов я быстро придумать не смог.

– Вот блин! – выпалил я, взял ключи от машины и вышел из квартиры. Дальше я уже бубнил себе под нос, угрюмо шагая по ступенькам подъезда: – Почему так всегда бывает? Когда тебе что-то нужно – тебя вообще не слышат. Зато когда от тебя что-то нужно – всю душу вытрясут. Тупая взрослая жизнь...

Я завёл машину и со злости поехал, даже не прогрев двигатель. На работе на все вопросы с потиранием ладоней я подтвердил, что корпоратив будет. Но

мягко предупредил, что пить не буду, потому что поздно ночью нужно отвезти родителей в аэропорт. Правду я решил не сообщать.

– Э-э, ну как же так! – начали меня позорить со всех сторон, и мне стоило больших усилий сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Не переживайте! Я буду с вами до конца, и всех развезу домой!

Недовольный гомон понемногу стих, хотя ещё долго мне предлагали одуматься и быть со всеми.

– А что они так вдруг решили? – спросил Артём, и я даже не сразу понял, что он имеет в виду моих родителей. – Не сезон же.

– Да отцу отпуска дают по-странному. По две недели дробят и могут поставить в любой месяц. А они с мамой давно хотели отдохнуть, ну вот и решились.

– А куда?

– В Турцию, – соврал я, – в Мармарис.

– Пять звёзд? – поинтересовался Артём и, как мне показалось, хитро улыбнулся.

– Нет, четыре звезды, но «ол инклюзив», – снова соврал я. – Между ними по сервису разницы почти никакой, а в деньгах прилично сэкономишь.

– Во сколько они улетают?

«Что за вопрос!» – внутри вспламенел я и стал судорожно вспоминать, сколько времени обычно требуется от приезда в аэропорт до вылета. Плюс сколько времени требуется, чтобы доехать. Пауза затягивалась, и я, чтобы выиграть время, сделал вид, что припоминаю.

– Слушай, ну им в аэропорте нужно быть, по-моему, в 3:40, там за два или за три часа до вылета нужно быть, не помню точно. Ну и плюс время, чтобы их туда довести. Так что у меня сегодня будет та ещё ночька.

Я соврал в третий раз и ждал, что за окном пропоёт аллектор. Но вместо этого Артём дружески хлопнул меня по плечу и пошёл работать. Я последовал его примеру. И вскоре остыл. Подумал, что не стоило так вот разворачиваться перед Катиным носом и уходить, толком не попрощавшись. Хотел было извиниться за это, но передумал: всё-таки она в данном случае была неправа, а я оказался жертвой. Ладно, всё, что ни делается, – всё к лучшему. Предстоит только распознать в знаках судьбы, что же это за лучшее такое.

До обеда я кое-как успокоился. Погрузился в работу, даже искорки вдохновения летали по кабинету. Ближе к вечеру мне даже понравилась перспектива встать в субботу с утра свеженьким, трезвым до бестактности, и смеяться над общим чатом, куда пухлые рожи начнут писать ближе к часу дня. Это как работать в новогоднюю ночь, а потом утром первого января раскатывать на машине по пустым проспектам и улыбаться гаишникам. В

конце концов – нужна ли она, для творческого человека, эта бессмысленная разгульная жизнь? Всё это лень, факирство, сонная одурь (гм, неплохое название для музыкальной группы откуда-нибудь из Чехова: «Лень, факирство, сонная одурь»).

В половину шестого офис зашевелился. Все уже больше делали вид, что работают. Артём всё выбирал, сходить ли ему покурить ещё раз, потому что он выходил десять минут назад. Антон посматривал на покоившийся на кухне виски, а Аня, не стесняясь, выбирала музыку для вечеринки. Хоть у меня и была почти дописана очередная статья и мне потребовалось бы не больше получаса, чтобы её окончить, я решил всё оставить и объявить начало корпоратива.

Все восприняли это сообщение с энтузиазмом. Появились шутовские колпаки и огромные разноцветные очки. Столы заполнили вазы с фруктами, рюмки и фужеры. Всё как-то заблестало, заискрило, зазвенело. Мы начали за здравие. Восклицали тосты, чокались, обнимались. Но вскоре на горизонте заалела, пожалуй, скромная по меркам мегаполиса, но всё-таки полноценная вакханалия.

Откуда-то появились мыльные пузыри, и в офисе стартовало потужное подобие пенной вечеринки. Девочки пузырили мальчиков, те – девочек. Кто-то уже игриво снимал маечку, чтобы накинуть кофточку. Где-то в углу уже пили на брудершафт и целовались неловко, как школьники. К Артёму пришла девушка и иногда они мило обнимались. И все без исключения радовались и веселились. Устраивали странные конкурсы, пели песни и ритмично подпивали.

Разглядывать компанию трезвым взглядом оказалось на удивление интересно. Складывалось ощущение, что только теперь я узнаю истинные лица этих ребят. Как будто до этого это были актёры. Или наоборот, я запутался. Но только разговаривать с ними стало увлекательней. Я и сам стал общаться более открыто. Например, когда Артём спросил, что я разглядываю в телефоне, – в обычное время я бы что-нибудь придумал, чтобы не говорить правды, – но теперь признался.

– Слушай, я тут присматриваю машину в интернете. На нормальную денег не хватает, поэтому я ищу «Волгу», в нормальном состоянии. Мне больше всего ноль-вторая нравится, у неё такой бюрократический лоск, но она просто потрясающая.

Я показал ему фотографию на экране. В этот момент мне почудилось, что Аня специально приблизилась к нам, чтобы подслушать. Впрочем, она смотрела совсем в другую сторону и ковырялась в своём телефоне, так что я

решил как можно скорее избавиться от своей паранойи. И продолжил делиться с Артёмом своими впечатлениями от «Волги». Разумеется, вполголоса:

– Да ты просто не представляешь, как у меня встаёт каждый раз, когда я её вижу!

– А Кате скажешь?

– Да ты что! Нет, конечно! Она меня сразу бросит, как только узнает! – И я доверительно перешёл на шёпот. – Мы же на ремонт в квартире собираем. Но без машины я – как без ног. Как инвалид, пешком или на транспорте по городу передвигаюсь.

– Ну давай, чтобы твоя мечта сбылась! – Артём протянул рюмку с апельсиновым ликёром.

– Я же за рулём сегодня! – в очередной раз парировал я и чокнулся с ним бокалом с водой.

Веселье шло своим чередом, и все потихоньку накидались – кто до бесстыдства, кто до беспамятства. Впрочем, ничего откровенно развратного не происходило. Просто люди, будто сбжав с цепи, бросились в омут разгула. Опять же – кто как мог. Одни танцевали и потели, другие хватали друг друга за плечи и в чём-то убеждали, третьи хохотали надо всем подряд, так что и пальчик показывать не требовалось. Окинув родную братию-сестрию незамутнённым оком, я почувствовал, что сильно заскучал по Кате и по Алексею Михайловичу. И обрадовался, что приеду домой и смогу их обнять, а не буду тыкать ключом в замок входной двери и не стану потом стаскивать проклятый левый ботинок, на котором не смогу развязать шнурки, которые затянутся в узел.

Впрочем, радость от осознания этого быстро сменилась тяготящим ощущением: продолжаться вечеринка будет ещё долго, а мне всех ещё придётся развозить. Я заварил себе крепкого чая и сделал, что был должен: подплясал танцующим, поднял чашку вверх перед тостующим, обнялся с обнимающим и проводил... нуждающуюся в сопровождении.

– Эй, с тобой всё в порядке? – удивился я и поддержал Аню, которая вот-вот могла свалиться на пол.

– Доведи меня до туалета! – попросила она, и я вдруг понял, что она на ногах не стоит.

– Пойдём, конечно!

Я приобнял её и повёл по коридору. У дверей она как-то странно посмотрела назад, будто проверяла, нет ли кого рядом, и вдруг всё выпрямилась. Смешанный аромат рома и негрони пахнул мне в рот.

– Я специально притворилась, чтобы ты пришёл со мной сюда!

Она оттолкнула каблуком дверь мужского туалета, отчего её туфля слетела с ноги и покатила по кафелю прочь. Меня же Аня обхватила руками и потянула внутрь. Я не ожидал ничего подобного и чуть ли не рухнул вместе с ней вперёд. На все попытки поцеловать меня я уворачивался как мог. Но девушка уже начала расстёгивать пуговицы у меня на рубашке и полезла к ремню на джинсах.

– Да постой ты! – я с силой схватил её за руки, но она, покорная и бесстыдная, посмотрела мне в глаза со всей животной похотливостью.

– Давай, возьми меня прямо здесь! Я вся теку, попробуй!

Она перехватила мою руку и притянула к себе.

– Да успокойся ты!! – я грубо оттолкнул её от себя, и она вдруг очнулась от оцепенения.

– Ты что?

Она как-то резко протрезвела – впрочем, всего на секунду. И пелена тумана вновь заволокла алые белки её глаз. Невольная ухмылка перекосила её лицо, и она сама оттолкнула меня.

– Ну и давай, иди! К кому ты там собрался! К жене, к любовнице, хоть к служанке – мне всё равно!

«К какой служанке?» – эта мысль больно уколола меня в мозг абсурдной дикостью, какая-то нелепица. Но я понимал, что сейчас нужно как меньше травм нанести бедной девушке, которая непонятно с чего полезла ко мне с объятьями.

– Послушай, ты прекрасная и замечательная! Ты мне очень нравишься – и как человек, и как девушка! Так что, будь я свободен, я бы, наверно, сам сделал первый шаг. Но я женат, и я... – на секунду я замялся, не в силах подобрать нужное слово, – верный!

– Ну-ну! – ответила Аня и рукавом вытерла предательские слёзы, покотившиеся из глаз.

«Ну-ну»? Меня жутко возмутила эта огрызка. И будь передо мной мужчина – я бы вмазал ему кулаком в лицо со всей силы, а потом бы избивал, пока бы не понял, что близок к уголовной статье. Но сейчас мне в первую очередь хотелось избежать развития возможной истерики. Сначала ты чуть поддеваешь девушку – и всё! Это как пожар от загоревшегося фитиля – сейчас рванёт и будет гореть ещё три часа. Поэтому я помог Ане подняться, взял её за плечи и улыбнулся так деликатно, как только мог. Она оттолкнула меня и укрылась в женском туалете. Из-за двери приказала мне: «Уходи!».

Я вышел к компании. Никто не заметил нашего краткого отсутствия. А ещё через пару минут Аня вернулась к столу – весёлая, улыбающаяся и только чуть красная. Не показывая виду, она над чем-то посмеялась, пошутила сама и

попросила себе поджечь абсента. Я вздохнул, вспомнив, что мне ещё всех развозить по домам...

Видимо, семейная жизнь и счастье отцовства отучили меня от безудержного веселья. Но к полуночи я весь выгорел от ожидания, когда же все нагуляются и захотят по домам. Ребята всё шутили, и пили, и плясали, так что пришлось в духе челночной дипломатии договариваться, кого с кем взять в машину, чтобы развезти как попутчиков. В итоге только к половине первого удалось набрать первую партию гуляк, которые с гамом и прибаутками садились в салон ещё добрую четверть часа. Выпрашивая кто покурить на свежем воздухе, кто вернуться в уборную.

Когда я не без головной боли развёз первых, пришлось с трудом собирать вторых, в числе которых была и Аня. И так получилось, что, когда к трём часам ночи я еле распределил ребят по домам, они с Дашей, новостным корреспондентом, остались последними. Даша была сильно навеселе, но не шла ни в какое негативное сравнение с Аней. Та выглядела какой-то разнузданной и развратной, притом что вся спесь её сошла ещё в тот раз в туалете. Теперь она начала с заднего сиденья бить меня в плечо и в своих оскорблениях перешла почти на ультразвук.

– Ты лузер! Ты мог меня сегодня отыметь во всех позах! Во всех, сука, позах, чтобы я кончила...

Тут её постаралась перекричать Даша:

– Аня! Аня!! Остановись!

Но безуспешно.

– А ты ни хрена не воспользовался... Так чтобы я кончила фонтаном! Это был бы твой лучший секс в жизни!

Я молча и просто вёл машину.

– Аня, спокойно!

– Я спокойна! Потому что я знаю, что у него был шанс это сделать! А ты ни фига им не воспользовался!

Чтобы как-то сменить тему, Даша спросила у меня сигарет. Я ответил, что не курю.

– Сколько тебе лет? – Аня не унималась и била меня в плечо.

– Тридцать.

Занятный факт №18

В переводе с немецкого «шмаррен» означает «забава»

– У тебя в тридцать лет был такой отличный шанс ***** двадцатилетнюю соску! А ты им не воспользовался. Почему? – она искренне удивлялась. – Потому что ты женат?

– А ты женат? – удивилась и Даша, даже больше спутницы.

«Какой-то декамерон», – подумал я с горечью, а вслух признал:

– Да, я женат.

– Давай хотя бы минет, а? Да я тебе прямо сейчас *****! Тебе кто-нибудь ***** в машине?

«Сколько же грязи может быть во рту у человека!» – в очередной раз поразился я. И ничего не ответил. Поэтому Аня обратилась к Даше, видимо, полагая в ней найти благодатную слушательницу:

– Просто Миша не может объяснить сам себе, кого он любит больше: жену или меня.

– А, может, у него спросим? – скромно, но не без нотки ехидства поинтересовалась Даша.

– Да на хрен у него спрашивать! Он просто не может меня трахнуть! Я сижу тут рядом с ним, теку вся, а он не может!

– Аня, молчи-и-и! – призвала Даша, но подруга не унималась:

– Я просто говорю ему: трахни меня! А он сидит за дорогой смотрит, в вотцапе с женой переписывается!

«В каком вотцапе? У меня телефон вообще в кармане сейчас!».

– Я ему просто говорю: Миша, люби меня! А у него даже не встаёт на меня!

– Какой кошмар! – Даша отвернулась к окну и схватилась за лоб. Но когда Аня попыталась пролезть ко мне с заднего сиденья вперёд, то схватила её и чуть не закричала: – Аня, ты пьяная, не надо таких вещей!

Та обиделась, отвернулась сама и, ко всеобщему удивлению, через минуту засопела. Когда мы подъехали к её дому, она спала глубоким сном. При взгляде на неё совершенно невозможно было сказать, что в течение всей ночи она сыпала неисчислимым множеством гадостей, пошлостей и откровенного разврата. Сейчас она выглядела как погасший камин: кожа под глазами

побледнела, щёки немного впали, а растрёпанные волосы напоминали ведьмины космы поутру.

Так как разбудить буянку теперь не представлялось никакой возможности, я волоком вытащил её с заднего сиденья и водрузил на плечо, как бесформенное кресло-подушку. Даша долго копалась в её сумочке в поисках ключей. Наконец, нашла их и впустила меня с жертвой корпоратива в подъезд. Мы поднялись на лифте на десятый этаж, и я внёс девушку в её скромное жилище, вид которого уверял, что хозяйка – скромница и примерная рукодельница. Мне пришлось снять с неё куртку и сапоги, дальнейшее раздевание я предоставил Даше.

Спустя пару минут она попробовала растолкать Аню, чтобы узнать, как та себя чувствует. Я не расслышал её ответа. Только Аня, как подождённая, бросилась в ванну и побежала обратно в спальню с тазиком цвета морской волны. Сразу же после этого раздался ожидаемый звук выливающейся под давлением жидкости, а за ним – кашель и сморкание. Из чувства деликатности я вышел из коридора на лестничную площадку и простоял там без малого минут десять, пока Даша утирала и укрывала подругу, искала для неё уголь и воду и промывала таз.

– Уф! – смущённо произнесла она, когда вышла из квартиры и захлопнула дверь. – Чего только не бывает в жизни.

– Да уж, – признал я и вызвал лифт, который тут же и открылся перед нами. – Ну что, не будем на этом заикливаться. Давай я отвезу тебя домой, и мы забудем обо всём. В понедельник встретимся на работе, и время пойдёт своим чередом. Согласна?

– Конечно! – ответила Даша, мы вышли из лифта и покинули подъезд.

Я отвёз девушку домой. Мы наскоро и не без смущения простились, и я поехал к себе. Тихонько проник домой, умылся, почистил зубы и лёг спать отдельно. Наверняка от меня разило кальяном и неприятными воспоминаниями. Надо было помыться, но у меня уже не было сил, да и шуметь ночью я не хотел. Я рухнул, уставший, в кровать и закрыл глаза. Последнее, что я увидел, – зелёное свечение чисел 4:13 на электронных часах на столе.

В шесть утра меня разбудил стук в дверь. Стучали долго и настойчиво. Я ещё удивился: звонок же есть – зачем кулаком-то бить? Сонный, я натянул штаны и отворил. На пороге стоял тот самый старец, который снился мне некоторое время назад, – я сразу узнал его. Теперь его вид был ещё более отталкивающим.

– «Я же сказал, чтобы ты позвонил в дрезденскую клинику и передал Клаусу Больцу, чтобы он не отходил от Урсулы ни на минуту!»

– Да какую ещё клинику! – я попытался оправдываться, но старец преградил мне уста:

– Позвони сегодня же! – прохрипел он и больно ударил меня рукоятью посоха по лбу.

Я проснулся в холодном поту. Встал в туалет, зашёл в ванную помыть руки. В зеркале у меня на лбу зияла заметная багровая шишка. Я потрогал её – ни намёка на боль, и опухлостей никаких. «Что за дьявол!» – испугался я. Пошёл в комнату. Перекрестился и с опаской снова увидеть во сне что-то не то заснул.

Глава 52

Трикотационный цеплёнок

– Что ты смеёшься? – Катя с кухни услышала, как я невольно хохотнул.

– Да смотрю вот “National Geographic” про баварских монахов. Тут рассказывают, что во время поста они не ели и не пили ничего, кроме пива. Представляешь? Считалось, что крепкие напитки – это зло, а пиво – это просто хлебная вода. Да уж, выдумщики те ещё, ничего не скажешь!

– Ой, а ты уже в баварские монахи задумал податься!

– Ещё бы! – я с энтузиазмом согласился. – Если они там реально какой-нибудь Пауланер хефевайзен пьют, я бы туда на ПМЖ уехал! Постоянно бы постился!

Я рассмеялся ещё раз. И продолжил смотреть передачу, где со спины показывали монахов в холщовых рясах и с выбритыми тонзурами на голове. Они перелистывали древние книги и попутно отхлёбывали из керамических кружек с механическими закрывашками сверху, которые поднимались большим пальцем руки. Такие приспособления, оказывается, служили защитой от насекомых и назывались биркеделями.

Вдруг один толстый монах повернулся лицом в камеру, и с экрана на меня посмотрел – я! А диктор прокомментировал:

«Раньше отче Михаэль был в православии. Но уклад протестантской общины так воодушевил его, что он переехал из России в Германию и поселился в этой обители под Мюнхеном. Аббат Михаиэль наложил на себя послушание употреблять только пиво круглый год, а не только во время поста. Сейчас его вес составляет 112 килограммов⁵, но в свою прежнюю бытность он весил больше двухсот».

В ужасе я сделал упражнение на пресс и понял, что только что проснулся, заодно разбудив и Катю. Вокруг была темь и ночь.

⁵ Конечно, любые совпадения по массе с семипудовой купчихой – чистая случайность.

– Что случилось? – сквозь нежную дрёму прошептала Катя.

– Ничего, милая, всё в порядке! Просто страшный сон.

Лёшка рос не по дням, а по часам. И это его развитие всё сильнее убивало нас с Катей, по крайней мере, в его первый год. Алексей Михайлович начал ползать и стал залазить, куда только мог добраться. Пришлось поставить заглушки на все розетки. На углы всех столов мы приклеили мягкие пружинящие кругляши. Со всех ящичков свинтили ручки, чтобы Лёшка не опрокинул на себя содержимое комода или шкафа.

Но с этими и многими другими мерами предосторожности приходилось буквально ежесекундно смотреть за ним, подходить, придерживать, переносить, снимать, убирать и оттягивать от мебели, за которую он цеплялся, как вьюн. При этом бесперебойно хихикал, а у меня с каждым новым подходом всё сильнее гудела голова, и аспирин заменил мёд для вечернего чая.

Но в конце концов Лёшка, оттянутый от очередной ножки дивана, заливался смехом, и мы с Катей ничего не могли с собой поделаться, улыбались, а затем начинали так же задорно смеяться и тискать малыша.

– Лёшкин смех надо засаливать в банки и сохранять на зиму! – заметила как-то Катя. – А потом бы мы их открывали и смеялись посреди январской стужи!

Мы с Катей целовались и умиленно глядели на ползущего к очередной цели неугомонного ребёнка. Я оттаскивал его от батареи, за которую он цеплялся малюсенькими пальчиками, а он верещал и переключался на меня. Так что уже мне приходилось ходить в час по чайной ложке, потому что Лёшка накрепко прицеплялся к моей ноге и волочился через ковры и линолеум, куда я бы ни сворачивал.

– Ах ты... цеплёнок!

– Цыплёнок? – не поняла Катя.

– Тот, кто цепляется к ноге. ЦЕПлёнок.

Лёшка посмотрел на меня снизу вверх, увидел, что я смеюсь, и захихикал сам. Мы вновь хохотали втроём. И вновь сидели с нашим кудрявым цеплёнком по очереди. Потому что этот маленький ползунишка мог без устали передвигаться по квартире до часу, до двух и даже до трёх часов ночи. Иногда он мог кружиться буквально до утра. И мы с Катей дежурили, как римские легионеры: первая стража, вторая и так далее.

Ехать на работу, проспав три-четыре часа за ночь, было тем ещё удовольствием. Постепенно мы превратились в типичных родителей, которые в субботу утром появлялись в парке немытые, нечёсанные, заспанные и мятые, как будто только вернулись с вечеринки. Раньше я никак не мог взять в толк:

неужели нельзя найти полчаса, чтобы помыть голову и побриться? А теперь я сам перестал смотреть на себя в зеркало и выходил гулять с Лёшкой небритый, нечёсанный, мятый и заспанный, хотя всё свободное время я употреблял именно на сон.

Со временем Алексей Михайлович стал сильнее. Реально физически сильнее! Он мог замахнуться и ударить ногой с такой силой, что даже у меня оставались синяки. Что уж говорить про Катю, которая буквально исстрадалась от лёшкиных избиений. Причём никакие наши доводы никак не влияли на агрессию нашего чада. Он продолжал лупить нас по поводу и без. Пока мы его кормили, пеленали, купали, играли с ним, поили, опять кормили, держали на руках, убаюкивали, переключали мультики.

Кстати, по поводу мультфильмов. В течение всего Лёшкиного детства мы наблюдали чёткие переходы в его новых увлечениях. Первой его страстью стали «Три кота», которые три месяца являлись на всех мониторах в квартире: на телевизоре, на обоих наших с Катей рабочих компьютерах, на телефонах, планшетах, калькуляторах, утюгах.

Трёх котов сменили «Маша и медведь». И снова месяца на три наш дом превратился в галерею отзвуков эха Машиного смеха и мишкиных восклицаний, окриков, рычаний и вздохов.

На смену этой звёздной парочке пришли «Малышарики», и вновь наше сознание было насильно перенесено в проблемы Крошика, Ньюшеньки, Пандочки и Барашека. Затем эти же персонажи превратились в «Смешарики», а позже проявились на новом уровне – в научной серии мультфильмов «Пин-код».

Но главной любовью Алексея Михайловича – с первого раза, когда он их увидел, и, кажется, на всю последующую жизнь – стали «Ми-Ми-Мишки». Катя даже вырезала из картона и разрисовала Кешу и Тучку, которые были вдвое выше Лёшки. Постепенно нашу квартиру заполнили мягкие игрушки Ми-Ми-Мишки, комиксы и раскраски Ми-Ми-Мишки и прочие, и прочие Ми-Ми-Мишки.

Впоследствии я просто устал запоминать мириады героев, которые, казалось, проели мой мозг насквозь: Бас Райдер и Буба, «Сказочный патруль» и «Фиксики», «Деревяшки» и «Оранжевая корова», «Лео и Тиг» и «Катя и Эф», «Ам Няма» и «Барбоскины». Причём смотрел их Лёшка не моргая часы напролёт. Мог не есть и не пить и судорожно следить за всеми перипетиями сюжета. Не переставая, однако, без предупреждения колотить родителей руками и ногами.

Однажды Катя дремала на кровати, а Лёшка рядом внимательно следил за приездом Машиной сестры-близняшки в гости к медведю. И вдруг наш отпрыск размахнулся и со всей силы пяткой зарядил маме в живот. От удара

она согнулась пополам и свалилась на пол. Я подбежал и растерялся: было похоже, что её проткнули насквозь кинжалом. Лёшка тоже соскочил с дивана и растерянно хлопал глазами. На его лице застыл неподдельный ужас. Когда через мучительно долгую минуту Катя наконец отдышалась, первыми её словами были:

– Ах ты мультипликационный наркоман! Трикотационный, машаимедведьеционный наркоман! Если ты ещё раз ударишь меня – я тебя вынесу на улицу и отдам первой попавшейся старой бабке, чтобы она унесла тебя в лес и отдала волкам на воспитание!

Я ещё долго объяснял Лёшке, почему делать так, как он поступил, плохо. И он слушал и впитывал всё, как губка. Я понял, что всё было зря, когда буквально на следующий день он зарядил мне в челюсть. А вечером – так же невзначай – ударил маму ногой под колено, отчего Катя снова рухнула на пол. Тут уж я не выдержал! Схватил хулигана в охапку, отнёс на кровать и отхлестал по заднице, так что у меня самого ладонь загудела. Лёшка ревел полчаса, но от преподанного урока его хватило на дольше. В следующий раз он ударил кого-то из нас спустя дня три или четыре.

Но вся наша злость моментально улетучивалась, когда Лёшка вдруг заболел. Когда у него поднималась температура, и он вялый и грустный прижимался к подушке, у нас с Катей просто сердца кровью обливались. На него невозможно было смотреть без сострадания. Я готов был забрать Лёшкину болезнь, и вместо трёх дней промучиться с температурой целый месяц, но к сожалению, этого не может ни один отец в мире.

Как-то Лёшка лежал весь укутанный и без энтузиазма смотрел «Трёх котов». Вдруг он позвал меня слабым голосом и что-то попросил. Я не расслышал и не понял и попросил повторить, чего он хочет.

– Капики! – слабо, но чётко произнёс он.

– Капики? – недоумевал я и беспомощно искал подсказки в глазах у Кати.

– Капельки? – предположила она.

– Капельки? Микстура, что ли, Лёш?

– Да, – тихо подтвердил он, не сводя глаз с экрана.

Я не мог найти себе места от восхищения всё то время, пока доставал микстуру и отсчитывал капельки.

– Представляешь! – повторял я Кате. – Он сам попросил о помощи! Сам сказал: капельки! Какой у нас умный малыш!

Потом мы давали Алексею Михайловичу красивую жёлтую ложечку с микстурой и с волнением наблюдали, как он бессильно закрывает глаза и засыпает. В такие моменты я ощущал свою полную беспомощность. Наверное, так и рождаются молитвы за детей.

Но спустя пару дней Лёшка выздоравливал. Начинал бродить по комнатам и вновь без предупреждения бить родителей по всем частям тела. И вот уже вместо слабого малыша, которого хотелось прижать к груди, гладить, греть и целовать дни напролёт, – появлялся прежний хулиган, показывающий свой нрав. Познав действие лекарств, он уже нагло заявлял, чтобы ему дали «ещё капики». Я противоречил:

– Лёш, ты микстуру пил недавно.

В ответ он бил меня кулаком в ухо и говорил, с ударением на первый слог:

– ДАвно!

Я восторгался от его ответа, и Лёшка начинал хихикать вслед за мной, хоть ему и было тяжело и вскоре он вновь укладывался на подушку, где, бедный, лежал без движенья. Но зато когда он выздоравливал, мы с Катей сразу это чувствовали на собственной шкуре. Малыш начинал нас бить, и потихоньку мы начали ему отвечать.

После самого первого удара по попе, который малыш, видимо, воспринял как измену всему святому, что было в нашей с ним в жизни, он ревел битый час. Но потом он мало-помалу стал понимать, что нам больно так же, как и ему, когда мы в очередной раз стягивали с него трусики и шлёпали по попе.

Когда Алексей Михайлович научился выговаривать некоторые слова – или, лучше сказать, слоги – он активно включался в борьбу за собственную независимость и возможность делать всё, что ему было угодно. Если он в очередной раз забывался и лупил меня или маму, я принимал грозный вид и следовал за ним олицетворённым возмездием. Лёшка приходил в ужас, тщился убежать и вопил:

– Не на! (Не надо!)

– Папа, что ты де? (что ты делаешь?)

Мы бесконечно умилялись этим его выражениями. А я и вовсе стал записывать для себя все те обороты, которые он использовал в общении с нами. Многие из его словечек или предложений проливали свет на то, как в принципе формировался русский язык. Так, например, когда мы прятались с ним от мамы, то я скрывался под одеялом и говорил: «Меня нет!», а Лёшка выскакивал и верещал: «Меня есть!».

В другой раз Алексей Михайлович вновь хулиганил и никак не давался в руки маме, пока она пыталась его одеть. Катя грозила:

– Лёшка, иди сюда! Иначе не буду надевать носочки!

А он опять вопил и протестовал:

– Ну будь!

Когда малыш ещё подрос, годам к трём он вовсе начал выдавать поразительные перлы, которые поражали меня уже по-настоящему. Как будто я

читал «Алису в стране чудес» в устах собственного сына. Настолько это было гениально – в том плане, что ломало привычные шаблоны восприятия мира. В этом и заключаются чудеса детства. Например, Лёшка брал игрушечный телефон, нажимал кнопки и потом выкрикивал в микрофон:

– Алло-алло! Преалло!

Вот это «преалло» так меня поразило, что я ещё несколько дней восторгался и неоднократно вспоминал эпизод при Кате. Малыш, видимо, запомнил мой восторг, потому что в другой раз, когда мы ехали по плохой дороге, он заметил:

– Мама, дороги никакой-преникакой!

И он продолжал удивлять нас тем, что подмечал самые необычные вещи. А также задавал вопросы, которые наглядно показывали, насколько его мышление отличается от нашего. Насколько оно чисто от штампов и ограничений, которые мы с возрастом и с опытом неизбежно накладываем на Божественно-простую, но оттого не менее чудесную действительность.

– Почему петушок кукарекнул? мы же не спим! – удивлялся однажды Алексей Михайлович.

В другой раз, когда я жаловался Кате, что у меня что-то не так с молнией на куртке, Лёшка спрашивал, не зная, что это такое:

– Папа, что у тебя... с тобой?

И я подробно рассказывал ему, что такое молния, как она появилась, что раньше люди застёгивали верхнюю одежду на десятки пуговиц, а потом изобрели моментальную застёжку. Я вообще старался максимально подробно отвечать Лёшке на всего его расспросы, а сам он не стеснялся и спрашивал обо всём на свете.

Даже, может быть, о том, о чём другие дети постеснялись бы спросить. Лёшка совал свой нос во всё, и я очень ценил это и всячески поддерживал любознательность. И отвечать старался по-взрослому, без всяких снисхождений и тем более – глупых домыслов, которые иногда озвучивают родители, чтобы просто что-то сказать.

Ведь сознание ребёнка – это такая благодатная почва, на которой может вырасти всё, что угодно. И если засаживать её штампами и глупостями, то и вырастет средний человек. Который будет читать книги в кратком изложении и чья биография сведётся к «родился, женился и умер».

Мне хочется верить, что именно благодаря такой нашей с Катей открытости мы не задушили, но взрастили в Лёшке интерес к жизни, гибкость мышления, открытость ко всему, что есть в мире. Если он ошибался в каком-то слове, мы не просто поправляли его, а объясняли, почему принято говорить вот так, а не иначе.

Я даже ошибками не всегда мог признать Лёшкины перлы. Например, он говорил «попробовуют», а не «попробуют». И меня интересовало: а как же он до этого дошёл? Может быть, в языке есть более логичные и правильные варианты, которые с течением времени отвергли?

Вот есть глагол «попробовать». Ведь логично сказать, что они – попробовуют. Почему за столетия каких-то непонятных корректировок в русском языке выпал суффикс?

Или другой случай. Лёшка узнал слово «красота», но никак не мог сказать нам, что мы красивые. Вместо этого он, задумавшись, высказался так:

– Папа, ты – красотой! Мама, а ты – красотая!

Это же гораздо логичней, чем разделять единый, на первый взгляд, корень и добавлять к первой его части непонятно откуда взявшийся суффикс «ив». Папа – красотой, мама – красотая. Красотó же сказано!

Мне кажется, благодаря тому, что мы с мамой задумывались обо всём этом и обсуждали с Лёшкой, он выучился применять гибкие подходы и смотреть на одно и то же с разных сторон. Мы не говорили ему: правильно вот так, а не иначе. Я опускался на колени и пояснял малышу: так принято, люди привыкли говорить так.

Поэтому Лёшка не боялся сделать что-то не так и получить очередной укор: неправильно. А зачастую, понимая, что он произносит что-то заведомо неверно, Алексей Михайлович всё равно произносил, что хотел, и ждал нашей реакции:

– Бабушка, ты живёшь слишком далеко вблизи меня, – он делал паузу и переводил взгляд на меня, явно довольный тем, что я заинтересовался сказанным. – А я живу рядом вблизи себя.

Несуразность выражения «далеко вблизи» восхитила меня. И пусть формула «рядом вблизи себя» граничила с тавтологией, я, тем не менее, отметил и похвалил Лёшку. Ведь таким способом у него формировались пространственные представления, развивалось понимание времени, причинно-следственных связей и многого другого. Я даже не сдержался и назвал Лёшку «художником мысли».

Для него это стало очередным разрывом шаблона. Раньше художником его называла только мама, когда они вместе рисовали гуашью картины. А теперь папа применил слово «художник» к его словам – Алексея Михайловича это удивило. И в то же время сам титул ему очень понравился.

Поэтому когда на следующий день Катя принесла ему кашку, которую он не хотел есть, то он гордо заявил:

– Художники не завтракают!

Глава 53

Темтонга без фонарём

В то лето мы впервые решились полететь все вместе на юг. До этого мои отпуска ограничивались тем, что я проводил всё время либо с Лёшкой, либо в разъездах по хозяйственным делам. Теперь, наконец, я плюнул на все заботы – в жизнь их переделаешь – и предложил полететь на отдых. Катя переживала, что в условиях отеля мы можем не справиться с Лёшкой, если что. И мы пригласили Катину маму, чтобы отдохнуть всем вместе и под её внимательным оком.

Конечно, тур стоил больших денег, которые явно не соответствовали нашим обычным тратам. Конечно, сборы заняли целую вечность. И, конечно, передо мной ставились невыполнимые задачи, которые я должен был решить. Мне вспомнился девиз десантников: «Нет задач невыполнимых», и я поймал себя на мысли, что любой мужчина с детьми – семейный десантник.

Например, Катя переживала: вдруг там не окажется фруктового пюре? значит, надо взять с собой, хотя бы по три штучки на день! Но как без потерь перевезти тридцать стеклянных баночек, зная, как обходятся в аэропортах с багажом? Я ломал голову и буквально в каком-то шизофреническом приступе выдумывал решение: открыть упаковку памперсов и тщательно обернуть каждую баночку, плотно прижав их друг к другу.

Хорошо – садись, пять. И не смей требовать благодарности за свои решения – это твоя обязанность. Более того, ты сам должен был озаботиться этой проблемой и решить её без нашего ведома. Почему вот мы должны думать, как пронести на борт самолёта детскую водичку, когда все пластиковые бутылки изымаются и выбрасываются перед входом в зону посадки? И вот я уже иду доставать с полки пыльную флягу, подаренную кем-то на двадцать лет, и промываю её содой и средством для мытья детской посуды. Так вот и будет Лёшка перед взлётом пить водичку из папиной фляги с красной звездой на боку и надписью: «Командирский».

Перед вылетом мы накупили столько вещей, что нам понадобился новый чемодан. Мы также купили и его. Но общий вес всех наших пожитков настолько превышал норму в 20 килограммов на человека, что в какой-то момент я просто встал и сказал: «Стоп! Мы сейчас возьмём и выложим всё ненужное».

Я начал с себя. Выкинул тёплую водолазку, потому что в Турции не может быть так холодно. Вытащил половину изначально намеченного гардероба, так что у меня остались лишь три футболки, двое плавок, бельё, кепка и солнцезащитные очки. Даже пену для бритья выложил, резонно решив, что в отеле всяко должно найтись, чем побриться.

В итоге в освободившееся пространство перекочевали Катины вещи, не вместившиеся у неё. Так мы и проотдыхали: я – каждый день перестирывая майки и трусы, Катя – привезя и увезя обратно дюжину летних платьев, топиков, вечерних туалетов и даже комбинезон для поездки в горы. В какие горы?..

Короче, я ужасно устал ещё до того момента, когда мы добрались до аэропорта. Но и тут выяснилось: никто не обещал, что будет легко. И хоть моё чувство юмора рекомендовало мне всплыть⁶ – всплывать было некуда, все мы одинаково плавали в океане наземного кислорода. Вот твой крест – неси.

В аэропорте я развлекался как мог. Так как Лёшка видел здесь всё впервые, он вечно тянул меня то туда, то сюда. Катя с мамой сидели с чемоданами и отслеживали сдачу багажа и проверку документов, а я с Лёшкой изучал окрестности, каждый раз получая инфаркт, когда «тишайший» свешивался с эскалатора в десяти метрах над землёй. Мы изучили каждый уголок. Я даже уговорил сотрудника обмотать ребёнка по грудь плёнкой, которой обматывают чемоданы. Лёшка верещал, как резаный, а я гордо нёс его, как свёрнутого в ковёр, и потом тщательно отлеплял от него приставучую плёнку.

В туалете Лёшка часто-часто включал и выключал мне свет, отчего я просил его не баловаться из-за незапертой двери. Он переставал хулиганить, только когда я выходил, и с видом ангельской невинности сообщал:

– Я забыл, что не надо.

Тогда я его силой заводил в кабинку и выключал свет. Лёшка снова верещал, как резаный, и повторял:

– Я боюсь в темноте!

Я включал свет и смеялся:

– «В темноте»?

– Боюсь в темноте! – повторял он. И уточнял: – И не боюсь в светоте!

– «В светоте»! – восхищался на этот раз и рассуждал про себя: действительно, ведь это логичнее, чем «при свете» или «в освещении». Темнота – светота. Гениально! И опять смеялся. А Лёшка запретительно двигал пальчиком из стороны в сторону, как дворник на заднем стекле машины, и предупреждал:

– Не смейся!

Какие же поразительные и нетривиальные конструкции, в очередной раз удивлялся я. «*Не смейся*». Ведь это тоже логичнее «не смейся». Может быть, составить Лёшкин язык и начать на нём разговаривать и писать? Я вспомнил,

⁶ Отсылка к песне «Аквариума» «Крем и карамель» (2005): «Никто не обещал, что будет легко. Я понимаю тебя, Садко, но моё чувство юмора рекомендует мне всплыть».

как Лёшка постоянно убирает постфикс «ся» из глаголов. Как это он ещё «не смеяйся» сказал, а не «смеяй»? Наверно, потому, что это слово всегда с «ся». А вот были бы варианты – например, умыть или умыться – обязательно бы «ся» исключил. И если бы Лёшка меня рассмешил, и я бы сказал, что из-за этого улыбнулся, – он обязательно переспросил бы: «Я тебя *улыбнул?*». Слушайте, может – поэтому молодёжный сленг появляется? Может, поэтому говорят: это меня улыбнуло? – потому что авторам этих словечек меньше трёх лет?

Или вот, я вспомнил, как Лёшка сказал: *страиность*. Не страх именно, а то, что страшно. На самом деле это ведь более логичный термин, чем безобразие. Безобразие – это уже какая-то метафизика, а страиность – это простота. Как темнота, которая у него превратилась в «темтонту». Когда я повторил это слово, Лёшка пояснил:

– Просто там нет фонарём!

И тут я окончательно расплылся от филологического массажа души.

Затем мы возвращались к маме, которая сидела с чемоданами в зале ожидания, и долго изучали розетки для зарядки телефонов в подлокотниках кресел. Лёшка кушал пюрешки и самостоятельно шёл выбрасывать тубики, тщательно сохраняя при этом крышки. Зачем они были ему нужны – неведомо, но домой мы привезли целую коробку крышек. Потом малыш гордо восседал в кресле и потягивал сок из трубочки. Под конец на весь зал оглушительно шумел, высасывая остатки сока. И снова сам шёл выбрасывать пакетик, не охотно расставаясь с трубочкой.

– Мам, – подходил он к Кате, держа подарок за спиной, – я тебя поздравляю!

– С чем? – удивлялась бабушка.

– С бананом!

И Лёшка показывал в маленькой ручке банан, с которым он поздравлял маму. Катя, конечно, расплывалась в улыбке и принимала дар. Бабушка прижимала его к себе и гладила по голове. Но во всё время ласк Лёшка неусыпно следил, чтобы мама не забывала его угощать. И когда все подарки таким образом были съедены при непосредственном Лёшкином участии, он брал оставшуюся верхушку от связки и... играл в лошадку.

– Что это значит? – спрашивали мы у него. Я даже специально сфотографировал ту самую связку бананов, посмотрите:

И Лёшка просвещал нас, недалёких:

– Это лошадка бегает с горящими ногами.

Мы с Катей не сразу поняли, что ноги у лошадки уже сгорели. Бабушке стало по-настоящему страшно, нам тоже.

– Бабушка, пойдём побегаем по лестнице! – предлагал вдруг Лёшка.

– Лёш, бабушка не может, у неё ножки больные! – увещевали мы заводного малыша.

– А почему у неё ножки больные? – спрашивал он у нас, а сам посматривал на неё.

– Потому что бабушке уже много лет, – поясняла Катя.

– А, да! Я забыл!

– А сколько ей лет? – уточнял я.

Лёшка на секунду задумался.

– Бабушке, наверно, уже много лет – восемь! – После нашего смеха он переменял версию: – Нет, ей уже сто пятьдесят!

Мы смеялись снова и спрашивали, сколько лет нам.

– Папе – сто лет, – рассуждал ребёнок, – маме шесть, а мне – три.

Посреди нашего и очередного бананового сока он добавил:

– Вот если я постарею – это будет совсем не очень!

Детская непосредственность нас бесконечно забавляла и радовала, пока мы ждали посадки на самолёт.

Не прошло и двадцати минут, как Лёшка во всеуслышанье объявил:

– Брррр!

– Что это такое, Лёшенька?

Малыш грустно вздохнул:

– Это живот бурчит. – Он погладил себя по животу. – Он говорит: «Ещё хочу!».

А после того, как Лёшка съел ещё две пюрешки, он взял сок и бросил его в меня, обвиняя, что я его перекормил.

– У меня в животике одно неудовольство!

Так мы и воевали с ребёнком, пока не объявили посадку на наш рейс. Мы встали в большую очередь и стали медленно продвигаться к выходу из аэропорта, где нас ждал автобус до самолёта. Двигались мы медленно, зато всё это время Лёшка вёл себя образцово-показательно – не нудел, не дёргал за руку, пытаясь увести нас куда-то в сторону, не кланчил игрушки или купить что-то в одном из многочисленных аппаратов со снеками и напитками. Одним словом, молодец – золото, а не малыш.

Но вот когда мы подошли к стойке, где проверяли посадочные талоны, ангелоподобный до того Алексей Михайлович вдруг – хватить меня за пипиську! От неожиданности даже сотрудница аэропорта не удержалась и прыснула от смеха. Впрочем, очень быстро она попыталась сделать вид, что ничего не произошло.

– Лё-оша! – я громко окликнул его и одёрнул его руку. – Ты что себе позволяешь!

Хулиган ехидно хихикнул и, немного покраснев, защитился:

– Я хотел проверить, есть ли на тебе трусики.

– Ну конечно! – парировал я, параллельно предъявляя талоны на посадку и проталкивая ребёнка вперёд, чтобы не создавать затор. – А так ты не мог догадаться, что я в трусиках. Лучше к маме приставай – что у неё там.

Конечно, я не подразумевал ничего плохого и сказал, что сказал, впопыхах, не подумав. Но Катя мне ещё долго припоминала эту мою рекомендацию. Зато Лёшка, как истинный исследователь мироздания, захихикал и сообщил:

– У мамы там ничего нет!

С этими физиологическими открытиями мы сели в автобус, который отвёз нас к самолёту. Через считанные минуты мы уже поднялись по трапу и заняли своё место в салоне. Больше всего я пугался, что Лёшка испугается взлёта. Всё-таки – резкое ускорение, отрыв от земли, наклоны в воздухе, маленькие домики внизу. Мне и самому это внушало инстинктивный страх, который я, как мужчина и глава семейства, тщательно прятал за маской невозмутимости.

Для Лёшки все эти новые вызовы, напротив, оказались только в радость. Он с удовольствием переживал все те ощущения, которыми сопровождается взлёт, и с вторил гулу двигателей, изображая собственный полёт в необъятном небесном пространстве. Когда стюардессы разносили пакеты на случай, если кому-то станет плохо, Лёшка мирно заснул и проспал так до самой посадки. А когда он проснулся, то очень удивился, почему мы все так устали, если летели всего-то пять минут. На самом деле полёт длился четыре часа.

В Турции нас встретил автобус, который развёз всех по отелям. Заселившись в номер и забросив туда вещи, мы первым делом пошли на пляж. Катя надула круг и надела его на весёлого малыша, который еле дождался момента, когда он сможет поплескаться на солёных волнах. Море встретило нас теплотой и лаской. В первый день мы не разрешили Лёшке много купаться, зато он перекопал вдоль и поперёк песчаный пляж отеля. А Катя не вылезала из моря часа два, так что я уже совсем проголодался и увещевал всех пойти на обед.

Но и до столовой дойти было тем ещё приключением. На обратном пути Лёшка заметил детскую игровую площадку и с неподдельным энтузиазмом заметил:

– Наконец-то мама сможет с удовольствием покачать меня на качелях!

Нас развеселила сама постановка вопроса.

– Это как в том анекдоте, – провёл я аналогию, – когда звонят Брежневу, он снимает трубку и отвечает: «Дорогой Леонид Ильич слушает!».

Как долго мы ни пытались увести Лёшку от площадки, всё безуспешно. Он постоянно прицеплялся к новому аттракциону и никак не мог с ним расстаться. Когда он просил меня раскачивать его на канате, а я увещевал, что пора идти обедать, то Лёшка честно замечал:

– Сделай так, иначе я буду нудеть!

Зато когда Катя сообщала, что сейчас всю еду съедят другие люди, Лёшка моментально спрыгивал и тянул нас за руки к ресторану.

Сколько я себя помню, Катя потом постоянно вспоминала, что в отпуске я всегда набираю еды без меры. Неважно – друзьям, случайным встречным в транспорте, людям, с которыми мы совсем недавно познакомились, – если разговор заходил о еде, Катя всегда рассказывала, как я набирал столь тарелок еды, сколько мог унести. Иногда по четыре тарелки за раз. А я всего лишь заботился о том, чтобы семья была сыта. И в такие моменты – истинно как ребёнок – дёргал Катю за рукав или незаметно толкал коленкой в бок.

Но тогда, когда я впервые принёс пять или семь тарелок в двух руках, Катин шок был самым настоящим и неподдельным. Помню, я набрал пюре и котлет в одну тарелку, салат оливье – в другую, тушёные овощи – в третью, куриные ножки – в четвёртую, суп-пюре с гренками – в пятую, сладкие булочки – в шестую и сочную дыню – в седьмую. Сейчас я уже с трудом представляю себе, как я чисто технически смог это донести, ничего не выронив и не разбив, посреди метущихся в разные стороны людей. Но Катю больше всего поразило, что при этом они с бабушкой и Лёшкой набрали себе еды на обед.

Делать было нечего – я ел всё подряд, так что супруга даже подумала, что меня подменили двойником. А Лёшка, видя такое райское разнообразие пищи и, видимо, подумав, что я сам из рукава материализую все эти яства, даже приказал мне:

– Папа, я хочу на ужин макароны и котлеты, – он загнул у меня на руке один палец, – яйцо и яйца (бабушкин смех, загнут второй мой палец), пюре и картошку (третий).

– А ты сейчас разве не наелся, что уже про ужин думаешь? – спросил я.

Лёшка к тому моменту съел тыквенный суп-пюре, котлетку с тушёными помидорами и макаронами с тёртым сыром (причём сыр он брал исключительно из маминой тарелки), а также два больших куска дыни. Сейчас ребёнок обстоятельно поедал сладости. На мой вопрос он не ответил. Вместо этого остановился жевать, тщательно осмотрел стол и сурово признал:

– Мама, из-за тебя маршмеллоу становится меньше!

Бабушка рассмеялась, а мама попыталась протестовать:

– Лёш, а ты не лопнешь столько сладостей есть?

Малыш понял, что парировать нужно каким-то хитрым способом, так как взрослые, как ни глянь, со всех сторон правы. Тогда он что-то буркнул себе под нос, так тихо, чтобы никто из нас не смог разобрать сказанного.

– Что ты говоришь? – поинтересовалась бабушка.

– Это не я говорю! – Лёшка надулся. – Это животик сказал, что мама плохая, потому что не разрешает есть много сладкого!

Мы, конечно, смеялись. И старались подмечать все подобные высказывания смышлёного малыша. В другой раз он философски замечал:

– Каша не хочет быть без сахара.

Или приказывал маме, когда она ограничивала его в сладком:

– Не считай мои кексики!

А когда в номере он доставал из сумки две молочные шоколадки, взятые с ужина, то водил пальцем по названию на обёртке (написано всё было по-турецки) и с умным видом озвучивал прочитанное:

– Эта шоколадка для мамы, а эта – для Лёшки.

Мы умилялись, а Лёшка в это время лопал сначала свою шоколадку, потом половину маминой, потом – часть от оставшейся половины. И постоянно убирал мамины пальчики с плитки, чтобы ей досталось как можно меньше.

Когда мы раздевались, чтобы пойти в душ, я обнаружил в одном кармане шорт цветок, а в другом – лепестки ромашки. На вопрос об их происхождении Лёшка рассказал, что сорвал их рядом с детской площадкой. А когда увидел помявшийся за время прогулки и обеда цветок, то взял его в руки и поднял бутон вверх.

– Цветок улыбается, – пояснил он.

Затем отпустил бутон, и тот безжизненно опустился вниз на тонком стебельке, как на тонкой шее голова потерявшего сознание.

– Цветок грустит...

Потом поднял и сам развеселился:

– Цветок улыбается!

– Лёш, иди скушай витаминки! – звала его бабушка.

Лёшка откладывал цветок с лепестками на тумбочке и бежал к солнышке – так он её называл.

– А что такое витаминки? – интересовался я у малыша.

Лёшка внимательно рассматривал надписи с обозначениями: А, В6, В12, С, РР – и уверенно отвечал:

– Это букочки!

Спустя некоторое время он вдруг отвлёкся от игры, которая прежде полностью его занимала, и стал исследовать каждый уголок нашего номера, как детектив в поисках улики. Я внимательно наблюдал за ним, а мама с бабушкой у окна любовались морем и открывавшимися видами. Тогда ребёнок, не найдя, что искал, подошёл к ним и вкрадчиво поинтересовался:

– Девочки, где мой горшок?

Девочки, конечно, захохотали, но горшок предоставили. Он ещё лежал обвёрнутый для сохранности памперсами в дорожном чемодане. Когда Лёшка, опять же как скрупулёзный детектив, проследил, что улики были тщательно

смыты, на глаза ему попала целая россыпь рулонов туалетной бумаги. Видимо, когда-то в отеле имел место прецедент, после которого руководство указало не жалеть её. Лёшка сразу приватизировал один рулон, который тут же раскрутил по всему полу, с витиеватыми изгибами и разворотами.

– Я её размятываю! – пояснил он.

– Кого? – удивились мы. – Что это?

– Это дорога! – просветил он нас, глупеньких.

Но когда он начал её поправлять – одна из магистралей растянулась и... порвалась. Для ребёнка, должно быть, эта катастрофа сопоставима с тем, если бы взрослый увидел, как горным потоком широкую дорогу разрезало напополам, оставив многометровый разлом. Поэтому Лёшка сразу стал поправлять бумагу, пытался как-то её скрепить, воссоединить, починить, но всё тщетно. Тогда он потребовал у мамы клей, чтобы восстановить дорожное полотно.

– Лёш, это бумага, – я попытался воззвать к его разуму, – это её свойство – легко разрываться.

Но ребёнок не успокаивался и уже почти был готов заплакать.

Тогда Катя пошла на нестандартный ход.

– Лёшенька, – сказала она, – клей украли собака.

Малыш на секунду задумался.

– Надо поймать собачку! – решил он.

Мы спросили, как это сделать.

– Мы сядем в машину и возьмём зонтик! – воскликнул Лёшка.

– Зачем?

– Мы догоним собачку и остановим её зонтом. Отнимем клей и соединим бумагу. То есть – дорогу!

У Лёшки радостно блестели глаза.

– Слушайте, – заметил я вслух, – ведь это первый Лёшкин рассказ! Надо подсчитать по календарю, сколько ему точно лет и дней.

Я полез в телефон, чтобы подсчитать точный возраст юного беллетриста. Сам он в это время нежился в объятиях мамы и бабушки, которые хвалили его за находчивость и фантазию. Про сломанную дорогу все как-то разом забыли.

– 3 года, 2 месяца и 5 дней! – торжественно объявил я. Впрочем, сразу плюнул на свои расчёты и присоединился к обнимашкам. В тот момент мы были совершенно счастливы как четвероединя семья.

После ужина мы решили лечь спать пораньше, поскольку сказывалась усталость первого дня после перелёта. Мы немного прогулялись по пляжу и отправились в номер. Лёшка ещё некоторое время не мог заснуть, и Катя начала напевать убаюкивающие мелодии:

– Даже сказка спать ложится, чтобы ночью нам присниться, глазки закрывай – баю-бай!

Малыш внимательно слушал маму, а затем начинал подпевать – правда, на свой лад:

– Даже... Симпсон спать ложится!

Бабушка, которая уже дремала на кровати рядом, невольно хихикала, и Лёшку приходилось укладывать заново, потому что он садился на кровати и начинал громко выяснять: «Бабушка, ты почему смеялась?». Солнышко объясняла ему, утишала, а затем просила его спеть другую песенку. Лёшка задумывался и выдавал – опять же, на свой лад:

– В лесу родилась... мамочка! – он хихикал и развивал тему: – В лесу она росла! Зимой и летом... в трусиках без маечки была!

Он буквально заливался от смеха – настолько гениальной казалась ему его придумка. Мы, конечно, тоже улыбались, но продолжали пытаться уложить ребёнка. Бабушка нам в этом помогала и мешала попеременно.

– Лёш, – спрашивала она вдруг, – а что папа и мама делают после того, как уложат тебя дома?

Лёшка на секунду задумывался, а затем, будто прозрев, отвечал с горящими глазами:

– Они делают мне подарок!

После этого открытия вновь приходилось шёпотом уговаривать его успокоиться и закрыть глаза. Когда казалось, что малыш уже засыпает, он вдруг внимательно осматривался и сурово предъявлял маме претензию:

– А попу мою укрыть? – забыла?

Катя наглядно показывала ему, что его попу надёжно укрыта, но Лёшка с недоверием престарелого Ельцина осматривался вновь и еле-еле позволял убедить себя в очевидном. Бабушка над этой картиной смеялась в подушку, и ребёнок вновь садился на кровати и спрашивал, что смешного. Приходилось укладывать его почти с начала.

Катя передавала эстафету вечернего песнопения мне, и я, по незнанию популярных песен, исполнял «Сокола»:

– ...Увидеть его крылья, увидеть его перья, и вдруг удивиться: а кто это теперь я?

Ещё какое-то время Лёшка внимательно меня слушал. Но потом останавливал меня:

– Папа, не пой: все дети уже спят!

Если Катя хотя бы пыталась сдерживать смех, то бабушка хохотала в голос от Лёшкиной непосредственности. Впрочем, я не обижался и искал новые варианты. Особенно Лёшке понравилось: «Прыг, ласточка, прыг, а в лапках

топор», и он показывал, как птичка разрубала в нашем номере пол, и мы все проваливались на этаж ниже. Так как подобные экспромты не приближали нас к успокоению, Катя возвращала эстафету себе и баюкала Алексея.

– Спокойной ночи! – прошептала она, когда малыш задремал.

– Мама, – вдруг спросил он, – а как называется твой фотоаппарат?

– «Кэнон», – удивилась Катя такому вопросу.

Несколько секунд Лёшка формулировал шутку, после чего хитро улыбнулся и озвучил её:

– Спокэнон ночи, мама!

После этой магической формулы и лёгкого приступа восхищения нашим смыслёным не по годам малышом мы все как-то разом уснули.

На следующее утро, вопреки всей физиологической логике, Алексей Михайлович встал в пять утра. Вместе с ним поднялись и мама с бабушкой, которые в столь раннем подъёме углядели прекрасную возможность искупаться в море до жары. Солнце, надо сказать, уже встало, и балконе было уже совсем тепло – как у нас летним днём. Лично я семейного энтузиазма не разделял. Я не выспался и был разбит. Впрочем, меня никто и не спрашивал, так что пришлось умыться и пойти со всеми на пляж.

Катя расстелила полотенца на лежаках и сама легла загорать, а бабушка отправилась с Лёшкой к морскому берегу. Вдруг мне показалось, что ребёнок выкрикивает что-то странное, и я прислушался.

– Катюш, ты слышишь?

– Что?

– Лёшка поёт про сиськи.

– Что-о-о??

– Да я серьёзно! Прислушайся!

Лёшка пел маршеобразную песню, и тут я сам понял, о чём это он:

– Вместе по лесу идут, сабияют сиськи!

Катя посмотрела на меня с укором:

– «Собирают шишки»! Это из мультика. А у тебя всё одно на уме.

– Но он же реально так поёт: «сабияют сиськи»! – пытался парировать я, но безуспешно.

Когда же Лёшка вернулся с бабушкой к нам, я спросил, зачем он так громко пел ту песенку.

– Я рассказывал морю о «МиМиМишках»! – как само собой разумеющееся, ответил он. И мы в очередной раз выдохнули от приступа умиления.

После обеда мы отправились в номер, чтобы переждать самую жару. Термометр показывал +39, и находиться на улице было добровольным смертоубийством. После освежающего душа мы все улеглись на кроватях передохнуть. Лёшка потребовал достать ноутбук, чтобы посмотреть один из мультиков, которые мы ещё дома накачали для досуга. Но вдруг малыш наткнулся на папку с нашими семейными съёмками и решил их досконально изучить.

Например, он открывал видео, на котором я доказывал, что слушать альбомы на старом кассетном магнитофоне гораздо круче, чем скачивать синглы через приложения на смартфоне. А надо сказать, что мы в тот день как раз вернулись с дачи, где я потчевался по совету приятеля испанским вином “Mucho Mas”. На камеру я говорил весьма внятно, даже больше того – излишне артикулировал и делал большие глаза. Лёшка изучал запись с некоторой настороженностью, как будто не понимая, в чём тут фокус.

– Папа, зачем ты это рассказываешь? – спросил он.

Катя хихикнула, а мне пришлось отвечать ребёнку.

– Я был вдохновлён, – признался я.

Алексей Михайлович с пристрастием посмотрел мне в глаза. И уточнил, повысив голос, как следователь на допросе:

– В восторге, что ли?

От такого неожиданного вопроса все, конечно, рассмеялись в голос, и я в том числе. Я был смущён и готовился было оправдываться, но нас всех отвлек шум с улицы. Мы бросились к окну. Сперва мы увидели, как египтянин окуривал кустарники из неведомого дымового автомата. Я впервые в жизни видел такой аппарат. Густой, как безе, дым окутывал всё вокруг, как будто Бондарчук снимал сцену битвы для «Войны и мир». Тем более поражён был Лёшка, который наблюдал за происходящим, как за инопланетным вторжением.

Когда дым рассеялся, шум дымной машины сменил трактор. Он ехал по набережной, очищал тротуар от мусора и увлажнял его.

– Что он делает? – спросил Лёшка.

– Трактор чистит дорогу, – ответила бабушка-солнышко.

Малыш задумался и ответил, явно противореча взрослым:

– Он делает массаж!

Пока мы смеялись, Лёшка потерял интерес к происходящему за окном и бросился обратно на кровать, к ноутбуку. Но по пути он задел мамину сумку, и из неё выпала аптечка. Ребёнок остановился и осёкся, как будто в чём-то провинился. Вся его мимика изображала, что он сделал это случайно. Конечно, никто на него не злился, да и страшного ничего не произошло, что я и поспешил донести до сына.

– Ты же не специально, – сказал я. – Давай, сейчас вместе всё соберём.

Лёшка успокоился и начал складывать лекарства обратно в маленькую дорожную сумочку. Вдруг взгляд его зацепился за «Отривин» – насадки для детского назального аспиратора. На упаковке был изображён слонёнок, и Лёшка вдруг замер и начал о чём-то усиленно размышлять.

– Что такое, сладенький? – поинтересовалась бабушка.

– Слонёнок грустит, – объяснил Лёшка, – ждёт свою маму.

Мы все в очередной раз расплылись в пароксии умиления. А, придя в себя, я вдруг понял:

– Это же гениально! – громко внушал я окружающим. – Меня осенило: это же вопрос для «Что? Где? Когда?». Знатокам показывают упаковку лекарства и спрашивают, почему слонёнок грустит. И правильный ответ: потому что он один, он ждёт свою маму.

Лёшка смотрел на меня, как на ребёнка, и отпихивал в сторону, чтобы пройти к ноутбуку и посмотреть мультфильм.

– Папа,пусти меня! – толкал он меня в коленку. – А то я сейчас разгонюсь и влипнусь в тебя!

– Что сделаешь?

Вместо ответа он отошёл на два шага, разогнался и врезался в меня что было сил.

– Влипнусь! – всё-таки пояснил он, и я понял: влипнуться – значит врезаться.

Насильно спихнув меня в сторону, Лёшка пробрался к кровати и включил «МиМиМишек». А заодно – остановил у мамы на телефоне фильм, который мы безуспешно пытались посмотреть.

– Лёша, включи фильм! – вежливо потребовала мама.

– Но мне же так не слышно музыку! – резонно ответил малыш, указывая на песенку в мультике. И пукнул.

После невольного приступа смеха и необходимой в таком случае паузы мы все вместе улеглись на кровать. Что нам оставалось делать – только смотреть приключения Тучки и Кеши, пережидая жару. Но и тут Алексей Михайлович не дал нам лёгкой жизни. Он стал спихивать нас к краю, потому что мы якобы теснили его на его ложе.

– Что же такая металлическая! – толкал он маму, которая никак не поддавалась, и приводил в пример меня, слабохарактерного, сползавшего в сторону от любого толчка: – Вот папа – бумажный.

– А ты какой Лёш? – интересовалась бабушка, которая с весельем наблюдала за этой картиной.

– Я – деревянный! – отвечал ей внук, не отводя взгляд от экрана.

– А я какая? – спрашивала солнышка.

– Ты добрая! – также невозмутимо говорил Лёшка, но мы буквально раскисали от вселенской милоты.

Ребёнок, видя, что мы так сильно умиляемся от его виршей, продолжил свои рассуждения. Он начал щупать нашу кожу и делать выводы, что у нас внутри.

– У мамы внутри макароны, у папы – яблоки.

Затем он с деловитым видом подошёл к бабушке и начал щупать её живот.

– А у бабушки – запеканка.

Притянул её голову к себе и поцеловал солнышку в лоб. Ещё и ещё – в щёки, в шею. Пока он обцеловывал бабушку, я незаметно подошёл к столу, на котором стояли вынесенные нами с обеда фрукты. Взял яблоки и запихнул их под футболку. Затем подошёл к Лёшке и продемонстрировал следующую операцию. Вытянул край футболки из-под резинки на шортах – и на пол посыпались те самые яблоки, из которых я состою.

Алексей поглядел на меня с нескрываемым удивлением. Желая дополнить произведённый эффект, я призвал к себе Катю и пообещал, что сейчас вытащу из неё макароны. Но так как их там не было и я просто некоторое время делал магические пассы, Лёшка, кажется, разгадал мою шараду и полез инспектировать маму сам. В какой-то момент он зашёл дальше нужно и захихикал:

– Сиси!

Катя немедленно одёрнула его руку и поправила футболку, а я приказал:

– Так, всё! Игра закончилась. Это была магия, чтобы тебя повеселить. И – хватит пялиться в мультики! Даром, что ли, мама везла фотокниги?

– А, точно! – моментально переключился Лёшка. – Фотокниги! Давай смотреть!

И с новой волной энтузиазма он стал в очередной раз изучать мамины творения. Катя чуть ли не каждый день фотографировала Алексея Михайловича с самого его рождения. И затем кропотливо выбирала лучшие кадры, из которых создавала настоящие коллекции. Готовила индивидуальный дизайн, наполняла разнообразными фишками. Одним словом, получались настоящие шедевры, которые, как марочные вина, с каждым годом становились только лучше.

Вот и в этот раз Лёшку нельзя было за уши оторвать от альбомов. Причём он обязательно находил в них что-то своё, чего не видели мы и не вкладывала такого смысла Катя. Например, малыш водил пальцем от одной фотографии к другой и подмечал:

– Это деревяшки, – он показывал на деревянные кубики, с которыми он любил играть в два года. – А это домовашки (Лёшка на фоне домов у бабушки в деревне), небовашки (на фоне облаков), солновашки (в парке на закате).

Такое и взрослый человек не факт, что подметит. Хотя, с другой стороны, может, в этом и заключается уникальность детского мировидения, что он ещё не знает, на что принято обращать внимание, и делает это на своё усмотрение. И если что-то может показаться смешным или странным, то в большинстве случаев ты ловишь себя на мысли, что сам загнал себя в рамки взрослых границ и стереотипов и сам этого не заметил. Например, Лёшка показал на фотографию и объяснил:

– Тут я с двумя бабушками.

– Это же гениально! – в очередной раз воскликнул я. – Теперь я всегда так буду говорить: с двумя!

Лёшка не понимал пароксизмов моего восхищения и продолжал рассматривать кадры семейной фотохроники. Затем он выставлял альбомы, так что вдвоём они составляли квадратный экран.

– Смотрите, моё лицо показывают по телевизору!

И он становился на колени и изгибал шею, параллельно удерживая фотоальбомы, чтобы его голова попала в объектив воображаемой телекамеры.

– Смотрите, смотрите!

И пока мы любовались Лёшкой, он откладывал фотоальбомы в сторону и говорил:

– Нет, я всё-таки хочу мультики посмотреть!

И моментально переключался с фотокниг на ноутбук. Мы уговаривали смотреть хотя бы не мультики, а видеоролики, где он ещё совсем маленький. И он «залипал» в фильме, который Катя смонтировала на годик Алексея Михайловича, и пересматривал его два-три раза, пока мы не объявляли, что в бассейне открылась водная горка. Тогда он вскакивал и требовал, что мы максимально быстро собирались и немедленно шли за ним.

Так шли дни. Лёшка купался, играл в песке и пересматривал видео с собой-любимым. Вечером снова купался и загорал, потом мы торжественно ужинали, гуляли и долго-долго не могли заснуть. А наутро просыпались ни свет ни заря и шли к морю – заветной мечте и мекке нашей семьи. Я, который так и не научился плавать, брёл к солённому берегу несоизмеримо более сонный и не в пример менее энтузиазный.

Зато «на берегу», когда мы сидели в ресторане или у бассейна и Лёшка с кем-то знакомился и начинал общаться, рождалась настоящая магия мысли и фантазии. Я всегда удивлялся: и как только ему всё это в голову приходит! Например, однажды, я невольно подслушал диалог сына с девочкой постарше. Он ей пояснял, почему он прилетел сюда один – потому что у него нет ни братика, ни сестрички. Да и он сам – в единственном экземпляре:

– Мама меня вырожала, – объяснял он суть, – и больше не хочет меня рожать.

Собеседница взирала на юного философа с явным недоумением, но того это нисколько не смущало. Более того, он изъяснялся цитатами из мультфильмов, причём не осмысленными, а просто набором звуков, который когда-то можно выдать курочка или овечка. К человеческой речи это не имело отношения, но Лёшка настойчиво повторял магические формулы впопад и невпопад.

– Оле Коле Кле! – с ударением на последний слог, на французский манер, выкрикивал он.

– Что это такое, Лёш? – спрашивали мы.

– Это? Ничего, – отвечал тот. – Это просто: Оле Коле Кле!

В другой раз, за обедом, он мог вдруг затянуть песню «Э-эй, ухнем!», и мы смущённо извинялись перед окружающими, когда на нас оборачивались с соседних столов. А потом – буквально сгорали от стыда, потому что Лёшка переиначивал текст песни и во всеуслышанье призывал:

– Э-эй, пукнем! – Мне буквально приходилось затыкать сыну рот. А когда он отмалчивался и принимал вид святого ангелочка, то заранее схватывал мои руки и канонаршил: – Э-эй, какнем!

Когда я становился пунцовым, как рак, маленький хулиган истошно и неостановимо хохотал, так что натурально падал со стула, не в силах

удержаться от приступа неудержимого веселья. А затем он успокаивался и продолжать удивлять нас своими невесть только откуда бравшимися ассоциациями. Например, мимо проходила девушка в рубашке в клетку, и Алексей Михайлович показывал на неё пальцем и хихикал:

– Смотрите, она надела майку в виде шахмат!

Это так его забавляло, что он опять рисковал упасть со стула от смеха. А бабушка удерживала его от насмешек, предостерегая, что так можно и описаться.

– А знаешь, что такое описаться? – ребёнок продолжал сыпать во все стороны трёхлетней житейской мудростью. – Это когда трусы мокрые со всех сторон!

И снова хохотал, отчего наш обед длился битый час.

– Мам, у нас нет конфет? – спрашивал он в конце.

– Нет, Лёш, тут нет конфет. Ты же сам видел, когда мы набирали еду.

Сложная мыслительная операция проходила в голове Алексея Михайловича, судя по наморщенному лбу, после чего он выдавал очередной перл:

– Мам, давай купим денег, а на них – конфет!

– И в кого ты такой умный! – с сарказмом отвечала мама и переводила взгляд на меня. – Ума не приложу.

– «Умане»? – Лёшка переспрашивал новое для себя слово, и мы вновь улыбались, не имея никакой противоумилительной защиты.

После обеда мы вновь шли в номер пережить невыносимую жару. И вновь Алексея Михайловича приходилось буквально оттащить от экрана, чтобы он не залипал в мультиках. Некоторые он видел не просто разы – несколько десятков раз, но всё же продолжал пересматривать, ничуть не теряя в интересе и накале эмоций. Оторвать его от миньонов или робокаров было задачей со звёздочкой.

По-настоящему отвлечь ребёнка от мультиков могли три вещи: раскраски, наклейки и лото. Раскрашивать Лёшка любил всё и вся. Помимо собственно раскрасок, в ход шли обои на кухне, салфетки в кафе, асфальт во дворе, деревья в лесу – буквально всё, что можно было технически раскрасить. Арсенал карандашей дома у Лёшки достигал, пожалуй, полутысячи. На отдыхе мы ограничились тридцатью-сорока базовыми цветами. Новая раскраска, действительно, отвлекла малыша от третьей части «Гадкий я». Но уже получив импульс приключений и движений, он начал резко и сильно вышел за границу раскрашиваемого помидора. Мы безмолвно воззрились на юного художника, и он, по-видимому, старался придумать лучшее оправдание своей неаккуратности.

– Это он лопнул! – пояснил ребёнок и продолжил рисовать, как будто из помидора потёк сок и стал стекать к краю листу – по столику – по деревянной ножке – и, наконец, на кафельной плитке образовалось бледно-красное пятно томатного нутра.

Я наблюдал за Лёшкой с позиции восхищения его творческими изысканиями. Бабушка что-то заметила про хитрость. И только Катя критически заметила:

– Действительно: какая разница – рисовать карандашом по рифлёной бумаге или по скользкому кафелю!

Лёшка остановился и серьёзно уточнил:

– Какая твоя разница?

В таких парадоксальных вопросах проходил день, за ним вечер, и даже перед сном неустанный Алексей Михайлович продолжал сыпать перлами и наблюдениями, от которых у меня ломался шаблон. Утром мы снова просыпались ни свет ни заря и шли к морю. Лёшка продолжал пересказывать волнам свои любимые мультики и зримо покрывался загаром, так что через полдня уже становился заметно темнее.

На обеде он уже сам брал поднос и набирал всё, что попадалось под руку, так что нам приходилось останавливать его.

– Лёша, – осекали мы его, – посмотри, сколько у тебя тарелок на подносе! Ты столько не донесёшь, уронишь.

Малыш аккуратно ставил набранную еду на ближайший свободный столик и освободившимися руками начинал по коленям, как вышедший из себя боксёр.

– Лёш, за что? – вопрошал я, укрываясь от града ударов. Я было думал, что это из-за наших ограничений по количеству еды. Но на деле всё оказывалось совсем иначе.

– Не поднос, а разнос! – кричал Алексей Михайлович, и я понимал, что он так сердится из-за того, что мы якобы неправильно называем этот предмет. С другой стороны, я ловил себя на мысли, что «разнос» даже логичнее. Например, если официантка на одном подносе разносит блюда для нескольких столиков – это же «разнос». А вот если мэру на открытии кинотеатра подносят рюмочку да с огурчиком – это «поднос». Так можно и «принос» придумать, и «относ», и много чего. Вот ведь какая красота: у ребёнка нет границ в мышлении, и он может думать, как угодно. Прямо как тибетские мистики, которые в ходе медитаций стремятся избавиться от любых представлений о мире как о субъективных иллюзиях. Получается, они тренируют возвращение в детство?

Впрочем, думать о таких материях не позволяло время. Постоянно случалось что-то из ряда вон выходящее. Например, Лёшка подбегал ко мне и говорил:

– Папа, я попробовал кофе со вкусом... – он пытался подобрать слово: – как в храме!

Показывал на наш стол, и я с ужасом понимал, что он отпил из бокала вина.

Приходилось всех – и в первую очередь самого себя – увещевать тщательно следить за юным пронырой. А в последний день и вовсе произошло нечто такое, отчего у меня до сих пор мурашки по коже – оттого, насколько всё в жизни может произойти моментально, так что и глазом не успеешь моргнуть.

В тот день, как и всегда перед обедом, Лёшка прыгал в бассейн с водной горки, которую включали дважды по часу. Всё это время мне приходилось стоять в воде рядом с местом спуска, чтобы в случае необходимости быстро убрать Лёшку от следующих прыгуна, среди которых встречались взрослые дядьки, могшие прибить кабана – не то, что ребёнка. И заодно я следил, чтобы с малыша не слетел круг, поэтому из воды я не отлучался ни на секунду.

На этот раз, минут за десять до конца аттракциона, меня пришла сменить Катя. Я воспользовался случаем, чтобы погреться на солнце, так как за час даже в тёплой турецкой воде вполне можно было продрогнуть. Видя, что Катя следит за ребёнком, я отошёл за кофе. Меня не было в худшем случае полминуты. Но когда я вернулся, она вместе с Лёшкой стояла на берегу бассейна с таким видом, что сейчас могла случиться трагедия.

– Что случилось? – подбежал я.

– Я не поняла, – залепетала она, испуганная и трясущаяся, – я просто подала девочке слетевшую бейсболку. Смотрю, а вон тот парень вытаскивает Лёшку из бассейна. Он сказал, что тот упал в воду и выскользнул из круга. Ушёл на дно, но он его сразу поднял.

Я посмотрел на того паренька. Мы с ним почти всегда стояли бок о бок в бассейне: он отводил в сторону своего ребёнка, я – своего. Так мы с ним и стояли – справа и слева от горки – все дни дважды по часу в день.

– И сколько он пробыл под водой?

– Он сказал, что всего пару секунд.

Лёшка, который в полном разбалансе со случившимся казался самым счастливым ребёнком на земле, с озвученной версией был не согласен.

– Я чуть не утонул! – с неподдельным восторгом восклицал он. – Я был под водой целых тридцать минут!

– Вот плетёт! – ответила ему мама. Она по-прежнему ощупывала разные части его тела, как будто он не с горки в воду упал, а с вертолёта – на стройплощадку. – Немножко только воды хлебнул, а так вроде всё в порядке.

Добиться от ребёнка чего-то путного о его самочувствии не было никакой возможности. Он рассказывал, как литрами пил под водой воду и как очень-

очень сильно-пресильно почти умер. На деле Лёшка был в полном порядке, а произошедшее только добавило ему ощущения чудесности жизни.

Я подошёл поблагодарить нашего спасителя. Он рассказал, что в прошлом году точно так же его сын выпал из круга, но успел его заметить и поднять на поверхность. После того случая он купил ему нарукавники, которые не слетят и дадут ребёнку утонуть. Посоветовал то же самое сделать и мне. Мы пожали друг другу руки, и, отойдя, я вдруг понял, что из-за волнения забыл, как зовут Лёшкиного спасителя. Запомнил только, что он из Саранска.

После этого Лёшка только и делал, что рассказывал знакомым и незнакомым, что утонул – а потом всплыл и выжил. Тем интереснее малышу было ведать этот рассказ, что он всеми без исключения воспринимался как нечто ужасное. А однажды Лёшка и вовсе так далеко от нас убежал, не послушавшись наших окриков, что ненадолго потерялся. Каково же было презрение к нам окружающих, когда они услышали, что Лёшка только что чуть не утонул в бассейне, а родителей не было рядом и он бежал в наших поисках вплоть до настоящего момента, когда его нашли незнакомые отдыхающие.

Конечно, для стороннего слушателя такая эпопея – как нож по сердцу. Но надо же учитывать, что со случаем в бассейне прошло уже несколько дней, а потерялся ребёнок по той простой причине, что вырвался и убежал от родителей, не вняв нашим призывам об осторожности. Как бы то ни было, его ужасный отец и ужасная мать обняли его и некоторое время успокаивали.

– Лёш, а знаешь, как ищут пропавших детей в Барселоне? – я пытался отвлечь его от плача. – Кто увидит потерявшегося ребёнка на улице, сажает его себе на плечи и начинает аплодировать. Все вокруг, которые знают об этой традиции, тоже начинают аплодировать, и так эта звуковая волна распространяется, пока не услышат родители малыша. Тогда они бегут к центру звука и ищут глазами своего ребёнка. Очень хорошая придумка. Как было бы здорово, если бы и у нас такое прижилось.

– Пап, – сквозь утихающие всхлипывания спрашивал Лёшка, – а ты почему так медленно бежал, что не догнал меня там, где я потерялся?

На фоне подобных приключений полностью расслабиться, конечно, не получалось. Но в целом любой отдых – это счастье. Ты вместе со своей семьёй, с любимыми, не надо заниматься тем, чем ты не хочешь. Да и говоря глобально: жизнь – это счастье, потому что вне жизни у тебя не будет даже того, что тебя так тяготит: ни войн, ни болезней, ни страданий. Как говорится, умей ценить то, что имеешь.

А какое отдых имеет значение для малыша. Ведь эта радость ребёнка – она и должна быть смыслом для тебя. Он вырастет и будет счастлив – потому что у него хорошие родители, потому что у него яркое насыщенное детство. С

такими мыслями я подошёл к последнему дню нашего отпуска. И немного загрустил.

– Пап, – Лёшка подбадривал меня, – а у тебя завтра выходной?

– Завтра – да. А вот послезавтра надо на работу.

Малыш злился и заступался за меня:

– Я разобью рабочий день молотком на части! – Таким образом он пытался устроить мне дополнительный выходной.

Я отвечал, что на самом деле всё в порядке и что всего хорошего должно быть в меру, как говорил Марк Туллий Цицерон.

– Марк в Туле Цицерон? – переспрашивал Лёшка, и я хохотал от его непосредственности. Но всё же продолжать проводить мысль, что праздник не может продолжаться вечно, что потехе час, но и делу время. И приводил в пример мультик про дракошу Тошу, где день рождения праздновался каждый день, и как от этого всем стало плохо. Лёшка соглашался, и вскоре вовсе забывал о прежнем желании орудовать молотком ради моего отдыха⁷.

После ужина неожиданно дали салют. И Лёшка в восторге глядел, как расплываются по вечернему тёмно-синему небу яркие разноцветные шары.

– Смотри, какие сверки! – восхищённо перекрикивал он залпы фейерверка. И я понял, что так его Лёшка и называет: сверки – потому что сверкают.

Мы гуляли до ночи, пили шампанское, которое я купил ещё перед вылетом, и это был самый счастливый наш день. Мне кажется, он был таковым для каждого из нас. Для Лёшки – потому что он впервые был в Турции. Для мамы – потому что она обожает море. Для бабушки – потому что на её глазах появилась и теперь счастливо живёт наша семья. И для меня – потому что я всех вас люблю, родные мои!

Автобус выезжал из отеля в 3:30 ночи, поэтому мы были сонные, мятые и сразу заснули в салоне. Все, кроме Лёшки. Он изъясился у меня в телефон и начал в него играть. Так мне казалось, пока я в дремоте бросал на него взгляд. Когда же я очнулся на стоянке аэропорта, то увидел, что Алексей Михайлович «нашёл» в «Скайпе» всех нас – «маму», «папу», «бабушку» и «себя». «Мама» оказалась из Петербурга, «папа» – из Брянска, «Лёшка» – из Самары, а «бабушка» – из Анталы.

Хорошо ещё, что ребёнок никому из них не позвонил. Зато всем отправил обильные сообщения, которые начинались «привет, мама!», а продолжались беспорядочным набором символов.

– Лёш, зачем ты писал незнакомым людям? – поинтересовался я и ткнул пальцем в строку со следующим содержанием: «Ъ!;!:"*P#3215+(()№ло089».

⁷ Запятая тут стоит специально, чтобы наглядно разграничить время и эмоции. *Прим. авт.*

– О! – Лёшка начал водить пальцем по знакам и что-то тихо шептать. Когда я попросил называть вслух, он продолжил: три, два, палка такая, пятёрочка, плюсик, хорошая деталь, хорошая, плохая деталь, непонятно что, ой – это не по-английски.

– Ты ещё и по-английски писал? – я не смог удержаться от смеха.

В телефон высветилась строка «абонент набирает сообщение», и ребёнок воскликнул:

– Во, папа писет! – имея в виду: папа пишет.

Но я не стал дожидаться ответа, закрыл телефон, и мы пошли на посадку в самолёт. После регистрации уже Лёшка уснул крепким сном, так что проснулся уже после приземления. Причём стоило больших усилий его растолкать. В итоге он и в машине клевал носом и полдороги назад мирно проспал.

Пока мы ехали домой, я всё время думал о море. В конце концов, в гармоничной смычке ума и сердца, я пришёл к неотъемлемому выводу о необходимости переезда в Крым. И первое, что я сделал, – заказал в интернете надувные детские нарукавники. И это каким-то странным образом сподвигло меня вырваться из замкнутого круга лени и рутины. А то всё это – блуждание в «темноте без фонарём»...

В тот день я решил взять свою жизнь как быка – за рога. Хватит уже этих понедельников! Вечно одно и то же: думаешь начать когда угодно, только не сегодня. И так далее без конца и без подвижек. Решили переехать в Крым – значит, надо это делать. Значит, надо ставить конкретные задачи и решать их. Продавать квартиру здесь и искать там. Сразу находить работу на новом месте. Устраиваться в садик и прочее, и прочее. Если ничего не делать, то ничего и не сделается. Конечно, проще после тяжёлого рабочего дня лежать на диване и тянуть пиво, но это не приблизит тебя к поставленной цели ни на йоту. Или на дюйм – на что там приближает пословица.

И в тот же день я купил в киоске блокнот и вписал в него: прицениться к недвижимости в Крыму, поискать работу, как организовать переезд, что делать с мебелью и многое другое. Всего вышло пунктов пятнадцать, и я дал себе клятву, что в конце концов я зачеркну каждый из этих пунктов.

Больше всего пугала неопределённость. Оправдания шли самые обыкновенные: вот, если бы я был восемнадцатилетний студент – сел на поезд и поехал, а сейчас – ребёнок, жильё, работа, родители. Доводы, что многодетные семьи переплывают океан с чемоданом сменного белья, действовали слабо. Вечно находился в мозгу жучок, который всё время находил новый контрдовод. Я назвал его «мозжучок» и пообещал себе прихлопывать каждого из этих вредителей.

Заручаться Катиной поддержкой я не стал специально. Если девушка один раз чётко и твёрдо озвучила позицию, то нет смысла спрашивать её вновь. Вы же не переспрашиваете в ресторане: «Дорогая, ты точно будешь карпаччо?» – просто выставите себя дураком перед официантом и мужланом перед всеми остальными. Раз уж она однажды высказалась, что Крым – мечта всей её жизни, то уточнять это – просто подставлять себя под удар. Поэтому я в разговоре впроброс упомянул, что начал прицениваться к домам на полуострове и что в Судаке очень дорого, а Коктебель, судя по ценам, вообще какой-то посёлок городского типа.

Удивительно, но мой слабый импульс превратился в Катиной голове и воле в полную решимость и самую скрупулёзную дотошность. В течение недели она пересмотрела десятки видео и узнала досконально всё про каждый крымский город и большинство населённых пунктов. С поразительной для её возвышенной натуры деловитостью она изучила все ценовые сегменты и обрисовала примерный образец искомого дома – от типа фундамента и системы отопления до близости до моря и стоимости владения в год. Такая серьёзность меня поразила. И ещё больше вдохновила на свершение главного – после рождения Лёшки, конечно, – плана всей нашей жизни.

Лучший вариант выкристаллизовался быстро – дом в Судаке на берегу моря. Цены откровенно кусались. За пять миллионов худо-бедно можно было найти пристойный дом. По-настоящему достойные дома – а зачем выбирать другие, если можно остановиться на лучшем в одной-единственной жизни – начинались от десяти. Наша квартира при этом стоила три с половиной...

С учётом кое-каких сбережений я подсчитал: если тратить деньги только на еду, на самый доступный дом мы накопим за год, на отличный – за шесть. После перебора различных подходов остановились на рабочей схеме: зарабатываем, сколько сможем, и стартуем – сжигая все мосты. Возьмём кредит, займём у друзей, что-нибудь третье, что-нибудь – четвертое.

В конце концов, не стоит забывать про гонорар за книгу. Когда я её закончу, наверняка за неё предложат немалые деньги. На целый дом не хватит, но на два-три миллиона я ведь могу рассчитывать? Сколько модные писатели получают? Ну, как бы понятно, что они раскрученные и востребованные. Но ведь и платят им не алтушку с полушкой. А я чем хуже? Страшно подумать: я уже четыре года с этой книгой мучаюсь! В смысле – нет, конечно, это дар, и призвание, и полёт. Но это как ребёнка воспитывать: восторг попеременно с потом, радость – с бессонницей.

Новые надежды вдохновляли нас обоих с Катей. Она постоянно искала новые варианты и читала про Крым. Я ходил на работу уже не с такой кислой рожей. Честно признаться, работа в журнале – статусная и успешная – довольно

сильно мне надоела к тому времени. Больше всего меня донимало управление: нужно было постоянно за всеми следить, проверять, обсуждать ошибки, исправлять их и делать так, чтобы они не повторились. Первоначальное парение в облаках сменилось рутинным пилотированием. На семью – да что там: на семью, – ни на что не оставалось времени. Я был постоянно занят, и меня всё больше тяготило ощущение: я сижу на месте, света белого не вижу. И я всё чаще ловил себя на мысли: меня держит здесь только хорошая зарплата, и я готов переехать на новое место на любую работу, лишь бы жить счастливо со своей семьёй.

По старой памяти, вспомнив, как быстрее всего менять точку сборки для поворота течения жизни, я связался с Пашей Картавых.

Глава 54

Если бы лошади были плотоядными

Паша сказал, что я должен освободить полностью один день, а следующий – хотя бы до обеда, чтобы прийти в себя. Сделать это было несложно. На работе я предупредил, что всю пятницу меня не будет. Никто, конечно, не расстроился. Уверен, они там будут ходить на голове. Дома я попросил Катю не будить меня в субботу хотя бы до десяти утра. И ничего не планировать – ни поездок, ни фотосессий, ничего такого.

В день икс мы встретились с Пашей у торгового центра, насладились кофе под любвеобильными лучами весеннего солнца.

– Ну что? – поинтересовался я. – Начнём?

– Давай! – кивнул он. – Ты ещё ни разу не пробовал?

– Неа. Будешь моим сторожем.

Паша не понял.

– Сторожем?

– Ну да. Люди, которые присматривают за теми, кто принял LSD. Так их в шестидесятые называли. У Гребенщикова есть строка – «то ли ангелы поют, то ли мои сторожа». Там про трип Джона Лилли из книги «Центр циклона». По-английски их ситтерами называют. Те, кто сидит, – нянька. Во, точно: будешь моей Ариной Родионовной!

Паша молча слушал меня. Затем пристально поглядел на меня.

– Да, тебе должно зайти. У тебя в голове столько знаний, которые только забивают твоё сознание! Чтобы почиститься – самое оно будет. Ты только слишком не включай голову, а то у тебя ещё психическое заболевание разовьётся.

Мы подошли к деревцу в глухом углу скверика. Арина Родионовна достал из внутреннего кармана связку ключей, хитрым образом нажал на один из двух

зелёных брелоков от подъезда – и внутри показался пакетик с белым порошком. Я похвалил Пашу за изобретательность.

– Ключи – это первое, что шмонают. И на них вообще никто не обращает внимания. Зато ботинки могут до винтика разобрать. Короче, смотри. Внюхиваешь, втираешь в слизистую, смотришься в зеркало – и идём гулять. Больше ничего. Просто получаешь удовольствие от жизни – от солнца, ветра, деревьев, девушек, красок, звуков, мыслей, идей, голубей...

– ...Я понял. – Перебил его я. И сделал всё так, как было показано. – Странные ощущения. Как будто сахарную пудру нечаянно вдохнул.

– Главное – не чихай! Сдерживай себя!

– Да всё хорошо. Кажется, что мир какой-то плюшевый стал.

– Не накручивай себя. Это так не действует. И так быстро не работает. Просто расслабься и получай удовольствие! Изи, мэн! Пойдём в торговый центр.

Паша подхватил меня за рукав и повёл вперёд, как будто я был инопланетянином, впервые попавшим на Землю. С каждым шагом окружающее становилось мне всё более и более интересным. Я вглядывался в листья, и мне казалось, они что-то мне шепчут по ветру. Впрочем, это был совсем не ветер. Окружающий мир предстал передо мной как дно океана, а воздух – оставаясь таким же бесплотным – стал ощущаться как вода, которую легко-прелегко рассекать. Того и гляди – вспорхнёшь выше и поплывёшь по-над потоком машин, фонарями и зданиями.

Между тем, мы уже вошли внутрь «Гостиного двора». Мне ещё вспомнился гоголевский нос, которого по соображению цензуры переместили из собора в торговые ряды – что-то он там против церкви говорил. Только вдову редакторы забыли убрать – так она и ставила свечку перед бутиком женского белья.

– Пойдём! – громким шёпотом приказал мне Паша, и я обнаружил себя плящимся на трусики на манекене.

Окружающее стало как будто слаще. Я огляделся – краски набухли, поживели, поярчали. А восприятие стало точным, как швейцарские часы. Я с удивительной глубиной распознавал всё происходящее вокруг – все мотивы, подтексты, намёки. Парень дарил девушки цветы, она улыбалась, вдыхала их аромат, а он всё ждал, когда она поднимет глаза, чтобы поцеловать её в щёчку. А она вдруг посмотрела на него быстро-быстро и взяла за кисть, чтобы пойти дальше. А он растерянно улыбался, сожалея, что упустил поцелуй. И они прошли мимо: она – счастливо улыбаясь, а он – улыбаясь, тоже счастливо, но как будто ты взял в супермаркете новую блестящую тележку для продуктов, а на первом повороте у неё заклинило колесо.

Мы двигались к эскалатору, и охранник зачем-то наклонился. И мне представилось, что он никакой не охранник, а жираф, у которого вместо шеи – бесконечный ряд двигающихся по кругу ступенек. А затем он встал, и голова его закрыла собой лифт на заднем плане. Тогда он представился мне кентавром или, лучше сказать, фавном, у которого вместо лица – лифт. Впрочем, ничто из этих трансформаций не представлялось мне тогда странным. Напротив, как будто я в родной квартире неожиданно нашёл за ковром на стене в дверь в другую комнату, которая всегда была моей.

Мы поднимались на эскалаторе, и люди, которых иногда было видно только по частям, представлялись вырезающимися на огромном невидимом 3D-принтере. Скорость его была феноменальной, и создание человека полностью совпадало с его появлением из-за столба или парапета.

Мы зашли в пиццерию и заказали перекусить.

– Мне с грибой и ветчинами, – кассирша покосилась на меня, но видя, что я не заметил оговорки, пробила позицию. И все следующие, которые я называл.

Я по-прежнему с интересом глядел по сторонам и в этом смысле был рассеян. Но когда девушка назвала сумму, я вдруг переключился на неё, хотел было что-то возразить и даже дёрнул Пашу за рукав, как ребёнок маму, но вовремя остановился.

– Что такое? – спросил он.

– Н-нет-нет, ничего! – я достал кошелёк и отсчитал купюры.

Но когда мы сели за столик, я всё ему рассказал.

– Она нас обманула! Обсчитала! Вот смотри, – я забрал у него чек. – Ты заказал кусок пиццы «Цезарь» на сливочном соусе, он стоит 85 рублей. Теперь смотри сюда: она пробила его как кусок мясного ассорти, это 110, а ещё пробила сливочный соус “Heinz”, который не выдала, это ещё 30. Получается, только на этом она заработала 55 рублей: всего взяла с тебя 140, а в кассу положит 85. Ещё она нагрела тебя на чае и десерте. Примерно то же самое со мной. В итоге – по факту мы заказали на 455 рублей, а заплатили 670!

Я довольно покачал головой.

– Так почему ты сразу не сказал об этом? – удивился Паша, сверяя всё с чеком и находя безусловные подтверждения моим словами.

– Потому что мы сейчас снимем её на скрытую камеру и расскажем про это людям. – Я развёл руками, как Роберт Дауни-младший в известном меме. – Смотри сюда. Нам понадобится не больше пяти минут.

Я сел поудобнее, поставил телефон за бумажный стакан с кофе, так что камера смотрела прямёхонько на кассиршу. Включил видеозапись и начал комментировать, приближая зум и моментально считая в уме, на сколько

человек заказал и сколько ему выставили. Паша взирал на меня со смесью восхищения и недопонимания – я не мог тогда понять.

За десять минут видеосъёмки я подсчитал, что с восьми покупателей девушка положила себя в карман почти полторы тысячи рублей. То есть шесть тысяч в час, или двадцать тысяч в день, с учётом наплыва посетителей.

– Как она может двадцать тысяч в день зарабатывать? – удивлялся Паша. – Я столько за свадьбу зарабатываю! А тут – обычная кассирша.

– Да ты не понимаешь, Паша! – я бравировал своим открытием. – Это она не своим порядком всё это проделывает. За ней наверняка начальство стоит, которое ей прямо приказывает: закажут вот это – пробей вот то. Если бы её на этом за руку поймали – её бы на все деньги мира раскрутили! Представь: у неё официальная зарплата двадцать, а она столько за смену зарабатывает. Это прям тема для журналистского расследования.

– И ты что, напишешь об этом?

– Нет, – ответил я и заметно расстроился. – Это для газетной журналистики. А ещё лучше – для телеканала. Там такое на ура пойдёт. Представь анонс: я взял в руку пластиковую вилку, как микрофон, и завещал: «Пицца на 40 миллионов. Примерно на такую сумму в год обкрадывали клиентов одной из городских пиццерий. По указанию руководства кассирши накидывали в чек соусы и добавки, которые на самом деле не выдавались, а дешёвые блюда пробивали как более дорогие. Прокуратурой возбуждено уголовное дело по статье такой-то, организация закрыта на 60 дней до выяснения всех обстоятельств».

– Так иди с этим на канал.

– У меня журнал...

– Да если он достал тебя – брось его! И найди то, что доставляет удовольствие! Именно для этого и нужен отпуск и... вот это вот, что мы, так сказать, приняли. Надо учиться недочитывать плохую книгу и недоживать плохую жизнь. Давай, на какой канал ты хочешь?

Он достал телефон и открыл поиск. Я назвал наобум канал, который смотрел в последний раз лет пять или семь назад. Паша что-то набрал и куда-то кликнул, пролистал экран.

– Вот, вакансия – корреспондент телевидения. Какое-то тестовое задание. Можно сейчас заполнить и отправить им. Всё, Миш! Всё же – на расстоянии вытянутой руки! Бери и срывай яблоки, и груши, и вишни. Всё в жизни открыто и доступно – нужно только протянуть руку, сделать шаг, приложить усилие! Мишань, если ты закис в чём-то – двигайся дальше, вот же всё здесь, в наличии и в ассортименте!

Стихийный Пашин спич меня вдохновил. Я согласился выполнить тестовую работу, и за какую-нибудь четверть часа отправил задание на проверку. В ответ Паше на телефон через полчаса пришёл ответ: «Сможете прийти сегодня на собеседование в 15:00?».

– Вот видишь! – он хлопнул меня по плечу. – Всё возможно, Миш! Достаточно просто прийти и пройти это собеседование! Я уверен: тебя там с руками оторвут! Что-то, а языком ты чесать умеешь. Конечно, не так хорошо, как я, но всё же...

Он хихикнул. А я задумался: а почему бы и нет? Мы доели наш обед и выдвинулись в сторону канала.

– А меня не запалят? – поинтересовался вдруг я.

– Тебя? Да не должны. Вроде ты адекватно себя ведёшь. Меня-то точно нет, ведь я трезвее всех святых!

– А ты что, тоже пойдёшь на собеседование? – удивился я.

– Ну конечно! Сегодня же день веселья! Видишь, у меня в голове нет никаких границ. А ты думаешь, как бюрократ: раз он ничего не смыслит в журналистике – значит, ему нет смысла идти на собеседование. А вот как раз и есть. И я больше скажу: только в этом и есть смысл, чтобы идти туда, где ты ничего не понимаешь!

Я угукнул.

– Гм, «Сковорода», – прочёл Паша название ресторана, мимо которого мы сейчас проходили. И добавил: – Ещё бы «Кастрюля» назвали.

– Так это не посуда! – возразил я. – Был такой украинский философ – Григорий Саввич Сковорода. В его честь и назвали заведение – это же украинский ресторан.

– Это ты только что придумал? Смешно!

Я попытался было обосновать сказанное, но Паша предупредительно замахал руками:

– Не хочу ничего слышать! Вообще не хочу знать, правда это или ты выдумал. Даже в википедию не буду залазить. Вот умру, тогда на том свете спрошу: а вот Сковорода – был такой украинский философ или не был? Вот хохма будет. Там все загробчане будут в восторге от этой истории: парень не захотел в течение жизни узнать правду, а только после смерти. Вот это будет круто! Слушай, давай на лайне доедем!

Меня несколько не удивило, как быстро Паша переключился с одного предмета на другой. Мне, наоборот, хотелось прогуляться, пройтись пешком, пробежаться. Договорились на том, что половину оставшегося пути пройдем пешком, а вторую – проедем.

Через десять минут мы вышли к остановке, сели в первый попавшийся микроавтобус. В нём было так тесно, что мы еле уместились на входной площадке. Не знаю, что на меня нашло, но я стал довольно громко говорить, делая вид, что у меня звонок.

– Нет-нет, всё в порядке, просто я сейчас в лайн зашёл, – проговорил я.

В то время уже привыкли к беспроводным средствам связи, но у меня не было ни соответствующих наушников, ни телефона в руках. Я просто говорил вслух, поэтому и некоторые пассажиры, и Паша глядели на меня довольно странно. Я разыграл карту «экзамен»:

– Третий вариант – хомо хомини люпус эст, да, латинская пословица. Ага, заполняй. Основатель гностицизма? Ну, либо Симон Маг, либо Валентин, смотря какой период имеется в виду. Есть Валентин? ну значит он! У кого описан? У Иринея Лионского, конечно.

Паша взирал на меня, как дикая птица на автомобиль, но молчал. Вдруг одна женщина решила наконец осмотреть, по чему я так разговариваю. И, не найдя ровным счётом никаких устройств, в изумлении, присыпанном лёгким шоком, отвела взгляд. Я же напротив – уставился на неё и признался:

– Сам жду, когда меня отпустит! Вот представляете – понимаю, что чушь несу, что дурака валяю, – хлопнул себя по коленке, – а сделать ничего не могу.

И дальше уже обратился ко всему салону и ни к кому лично:

– Вот, наркоманы проклятые, взять бы нас всех и выслать на Канары!

Кое-где раздался смешок. Видимо, всё было воспринято как шутка, розыгрыш. Хотя пенсионер с лысиной в виде подковы поглядел на меня щурясь и, не шевеля губами, промолвил мысленно: «Ты червь, давимый по углам!». Я почему-то вспомнил о «токистах», описанных у Виктора Хрисанфовича Кандинского. Описанные им пациенты считали, что другие люди внушают им мысли посредством некоего «тока» идей, которые перетекают из мозга в мозг.

Медленно, но верно мы двигались в сторону нужного района. Седой, как лунь, водитель, заставший, видимо, ещё бессветофорные города, гнал, не слишком вникая в правила и дорожную обстановку. И постоянно пропускал остановку. Ему, например, говорили: «Ресторан “Отдых”». Через полминуты он спрашивал: «Ресторан “Отдых” – выходим?». Один или два голоса громко отвечали: «Да!». И водитель благополучно проезжал мимо, останавливаясь только тогда, когда его уже начинали теребить за плечи и кричать на ухо.

Поэтому за остановку до нашей я решил попросить его остановиться так, чтобы он не мог сделать вид, что не слышал. Получилась небольшая сценка:

– На 9-го Мая выходим? – завопил я, изображая водителя, и сам ему ответил:

– Да, выходим!

– Что?

– Говорю: на 9-го Мая – да, выходим!

– Что вы там шепчете: выходите или нет?

Пассажиры, которые вначале хихикали, стали хохотать. Я же продолжил единоличный диалог:

– Да говорю же: мы вы-хо-дим! На де-вя-та-ва ма-йа!

– На пединституте? – я изобразил полную глухоту водителя.

– Да на остановке просто остановите! – закричал я во всё горло, так как мы в действительности могли проехать мимо.

Старик обернулся вполоборота и уточнил:

– 9-го Мая выходим?

Тут салон, конечно, взорвался от смеха, так как никто просто не мог предположить, что старик действительно не слышал всей моей клоунады.

– Господа, давайте на три-четыре скажем «да». Три-четыре!

И весь салон прогремел – юными и старыми, мужскими и женскими, студенческими и рабочими голосами:

– ДА-А!

Водитель вздрогнул и принял вправо:

– Вот так всегда: молчат до последнего, а ты потом вклинивайся!

Мы подъехали к остановке, двери открылись, и я поклонился публике:

– Отличного всем дня и до встречи на экранах телевизоров!

С этой фразой я вышел из автобуса, и мы с Пашей, хихикая, пошли в сторону телецентра. Я предложил Паше тоже пройти собеседование.

– Конечно! – даже удивился он. – Я же тебе об этом и говорил, ты забыл, что ли? В этом весь сок! Прийти с тобой на телевидение и не попробоваться? Да это же абсурд.

Мы уже подходили к телецентру, как вдруг Паша обратился к девушке, которая только что вместе с парнем перешла дорогу.

– А когда он пропускал вас вперёд на переходе, – он указал на молодого человека, – то посмотрел на вашу попу!

Девушка заметно смутилась, даже растерялась. А кавалер зарделся гневом праведным, однако не успел ничего вербализовать, потому что мы с Пашей стремительно прошли мимо и взбежали по ступеням ко входу в телестудию.

На ресепшене, правда, у него спросили, кто он такой. Без тестового задания туда не пускали, но он как-то умудрился убедить девушку пустить его на пятнадцатый этаж, где работала главный редактор и трудился гендиректор. Паша меня по-отечески подтолкнул вперёд:

– Иди первый, а то я их так развеселю, что на моём фоне ты будешь выглядеть как уборщик после выступления Бебуришвили.

– Кого?

– Мда. И ты ещё собираешься на телек. Иди давай!

Желая как-то выправить собственное реноме, я отшутился:

– Ну не слышал я ни о каком уборщике!

Паша усмехнулся, а я вошёл в кабинет директора телеканала. Это был мужчина лет сорока, в костюме с заплатками на локтях. Рядом с ним сидела главный редактор – эффектная блондинка лет двадцати пяти. Если бы я встретил её на улице, то подумал бы, что она фитнес-тренер. Она жестом показала мне кресло, куда пригласила меня сесть.

– Рассказывай!

Гм, подумал я про себя. И так как мне не предложили тему, то я решил повеселиться и получить удовольствие от выходного дня.

– Я столько не съем, – начал я серьёзно, перевёл взгляд с директора на девушку и закончил: – сказала самка богомола, когда ей предложили секс втроём.

Редактор видимо удивилась, а директор – тот вовсе расхохотался:

– Вот это фокус! Так у нас ещё никто не начинал. Да, Елена Сергеевна?

– Да, – признала та. И обратилась ко мне: – Продолжайте!

Гм, снова подумал я. Куда они ведут? А вслух произнёс:

– Жители Нижнего Новгорода считают, что брейкданс, – пауза, – бывает нижним и великим.

Директор снова захохотал, но редактор насупилась.

– Вы в курсе, что у нас новостной отдел. Может быть, какие-нибудь новости осветите?

– Хм, тити, – повторил я окончание предыдущего слова, и девушка почернела от злости.

Гм, подумал я, не к добру это. Надо что-то из новостей.

– Слышали новость – Бузова развелась? – А она что, развивалась?

Директор опять захохотал – смех у него был детский, задорный. А вот девушка вспылила:

– Вы думаете, нам тут заняться нечем, кроме как ваши анекдоты бородатые выслушивать?

– Почему бородатые? – даже обиделся я. – Она всего неделю назад развелась.

– Она развелась два месяца назад. По меркам новостного отдела телевидения – это целая эра. Это первое. Разминка, одна восьмая высшей лиги КВН, команда СТЭПиКО. Авторы шутки. Это второе.

Гм, подумал я, ого! А вслух сказал:

– А десерт?

Львица нахмурилась, видимо, не поняв связи. Тогда директор пояснил ей:

– Первое – второе – десерт! А-ха-хах! Он мне нравится!

– Спасибо, Вячеслав Сергеевич. А на десерт, мой дорогой мальчик, давайте я вам такое блюдо дам.

Она взяла со стола пульт и окончательно выключила звук на настенном телевизоре. До этого фоном доносились обрывки звуков.

– Сейчас я включу сюжет, который вышел в часовом выпуске. Вы его один раз посмотрите, без звука. А на второй раз – озвучите. Как вам такое крем-брюле?

– Давайте! – легко согласился я. Действительно: чего терять-то?

Елена Сергеевна промотала картинку и поставила её на паузу. Взглянула на меня и нажала просмотр. На экране появился местный экзотариум, по которому бегала пара дикобразов. Их показали с десятка ракурсов, потом работница их покормила, затем они опять побегали друг за другом, а потом та же женщина что-то рассказала.

Я ничего не понял, но редактор перемотала сюжет в начало и дала отмашку озвучивать. Меня понесло:

– Пока в зоопарке выходной от посетителей, дикобразов выпустили на прогулку из вольеров. За день животные успели привыкнуть к невиданной свободе и теперь вольготно бегают по залам. Кроме того, пока вокруг нет любопытных человеческих глаз, самец стал ухаживать за самкой – приносить ей еду, тереться о носик и оказывать другие знаки внимания. За романтическими отношениями иглобрюхой пары через объектив камеры подсмотрела наша съёмочная бригада.

В этот момент как раз на экране появилась женщина, которая стала кормить животных и что-то приговаривать. Я озвучил свою версию её слов, с некоторой долей нахальства:

– Эй ты, самец! Как тебя – Сид! Иди поешь бананов, в них быстрые углеводы, покушаешь – и с новыми силами начнёшь ухаживать за этой противной носовздирающей дикобразихой!

Директор захихикал в ладошку, Елена Сергеевна недовольно цыкнула на него. Я же продолжил:

– Такие романтические променады дикобразам устраивают каждый понедельник, когда экзотариум закрыт для посетителей. Может быть, именно дух свободы и отсутствие чужих глаз помогли Сиду – так зовут самца – перейти к настойчивым ухаживаниям. Впрочем, Нэнси на знаки внимания, как благовоспитанная самка, почти не обращает внимания.

Вновь на экране появилась та же сотрудница экзотариума: видно, съёмочной бригаде было вообще нечего снимать. Я же вновь сымпровизировал, что же она могла сообщить на камеру:

– Она у нас девочка с характером, и в этой паре доминирующую позицию занимает Нэнси. При каждом удобном случае она старается обожрать партнёра – то отбирает у него еду, то вовсе не допускает к обеду. Он же, как настоящий джентльмен, не даёт ей отпор – он таким образом ухаживает за ней, воспитанный у нас дикобраз.

И этот сюжет я завершил выдуманной на обум Лазаря информацией:

– Дикобраз Сид появился в экзотариуме два года назад, когда его изъяли из лап контрабандистов, которые перевозили его из Афганистана в Нидерланды в мешке с семенами тюльпанов.

Вячеслав Сергеевич вновь прыснул в кулак от смеха. Как ни странно, Елена Сергеевна не осекла его и даже улыбнулась сама.

– Его ровесницу Нэнси купили у краснодарского зоопарка три месяца назад. Всё это время сотрудники экзотариума ждут от парочки потомства, даже придумали прозвище для будущего малыша – Бутырка, если родится девочка, и Лефорт для мальчика. Чтобы все знали: история Сида и Нэнси ничем хорошим не заканчивается. Михаил Кожаев, Сосипатр Подмиглов, специально для Террариум-ТВ.

Директор расхохотался в голос, особенно на фразе про Сида и Нэнси. Редактор тоже повеселела, особенно при упоминании «Террариум-ТВ».

– Скажите честно, вы забыли название нашего телеканала?

– Да, – честно признался я и не стал ничего пояснять.

– Нет, он мне решительно нравится! – обратился директор к Елене Сергеевне. – С ходу выдумал Сосипатра – да ведь имя какое диковинное!

– Почему выдумал? – возразил я. – Это ученик апостола Павла. В послании к римлянам он упоминается вместе с Эрастом, Куартом и Тертием. Именины – одиннадцатого мая.

– Серьёзно? А откуда про всё это знаешь?

– Теолог-преподаватель по первому образованию, – честно признался я.

– И что – даты празднования всех святых знаешь? Когда у меня именины?

– Всё зависит от того, в честь какого именно святого вы названы. Вячеславов в истории Русской Церкви не было, только среди новомучеников. Например, иерей Вячеслав Инфантов, священномученик, 14-го января. Но я думаю, вас крестили в честь святого благоверного князя Вячеслава Чешского, он же Вацлав. Тогда у вас именины 11-го октября.

– Гениально! – восхитился Вячеслав Сергеевич. – Елена Сергеевна, берём! Буду каждый день его спрашивать, у кого сегодня именины! Удобно. Да и язык нормально проворачивается. Что думаешь?

Елена Сергеевна, видимо, сильно не хотела ронять авторитет родного канала и возразила, что в принципе я представляю собой годное тесто, но взять меня на работу она сможет только через месяц, когда они решат проблему с какой-то Серпокрыловой.

– Серпокрылова, – невольно прыснул я. – А вы удивлялись Подмиглазову. Вы, должно быть, привыкли к этой фамилии, а для меня она сейчас очень в диковинку и в новинку.

Вячеслав Сергеевич кивнул, а редактор вновь прострелила меня грозным взглядом:

– Прекратите выражаться, как Гоголь, вы не он.

– Неон? Свечусь, что ли? – парировал я. К моему несчастью, Елена Сергеевна шутки не поняла. И ещё больше смутилась, когда директор загоготал и доверительно сказал ей:

– Лен, берём!

Она залилась краской и чуть ли не прогнала меня с моралью, что мне перезвонят и скажут, когда можно выходить. Но не раньше, чем через месяц-полтора. Её испепеляющий взгляд – я действительно его испугался – врезался мне в память. Я пожал плечами, вежливо попрощался и вышел. Ответил на Пашин вопрос, что всё прошло нормально, и мы двинулись дальше – гулять и веселиться без тормозов, в полный рост. Собеседование Паши отменилось, когда он узнал, сколько платят корреспондентам. Сколько именно, я, честно сказать, прослушал.

На углу, у аптеки, я вдруг вжался в стену: наперерез нам неспешно ехала конная полиция.

– Что с тобой? – удивился Паша. – Да по тебе уже давно не скажешь, что ты употребил.

– Да нет, нет! – я и сам поразился произошедшему. – Просто я на секунду забыл, что лошади травоядные, и до смерти перепугался, что одна из них увидит меня и откусит мне голову.

Паша сказал, что я сам по себе упоротый, по жизни. Я не нашёл, что ответить, и пропел отрывок из песни: «Вальсамон, растолкуй меня». Был такой церковный писатель, который толковал канонические правила. Честно говоря, эту песню я написал когда-то давным-давно сам, когда от неразделённой любви не знал, что со мной происходит, и заочно просил Вальсамона растолковать мои поступки. Но Паша подумал, что я процитировал Гребенщикова, а я не

стал его переубеждать. Я всё думал про себя, до каких чёртиков было бы страшно жить, если бы лошади действительно были плотоядными.

Глава 55

Все секреты обязательно раскроются

Я старался выскользнуть из офиса максимально незаметно. Да и о цели отъезда сообщил комкано, как будто стеснялся того, зачем вдруг еду в рабочий полдень под покровом тайны. Но при дверях меня поймал дизайнер и лукаво улыбнулся.

– Так куда ты поедешь?

– Ладно, Артём, я не буду от тебя скрывать, но попрошу больше никому не рассказывать.

– Окей! – тот сделал движение рукой, как будто сшивает губы ниткой.

– Я еду за «Волгой»?

– За чем? – не понял Артём.

– За машиной «Волгой». ГАЗ тридцать один ноль два.

– О как? А чего так? Это вроде старые машины, таких сейчас не выпускают.

– Не выпускают, да. Но у меня на новую и денег нет. В смысле и на не новую тоже денег нет. Я откладывал-откладывал и накопил на десятилетнюю «Калину». Вот такая проза жизни, когда у тебя ребёнок и когда вы переехали в квартиру побольше. Так что я решил пойти во все тяжкие и купить чёрную «Волгу». Затем ещё вложусь в неё – и будет бомба просто. Турбину установлю, кожаный салон поставлю – мне все завидовать будут.

– А Катя в курсе?

– Не в курсе, – отрезал я. – Никто не в курсе, кроме моей горящей со стыда совести. Так что прошу – никому!

Я собрался с духом и вышел. Путь лежал на окраину. По голосу по телефону мужчина показался мне пожилым. На деле это оказался сухопарый старичок, годам к семидесяти. Он с такой любовью показал мне двигатель и свечи, подлез под низ и ткнул пальцем, что подвеска вся прошприцована, заверил, что масло в коробке менялось каждые пятьдесят тысяч, – что я сразу же проникся уважением и к этому мужчине, и к его (пока) машине, и к ушедшей эпохе.

– Владимир Алексеевич, – я остановил его за руку, когда он бросился было вскрывать пол под сиденьями, чтобы показать, что днище полностью обработано от коррозии. – Я вижу, что эта машина – в отличных руках. Вижу, как вы за ней ухаживаете. Мне даже несколько неловко, что я у вас хочу купить эту «Волгу». Но если вы готовы мне её продать, то я не буду торговаться. Если

вы готовы отдать её в мои руки – вот у меня в кошельке деньги, я прямо сейчас подпишу договор купли-продажи.

Старичок посмотрел на меня, потом на машину, улыбнулся с грустью и ответил:

– У меня уже нет сил ею заниматься, иначе я бы её ни за что не продал. Она у меня больше тридцати лет. А до этого была двадцать четвёртая, с круглыми фарами. Так что у меня на «Волгах» вся жизнь прошла, можно сказать. Как права получил. А ты почему её берёшь?

И он с какой-то искренней хитринкой заглянул мне в глаза.

– Честно сказать, я не накопил ещё на иномарку. Всегда мечтал о «Мерседесе». Но такого же года, как эта, они стоят по полмиллиона и больше. А «Ладу» брать не хочу. Хочется чего-то эксклюзивного, самобытного. Чтобы можно было сесть и поехать на море быстро, но неторопливо, как бы вне основного потока. У моего отца была «Волга». Тридцать один десять. Я на ней первое время ездил, когда права получил. Потом появилась «тринадцатая», за ней «Нексия», потом «Гранта». И в итоге я её продал, когда мы с женой и ребёнком в квартиру побольше переехали. Так что накопил только на «Волгу», уж не обижайтесь на прямоту.

Старичок сделал несколько шагов от меня и взглянул на капот, как будто мысленно прощался с машиной.

– Да я вижу, что ты парень толковый. До тебя то шпана непонятная приезжала, то такие же старпёры, как я. Но не было в них, как сказать, уважения, что ли?

– Почтительности? – подсказал я.

– Во, точно! Почтительности! Видишь, значит, не ошибся я в тебе, ты мне как-то сразу понравился.

Он достал все документы, и мы составили и подписали договор. Владимир Алексеевич даже отказался поначалу пересчитывать деньги, но я настоял на этом. Настало время прощаться, но старичок как-то медлил, словно не хотел отпускать своё прошлое. Заметив это, я предложил:

– Не прокатите меня напоследок?

Он счастливо улыбнулся и взял ключи, которые я ему протянул.

– По окружной махнём? – спросил он. Я улыбнулся и кивнул.

Владимир Алексеевич сел за руль и осторожно тронулся с места. Во всех его движениях чувствовалась аккуратность и любовь к машине, как если бы это был верный вороной скакун. Старичок, видимо, хотел показать, как бодро мощный двигатель тянет тяжёлую машину. Но всё равно это был заботливый разгон с деликатными переключениями передач. Когда мы выехали на трассу, мужчина разогнался до ста десяти. И пусть вокруг некоторые неслись под сто

сорок, было видно, как Владимир Алексеевич горд, как быстро и при этом комфортно может ехать его – точнее, уже моя – любимая «Волга».

Через двадцать минут мы вернулись обратно, и водитель в последний раз прикоснулся к новенькой – как будто не было больше десяти лет – краске. Мы крепко пожали друг другу руки. Я решил, что будет уместно обняться, и Владимир Алексеевич уткнулся мне в плечо и всплакнул. Впрочем, он быстро отошёл. Но меня не покидало ощущение, что вместе с «Волгой» он прощается не только с прошедшей эпохой – он прощается и со всей своей жизнью. Нет, он, конечно, будет выходить во двор, играть в домино с другими пенсионерами, но отныне все его отпущенные Богом годы станут временем увядания. И, осознав это, я тоже всплакнул – уже один, когда ехал в ГАИ ставить машину на учёт.

Но затем постепенно моё настроение из минора перетекло в радужную феерию. Давно мне не было так легко и радостно на душе. Я не мог дождаться момента, когда приеду домой и похвалюсь Кате своим приобретением. Поначалу я боялся ей рассказывать о мыслях купить машину. Но теперь страх ушёл, и я парил по проспектам с ощущением неизбежной гармонии. Я знал, что у Кати было много планов на мебель нам домой, но тогда я почему-то твёрдо веровал, что она не станет ругать меня за стихийную покупку и будет радоваться вместе со мной.

С этими мыслями я заехал в магазин, купил Катюшке клубники и её любимый торт «Ночной Париж» и полетел к дому. С гостинцами наперевес я подбежал к подъезду и нажал номер квартиры на домофоне. Спустя четыре гудка я понял, что Катя перевела звонок в тихий режим, потому что, наверное, они с Лёшкой отдыхают. Тогда я достал брелок и вприпрыжку вбежал наверх. Тихонько открыл дверь ключом и вошёл внутрь, стараясь ничем не шуршать и не шуметь. В коридоре моё настроение рухнуло.

Платяной шкаф был открыт настежь, внутри висели только мои вещи, все остальные Катя забрала с собой. Кровать в спальне была заправлена, комод с детской одеждой зиял пустотами полок. В ванной комнате в стаканчике одиноко склонила голову моя зубная щётка. На кухне не осталось ни одной детской бутылочки, хотя раньше, казалось, только они здесь и были.

Дрожащей рукой я набрал Катин номер – телефон выключен. Я позвонил её маме – длинные гудки, но никто не ответил ни в первый, ни в третий, ни в пятнадцатый раз. С каждым новым звонком трещина в груди росла, как будто её пытались проткнуть копьём неизвестности. Пытаясь сохранять спокойствие, я поставил торт в холодильник и спустился вниз. Завёл машину и поехал в деревню к маме – нигде больше Катя быть не могла.

Весь бесконечный час пути моё сердце колотилось быстрее двигателя моей чёрной «Волги». Радость от её приобретения в одну секунду сменилось

томительной горечью. И чем дольше я пытался дозвониться до мамы, тем горче мне казалась невероятная плавность хода. Уж лучше меня бы било головой о стойки и стёкла, чем эта проклятая монументальность крейсера. Как ни хотелось мне втопить газ в пол, я старался держать себя в руках. Обгонял всех и вся, но только там, где можно. Да и перед камерами притормаживал. Хотя хотелось нести так, чтобы коровы на заливных лугах за окном превращались в творог⁸.

Я подъехал к мамину дому и выскочил прочь из салона, как будто там был пожар. Взбежал по ступенькам и тихонько позвонил в звонок: мало ли, Лёшка мог спать. Никто не открыл. Тогда я стал стучать в дверь – сначала тихонько, потом громче и громче. Спустя минуту с той стороны послышался шорох, и мама ржавым от злости голосом приказала:

– Миша, уезжай и никогда больше не возвращайся сюда! Не звони и не стучи – Лёшка спит. Уходи!

– Да что случилось-то? – не выдержал я. – Вы хоть скажите, что я не так сделал?

– Миша, уходи ради Бога, пока я не вызвала полицию!

– Какую полицию? Да что произошло-то?

– Не надо, Миш. Ты сам всё знаешь. Уходи и не порть нам жизнь. Иди, иди, я тебе не открою.

И я услышал, как мама затворила внутреннюю дверь и ушла.

Я вышел на улицу, чтобы попытаться хоть что-то рассмотреть в окно. Но всё тщетно – везде были плотно завешены шторы. Я попробовал позвонить ещё и ещё – безрезультатно. Я уже было отчаялся, как вдруг телефон сам зазвонил. Осчастливленный, я хотел уже было ответить, как понял, что звонит Яков Борисович – тот самый старовёр, которому я изредка писал фельетоны на злобу дня про неугодных ему людей.

В тот момент я, естественно, ему не ответил. И не просто не ответил – я сбросил. Представляю, как он удивился, но мне было всё равно. Пусть бы он скормил меня своим питбулям – мне всё равно. Он позвонил ещё раз, и ещё. Четвёртый звонок оказался последним, и я облегчённо вздохнул. Сел за руль и подумал: ну и что же мне теперь делать? И тут же решил: поеду на трассу и разобьюсь, если на то будет воля Божья.

Выехал на дорогу и направился в сторону магистрали, до неё было километров десять не больше. И уже через пять минут я занял крайний левый ряд и полетел со скоростью небольшого самолёта при взлёте. Каково же было моё удивление, когда на ста восьмидесяти мне сзади мигнули дальним светом,

⁸ Здесь явная отсылка к стихотворению «Мерседес» про скорость 240 и «коровы превратились в творог».

требуя пропустить. Я добавил ещё газу, хотя двигатель и так молотил на пределе, рискуя в любой момент выстрелить поршнем в багровое вечернее небо. На спуске я разогнался до двухсот. Но тут в среднем ряду показалось свободное место, и огромный чёрный «Лексус» обогнал меня справа, вернулся в левый ряд и начал потихоньку оттормаживаться, мешая мне перестроиться.

Занятный факт №7

На логотипе «Тойоты» изображена нитка, продетая в игольное ушко:
японская корпорация начинала с производства швейных машинок

Мы уже еле коптели на восьмидесяти, всё ближе сдвигаясь в сторону обочины, как я включил третью передачу, вырулил на гравий и нажал газ в пол. Град камней посыпался в сторону внедорожника. Водитель явно оказался не готов к такому моему манёвру. Меня и самого бросало из стороны в сторону, пока я не вернулся на асфальт и не полетел дальше, безудержно обгоняя машины и вновь разгоняясь до запредельной скорости.

Но как бы ни была хороша «Волга», против двигателя 5.7 литра ей было не совладать. «Лексус» быстро нагнал меня и вновь оттеснил к обочине, откуда мне уже не удалось выбраться. Из салона внедорожника вышел крепкосбитый водитель. Нужно было понимать, в каком я был в состоянии, так как я ничуть не стушевался. Наоборот, я выскочил из машины и набросился на мужчину.

– Ну и чего ты меня тормозишь, а? Самый важный, что ли? Не пропустил я тебя, и ты обиделся?

Я уже был готов пойти врукопашную – и был бы, без сомнения, бит, – но провидению было угодно иное.

– Да ты успокойся! Иди присядь лучше!

Он указал на заднюю дверь внедорожника.

– Ты сам сядешь, если указывать мне будешь.

После этих слов я понял, что водитель в прошлом сидел. Потому что он изменился в лице, сжал кулаки и уже хотел вмазать мне. Но тут опустилось тонированное стекло, и до боли знакомый голос остановил его:

– Володя, не тронь его.

Дверь открылась, и моему взору предстал Яков Борисович собственной персоной.

– Присядь, Миша!

Я повиновался.

– Я знаю, что ты относишься ко мне с уважением, – начал Яков Борисович. – Поэтому я насторожился, когда ты сбросил мой звонок в четвёртый раз. Что у тебя случилось? Чем я могу помочь тебе?

Я в общих чертах описал свою историю. И резюмировал, что чем-то помочь не сможет даже он.

– Ну, не говори так, – осёк меня Яков Борисович. – Многое приходит с опытом, а он – последний помощник во многих делах. Теперь скажи: было у тебя с кем?

Этот вопрос ошарашил меня.

– Да не было, конечно, Яков Борисович! Как вы можете такое спрашивать!

То, что произошло дальше, не могло, как мне казалось, вписываться в человеческие взаимоотношения. Однако всё случившееся – чистая правда.

Яков Борисович крепко схватил меня своей огромной пятернёй за яйца, отчего меня перегнуло пополам.

– Отвечай как на духу: было с кем или нет?!

– Не-ет! – пропищал я, но ещё долгую секунду Яков Борисович держал меня в предомлетном состоянии.

– Хорошо, – он отпустил меня. – Это ты молодец. Ты меня прямо порадовал. Поехали к твоей тётце, я поговорю с ней.

– Но...

– ...никаких «но»! Володя, садись, поехали! А ты – тоже давай за руль, только без выкрутасов! Езжай по правилам, скорость не превышай!

Что мне оставалось делать? То ли послушаться и вылететь в речку на ближайшем мосту, то ли попробовать воспринять свалившегося как снег на голову Якова Борисовича как десницу Божью. Я выбрал второй вариант. На ближайшей развязке я развернулся и поехал в сторону Чёрной Смородины. Внедорожник моего грозного контролёра двигался вплотную позади. Вскоре мы подъехали к маминому дому. Яков Борисович приказал мне ждать, а сам отправился в неизвестность. Я видел, как мама сначала долго не отпирала ему. Затем, наконец, дверь отворилась, а ещё через пару минуту незваного гостя впустили внутрь. После этого последовали пятнадцать мучительных минут ожидания.

– Эй! – крикнул мне Яков Борисович с порога дома. – Иди сюда!

Я взбежал по ступенькам и выбрал момент между биениями сердца, чтобы проскочить внутрь. Где-то вдали тихонько плакал Лёшка. Я хотел было пробежать к нему, но дальше коридора меня не пустили. Мама по-прежнему настроена была воинственно. Старовер теперь тоже выглядел устрашающе.

– Я надеюсь, у тебя найдётся объяснение вот этой аудиозаписи. Иначе я тебя своими руками придушу!

Аудиозапись? Что?

Мама держала в руках Катин телефон – тот самый, который я подарил ей на день рождения. От волнения она не сразу смогла его разблокировать. Наконец нажала на кнопку воспроизведения, и я услышал свой собственный голос и голос дизайнера Артёма:

– «Да ты просто не представляешь, как у меня встаёт каждый раз, когда я её вижу!» – «А Кате скажешь?» – «Да ты что! Нет, конечно! Она меня сразу бросит, как только узнает!».

Мама заплакала и нажала на «стоп», а Яков Борисович подошёл вплотную с намерением провести хук справа при малейшем моём промедлении.

– Что, и всё? – мой голос срывался от волнения, но я не справился с собой и рассмеялся. Можно было списать это на нервы, но мне было действительно смешно. – Господи, так это же я про «Волгу»! Про машину – ГАЗ тридцать один ноль два. Мы с дизайнером на корпоративе её обсуждали, нас, наверное, кто-то записал. Я боялся Кате сказать, потому что я потратил деньги, на которые мы могли купить мебель домой. Да ну что вы – не верите мне?

Я полез за нательным крестиком, достал его и произнёс:

– У меня, кроме Кати, никого нет и не было! Я люблю только её! Люблю больше жизни!

Я поцеловал распятие и перекрестился.

Повисла неожиданная пауза.

– Да про машину я всё это говорил! – начал я, поняв, что лёд плавится. – Вот она, под окном стоит. Я сегодня её купил. А до этого мы с Артёмом обсуждали её, вот я так... неаккуратно выразился.

Яков Борисов коротко размахнулся и ударил меня кулаком в плечо, осушил мышцу.

– Вот ты дуралей!

И обратился к маме:

– Ну что, будете прощать его? Дурачок-то писанный, да муж верный. Я бы его побил и спать уложил. А то опять понесётся резину жечь, чтоб к праотцам лечь.

Мама расплакалась и ушла к Кате в комнату. Пару минут они о чём-то разговаривали, плакали и причитали. Лёшка то хныкал, то ревел. Наконец, Катя вышла ко мне навстречу.

– Прости меня за язык мой помело! Я люблю только тебя, никого у меня нет!

Катя не сдержалась, заплакала, и мы бросились друг другу в объятия. Вышла мама с Лёшкой на руках. При виде незнакомца он было расхныкался, но бабушка быстро его укачала.

– Давайте все вместе чаю попьём! – пригласила она.

Глава 56

С высоты лет всё превратится в рапид

Возвращение в офис в понедельник превратилось в сущий ад. Утром мне позвонил директор медиагруппы и на протяжении десяти минут орал совсем не благим матом. Оказалось, что на рекламном развороте, где было размещено предложение компании «Сберкапитал», логотип указали без ошибок, но в тексте соглашения написали: «Сперкапитал». Меня холодным потом прошибло. Я сразу понял, чьих это рук дело. Артём дизайнер любил так пошутить на планёрке. Но в рабочих макетах он никогда себе раньше такого не позволял. Прежде. Я был выбешен и, попадись он в ту минуту рядом, задушил бы его голыми руками, предварительно включив громкую связь на телефоне, чтобы не прослушать ни единого матерного слова в свой адрес.

Когда директор – сам в положительном бешенстве – положил трубку, я, должно быть, похудел на пару килограммов. Я позвонил Артёму, но он не ответил. Возможно, это спасло ему жизнь, иначе бы он немедленно помчал в аэропорт, чтобы вылететь за границу, где бы его выкрали талибы и расстреляли на камеру, чтобы тем самым спасти его от более ужасной участи, которая ждала его в моём лице.

В офис я ворвался, как молния в майский вечер. К моему удивлению он был здесь, приветливо улыбнулся и спросил:

– Ты мне звонил? Я кофемашину чистил и не мог ответить.

Я взял его за грудки, поднял на полметра и вжал в стену. Несколько раз потрянул его и ударил спиной о бетон.

– Какого хрена в рекламе «Сберкапитала» опечатка? Это твоих рук дело?

– Серьёзно!? – он побелел, как мел, и это напугало меня ещё больше, чем гнев начальства. – Дай посмотреть!

Он высвободился из моих оков и ринулся к свежему журналу. Открыл на нужной странице и вчитался в текст:

– Да не-е, всё в порядке, сам посмотри!

Я посмотрел. «Сперкапитал».

– Ты издеваешься? – взревел я и наступил на него. – Хочешь потерять место с разгромным резюме?

– Да ты что, вот посмотри!

Он либо не замечал очевидного – в этом случае он был явно слепец, либо дурачил меня – и был явно глупец, потому что я был готов прибить его на месте.

– «Спер-капитал»! – по слогам прочёл я. – Хорошо ещё, что в рекламе не пишется буква «ё», иначе бы нам вообще крышка!

Артём схватил номер и побелел вторично.

– Блин, точно! – признался он. – Слушай, тут не так всё было. Изначально мы с Викой шутили, и я написал «Спермкапитал». Понимаешь? Капитал спермы – смешно же! А потом я букву «м» стёр, а «п» оставил. Сорян!

– Сорян? – я вышел из себя и с размаху ударил его кулаком в ухо. Артём упал, как подкошенный, и, кажется, временно потерял ориентацию в пространстве. – А ты в курсе, чем нам твоя шуточка-шутёха грозит? Я сегодня еду сам во все точки, где мы размещаем журнал, и забираю все оставшиеся номера – это первое. Мы срочно исправляем твою опечаточку и экстренно заказываем новый тираж за свой, то есть за мой счёт – это второе. Мы, точнее я, приносим официальные письменные и устные извинения «Сберкапиталу» и обязуемся в течение года (!) давать им бесплатную рекламу – это третье. И, наконец, четвёртое и самое главное – с этого момента меня начнут, как деревце, гнуть все мои начальники. И я не удивлюсь, если там наверху примут решение пустить по ветру весь наш журнал и вышвырнуть нас всех под зад на улицу! Смешно получилось, правда? Ах-ха-хах, я сейчас обкончаюсь от смеха. Готов принять спермкапитал?

Значительным усилием воли я уклонился от того, чтобы ударить лежащего сотрудника ещё и ногой, сдержался. Честно говоря, мне и так стало за него страшно. То ли я приложился сверх меры от злости, то ли он оказался совсем не в моей весовой категории, так как был килограммов на двадцать тоньше меня... Вечером того же дня я, конечно, извинился, за свой поступок. Артём принял мои извинения сдержанно. А потом ещё несколько лет мой поступок тяготил мне совесть. И уж точно с этого момента всё в журнале пошло совершеннейшим кувырком.

От былой открытости и доброжелательности не осталось и следа. Такое ощущение, что в считанные дни я превратился в местного геббельса. Подходили и заговаривали со мной только в случае необходимости. А обязанности стали выполнять по принципу итальянской забастовки: теперь мы будем делать всё в точности по букве предписания, какая бы нелепица ни выходила в итоге.

Занятный факт №8

Из любой статьи «Википедии» по внутренним ссылкам можно добраться до Гитлера максимум за 6 шагов, обычно – гораздо быстрее

Настроение у меня портилось день ото дня. На меня давили сверху, звонили, что-то спрашивали, проверяли, уточняли. Мне пришлось за свои средства оплатить новый тираж и все неустойки. Но самое страшное – из любимого детища журнал вдруг в одночасье превратился в обузу, от которой мне захотелось избавиться, как от девушки, которую ты полностью разлюбил.

В чехарде событий я совсем как-то забыл об одном событии, случившемся в прошлом. Тем неожиданней было услышать звонок и, когда я снял трубку, следующее сообщение:

– Здравствуйте, Михаил! Вас беспокоят с телеканала. Редакция вещания приняла решение взять вас на работу корреспондентом телевидения. Когда бы вы смогли выйти?

Ошеломлённый, я, тем не менее, ответил не задумываясь:

– Через две недели. Мне надо решить вопросы с текущей работой.

– Так, получается, 25-го, в понедельник. Верно?

– Да, отлично! Во сколько подойти?

– К девяти часам приходите.

Я поблагодарил и положил трубку. Вдруг внутри меня всё переменялось. Я ощутил невероятную тягу к новой жизни, к новым свершениям и творчеству. Вечером я буквально прилетел домой к Кате и рассказал обо всём случившемся: и о шуточном собеседовании, и о серьёзном звонке по поводу трудоустройства.

Честно говоря, я ожидал какую-то вязкую реакцию с её стороны. Мол, ещё более нервная работа, постоянные разъезды, меньше денег. Хотя про деньги мы тогда не говорили. Но на удивление она ответила утвердительно. Сказала: да, если тебе здесь надоело – чего себя мучить! Тем более там ты произвёл впечатление, и тебя в принципе вдохновляет новый этап.

Я был в шоке от того, как быстро всё поменялось у меня в голове. Ещё утром я был полностью погружён в мысли о текущих делах в журнале, а теперь – весь устремлён в экран телевизора. Конечно, его сейчас никто не смотрит, но это в любом случае гораздо веселее, чем просиживание штанов в офисном кресле. Я даже поймал себя на мысли, что вся моя прошлая журнальная жизнь, все эти тексты, колонки, врезки – всё это было не настоящим, подложным, не

живым. А теперь я вышел в новое русло, где всё дышит полной грудью. Где свежий воздух, а не гонимый из кондиционера поток. И пусть мне предстояла огромная работа устроить все дела с журналом, той ночью я лёг спать совершенно счастливым.

На следующий день первое, что я сделал, – приехал к владельцу журнала и попросил его о Юрьеве дне. Буквально: выйти из-под журнала с соблюдением всех обязательств: обучить преемника, переоформить документы, известить типографию, рекламодателей и прочая, и прочая. К моему удивлению бизнесмен выслушал меня спокойно и отреагировал, как будто ему каждый день приходится решать такие вопросы. Я поймал себя на мысли: может быть, так и есть?

– Сколько ещё отработаешь, две недели? Или больше надо?

– Нет, двух недель хватит.

Я даже испугался, как легко всё происходит.

– На этой неделе я пришлю тебе человека. Думаю, обучение не займёт много времени. – Он пожевал губами. – Что ж, спасибо тебе за твою работу! Не буду спрашивать, куда и почему ты уходишь. Думаю, не из-за денег, поэтому не буду мучить тебя вопросами, а себя ответами. Удачи тебе!

Он протянул и пожал мне руку. И всё. Я развернулся и пошёл прочь. И всё терзал и терзал себя догадками: это всё мне снится? у него был претендент на моё место, а я упростил ему жизнь своим увольнением? а правильно ли я делаю? Впрочем, на последний вопрос я тут же ответил себе: правильно, точно. И я поехал в редакцию, как будто к девушке, с которой мы уже расстались, но часть наших вещей пока лежит в одной квартире.

Новость о смене руководства для сотрудников прозвучала как гром среди ясного неба. Никто не ожидал ничего подобного, и на лицах у всех было отчётливо видно удивление от происходящего и ощущение неизвестности. Руководствуясь принципом «помоги себе сам», я решил полностью сделать последний для себя выпуск, чтобы туда точно не попали имевшие место в прошлом опечатки и «шутки». Погрузился в работу с головой и, честно говоря, потерял интерес к коллегам. В конце концов, пусть они сами привыкают и приспосабливаются к новому начальству. Пусть сами отрабатывают премии и остаются до ночи в дни сдачи номера. Я умыл руки. И намазал сердце кондиционером, чтобы внутрь не проникло ни одного переживания, ни одной нервной ситуации. В последнюю пятницу я просто попрощался со всеми и ушёл. Мне даже ничего не подарили. И не пожелали хороших выходных, как это бывало обычно. Я просто молча вышел из офиса. Я закрыл эту дверь.

В понедельник я открыл новую. Мне надо было прийти в девять, но я не спал всю ночь и пришёл к зданию телецентра в восемь. Ещё полчаса побродил

вокруг и всё равно не выдержал и вбежал внутрь. Первым меня встретила специалист по персоналу. После подписания бумаг она проводила меня до комнаты, где работали редакторы и корреспонденты.

Утром понедельника ещё никого не было, кроме главного редактора – той самой Елены Сергеевны, которая жгла меня на собеседовании взглядом – и двух девушек с девятью телефонами в руках. Позже я узнал, что это были продюсеры, которые согласовывали предстоящие съёмки. До этого дня продюсеров я представлял кардинально иначе.

– Ты чего в такую рань? – вместо приветствия спросила у меня Елена Сергеевна.

– Как? – удивился я и посмотрел на часы. – Уже без пятнадцати девять.

– Садись вон туда! Да не туда – вон туда!

Я покорно сел и стал ждать. Четверть часа ничего не происходило. Но за одну минуту до девяти часов в комнату один за другим вошли, вбежали и впрыгнули два десятка людей. Все они были взъерошены и молчаливы. Я со всеми здоровался, мне представлялись, но никто из пришедших не улыбнулся в ответ. Все просто садились за свои места, включали ноутбуки и начинали что-то печатать.

Не было только сотрудника рядом со мной. У него на столе стоял огромный объектив для фотоаппарата с красной каймой. Я помнил, как Катя рассказывала мне: красная полоска – это признак премиума, такие объективы стоят по триста тысяч. Поэтому я боялся даже смотреть в ту сторону, боясь случайно задеть взглядом и опрокинуть технику.

В две минуты десятого к собравшимся вышла Елена Сергеевна и начала торопливо распределять, кто куда поедет и зачем. Некоторые из называемых корреспондентов тут же вскакивали со своих мест и выбегали прочь, выясняя по телефону: «Татьяна Иванна, в Ступино с кем из водителей можно поехать?». Другие поворачивались к монитору и начинали судорожно искать информацию в интернете.

– А где Авдеева? – спросила редактор и указала на пустующий стол рядом со мной.

– Уже поднимается! – ответил кто-то из собрания. – В чате написала, что будет через 2 минуты.

Елена Сергеевна раздала последние указания, оставив только меня и парня в кожаной куртке и чёрных джинсах.

– Так, Слава, знакомься, это Михаил, наш стажёр. Опыт у него есть, так что должен по идее быстро вкатиться. Просто объясни ему, что к чему, нюансы, расскажи в целом. Если парень толковый – в пятницу на первую свою съёмку поедет. Нормально всё сделает – значит, со следующей недели в основной

состав возьмём. Теперь по съёмке. Ты едешь в Ленинский район, там у какой-то бабки из унитаза какая чудо-рыба выплыла, она второй день ради нас её в ванной держит.

– Что? – Слава засмеялся в голос, так что я даже дёрнулся. – Рыба в толчке? Да на кой чёрт мы туда поедем – пусть пожарит и съест! Они там, в Ленинском, на пенсии жалуются – вот хоть помощь какая-то.

Елена Сергеевна пропустила его ремарку мимо ушей.

– На обратном пути заедешь в минсельхоз, тебе там синхрон нужно записать для Арпине на утро. Завтра – утренняя съёмка, учти. Всё, давай в путь, а то там эта старушка с ума сойдёт со своим лохнессом в ванной.

Слава кивнул мне, чтобы я следовал за ним, и мы пошли к выходу. В дверях на нас наткнулась до анорексичности худая девушка. Оказалось, эта та самая опоздавшая, на которую немедленно обрушилась Елена Сергеевна:

– Авдеева! Сегодня какой уже раз за месяц? пятый? За опоздание штрафую тебя на пятьсот рублей.

– Елена Сергеевна, троллейбус сломался, я до проспекта пешком бежала.

– Вот именно, что «пешком». Давай теперь сама разбирайся со съёмками, продюсеры всё объяснят. Вовремя надо приходиться.

Слава повёл меня по коридору в операторскую.

– Где до нас работал? – кинул мне через плечо.

– В «Ерше», – ответил я, мгновенно решив, что нечего скрывать. В принципе нечего.

– Серьёзно? – удивился мой наставник. – Неплохо. А чего на телек решил?

Я ожидал, что он спросит мою должность в журнале, но он не спросил. А я и не успел расстроиться: настолько быстро мы шли по комнатам, лестничным клеткам, коридорам и стоянкам. Я уже тащил штатив камеры, который на меня водрузил оператор как на новичка.

– Решил двигаться дальше, развиваться.

– Стоп! – сказал вдруг Слава и остановился. – Давай сюда штатив. Слушай, поднимись наверх, возьми у меня на столе – запомнил, где я сижу? – пластиковый бокс с флешкой. Понял? Давай!

Делать нечего, я побежал обратно, наверх.

– Ты что, ещё здесь? – накинулась на меня Елена Сергеевна.

– Меня Слава попросил флешку со стола забрать, – объяснил я.

– В следующий раз скажи ему, чтобы он сам поднимал свою задницу и не посылал стажёров, ему полезно. Понял?

Я кивнул. Повернулся, бросился к Славиному компьютеру и вдруг встретился глазами с опоздавшей, Авдеевой. Она стрельнула в меня глазами, впрочем, быстро их отвела и сделала глоток из... премиального объектива. Из

него шёл пар, и я с парадоксально разорванным шаблоном понял, что это был не объектив за триста тысяч, а термोकружка из «фикс прайс». «Какой же я тупой!» – поймал я себя на мысли и бросился вниз со Славиной флешкой в руках. На парковке мне махнули рукой из «каблучка» Фольксваген, я запрыгнул на задний диван, и мы покатали в область. На первую в моей жизни съёмке для телевидения.

– Елена Сергеевна просила передать, чтобы в следующий раз ты сам поднимал свою задницу и не посылал стажёров!

– Вот, что я тебе говорил! – Слава обратился к оператору. – Нравится ей моя задница!

Оба расхохотались. Водитель тоже улыбнулся и тронулся в путь.

На месте мы встретились с полоумной седовласой старухой лет семидесяти, которая вышла на улицу и начала вопить, пока мы ещё не успели выйти из машины. Она махала руками, куда-то показывала, ругалась и вела себя дёргано. Честно говоря, я в первое время растерялся. Слава – тот с большим достоинством и очень вежливо поздоровался с женщиной, выяснил предварительно все детали и предложил войти в квартиру. Я ещё с удивлением подумал: ничего себе, такая вежливость по отношению к выжившей из ума старухи. Но когда она повернулась к нему спиной, он посмотрел на оператора, и они беззвучно захохотали, сдерживая смех, чтобы не выдать себя перед ней.

В ванной у этой женщины плескалось какое-то чудо-юдо с серебристой чешуёй.

– Вот, полюбуйтесь! – завопила она. И начала взахлёб рассказывать историю появления этой неведомой рыбины у себя в унитазе.

Я думал, что оператор начнёт немедленно снимать происходящее, чтобы получился видеоряд в духе «скандалы, интриги, расследования». Однако Вадим, так звали мастера видеокамеры, неспешно осматривался вокруг, не обращая никакого внимания на старушечий подзвизг.

– На, – он дал мне пластинку со светодиодной подсветкой, – встань вон туда и свети в эту сторону сверху вниз.

Я повиновался. Слава в это время пытался добиться у героини, сняла ли она чудо-рыбу на телефон и есть ли он у неё в принципе. Затем заставил встать с ним рядом, чтобы она делала вид, что показывает ему запись. Я ещё удивился: какую запись, если она ничего не снимала? После нескольких дублей и подсъёмов Слава попросил старушку схватить рыбину и бросить её – на время – в унитаз.

– Доставай телефон и снимай! – приказал он мне, пока старушка вопила, когда рыба юркнула в унитаз и начала оттуда брызгать во все стороны. – Это будет «лайф». Так называют живую съёмку в реальном времени, мы с этого

начнём сюжет. У старухи на телефоне слабая камера, поэтому мы поставим твою запись. А рассказывать будем, как будто это на снимала. Поэтому мы сейчас поснимаем, как мы с ней стоим, и она мне на телефоне вот эту именно запись показывает. Потом – синхрон, это интервью с героиней на 20 секунд, потом – запись в ванной. А на картинку будет наложен текст, который ты напишешь.

– Понял. А дальше что? – прокричал я, пока хозяйка верещала и бегала вокруг унитаза. Оператор смеялся и снимал всю эту фантазмагорию. А Слава продолжал меня просвещать:

– Дальше едем в управляющую компанию, и там пишем какого-нибудь хрена, который нам расскажет, что с роду такого не было – и опять то же самое. Покажет нам систему водоснабжения в каком-нибудь доме, и окрестности поснимаем. В конце – расскажем о похожих или просто о выходящих из ряда вон случаях – але-оп, сюжет готов. Да прекратите уже орать, женщина!

Слава решительно схватил её сочок, которым она всё это время пыталась схватить рыбину, поймал чудовище и выбросил обратно в ванну.

– Вставайте сюда, интервью писать будем!

За каких-нибудь полчаса, невзирая на окрики и оговорки хозяйки, мы записали весь материал и двинулись дальше. По пути успели пообщаться с соседями, которые заявили о своей полной непричастности к инциденту. Далее наш путь лежал к неприглядной двухэтажной котельной. Там мужчина, с которым Слава предварительно созвонился, рассказал, какими путями рыбина могла попасть в канализацию к женщине, и озвучил вывод, что её мог слить кто-то из соседей сверху. Мой наставник поблагодарил рассказчика и, простившись с ним, приказал оператору снять, как кошка запрыгивает в окно на первом этаже соседнего дома.

– Всё, – торжествуя говорит он. – Композиция и канва полностью выстроены. Смотри, слушай внимательно. Сначала у нас идёт лайф – твоя съёмка, где чудо-рыба бултыхается в унитазе. Затем идут картинки, как я общаюсь с хозяйкой квартиры, а на фоне зачитываю текст: «Вот такое чудо-юдо застала у себя в унитазе Нина Герасимова, когда утром зашла в туалет». Абзац текста, после него – её синхрон, кусок интервью на 20 секунд, где она жалуется. Максимум эмоций, чтобы сердце прям разрывалось от жалости, понял? Потом – картинки котельной и синхрон этого мужика, что они ничего не знают, что это типа соседи. Затем мы приплетаем сюда соседей – помнишь, мы записали короткий синхрон? Там баба вот эта говорит, что они сорок лет душа в душу живут и так далее. А дальше – ещё картинки с окрестностями, дома все вот эти, Вадим подснимет улицу, номер дома на аншлаге. И наша версия – как бы резюме всего сюжета: что, возможно, что чудо-рыбину

принесла своей хозяйке любимая кошка Дуся. И видео, где вот этот кошак запрыгивает в окно. Всё. Понял?

Я кивнул, но тут же переспросил.

– Но у неё же нет кошки, а эта – совсем другая, в другом месте.

Слава махнул рукой.

– Главное – чтобы получилась история! – менторским тоном рассудил он.

– Чтобы каждый сюжет – как пьеса Шекспира был! Мы даём людям возможность увидеть красоту в изменениях жизни, в её сиюминутности, в происшествиях, понимаешь? Если получается «стори», маленькая новелла на три минуты – то это именно то, что надо зрителям. А если ты выяснишь всю правду и расскажешь по минутам, что когда было, то это будет как полицейский рапорт, сухо и неинтересно. А мы должны уставшего после рабочего дня человека порадовать весёлостями жизни!

От вдохновения он закурил, хотя секунду назад бросил окурок в мусорное ведро у скамейки.

– Чтобы зритель осознал, что у него всё не так плохо, понимаешь? Приезжает человек на «Пассате» домой, поднимается в квартиру на 16-м этаже, включает телевизор на 43 дюйма и думает: блин, как же тяжело на работе! Начальник вот отчитывал двадцать минут, и за такую головомойку я получаю всего сто тысяч в месяц. А тут – полоумная бабка, которой Бог на завтрак послал свежей осетрины! Монструс экзосос!

Я ещё удивился, услышав отсылку к фильму «Монах и бес», где монахи такой рыбиной потчуют государя-императора. А Вадим, снимавший фасад дома и слышавший Славино поучение, захохотал в голос.

– И он, значит, смотрит на своей плазме всю эту живопись, что тут по двору вон козы ходят, и думает: а, может, сто тысяч – это не так уж и мало за то, что я сижу в тёплом офисе на кресле из кожи единорога и кликаю по кнопке мыши тридцать раз в час? Понимаешь? Мы должны показывать зажавшемуся среднему классу, что есть люди, которые живут в говне. Ведь тут у некоторых полы – земляные. Это когда ты заходишь в барак, а у тебя полы не из бетона и не из шпунтованных досок из сибирской лиственницы или дальневосточного ясеня, а простая земля, утопанная, утрамбованная. Понял? – он докурил и полным изящества жестом выбросил окурок. – Всё, поехали обедать!

Обед вышел необычный. Мы приехали в какой-то кабак – иначе этот притон с вывеской «Вдали от жён» назвать было нельзя. Ключ от туалета выдавали только посетителям, и чтобы помыть руки, пришлось сначала оформить заказ и набрать хлеба грязными руками. Но это ещё полбеды. Остальная половина таилась там, где не ждали.

Наряду с тарелкой борща, картофельным пюре и котлетой по-киевски Слава заказал графин водки, который тут же появился у нас на столе. Водитель, ясное дело, не стал, так что огненная вода предназначалась нам троим. По крайней мере, Слава на этом прямолинейно настоял. В первый рабочий день мне было неудобно отказывать, поэтому я согласился, но с условием наливать мне по чуть-чуть.

Забегая вперёд, скажу, что даже соотношение выпитого 60:30:30 в пользу Славы не остановило моего наставника в продолжении банкета. Этот хитрец, не желая переплачивать «ресторану», под предлогом телефонного звонка вышел на улицу, нашёл какой-то дом, где водку продавали из-под полы, и с нею вернулся за стол. Незаметно пополнил запасы горючего в графине и продолжил веселье.

На этот раз я категорически отказался «догоняться», и Слава был вынужден уступить. Впрочем, они вместе с оператором быстро нашли собутыльника из местных, и рюмки зазвенели с новой силой. На вопросы, что впереди же ещё съёмка, мой учитель отвечал, что вдохновения много не бывает и что вообще они пьют за благорастворение воздушных и мир во всём мире. Я не переставал восхищаться профессионализмом и стойкостью наставника, который всё больше видел во мне будущую звезду телеэфира.

Ситуация изменилась, когда водитель напомнил, что он работает до шести и успеет вернуть нас на базу, только если мы стартуем прямо сейчас. Слава пытался было бунтовать, но с железной логикой распорядка рабочего дня не поспоришь, и он сдался. Но по пути в туалет он то ли задел, то ли обмолвился бранным словом с кем-то из местных, и вышла ссора.

Слава считал себя правым и требовал выяснить отношения на месте. В результате кто-то кого-то позвал, и вскоре с улицы зашло человек пять или шесть добрых молодцев вполне криминального вида. Предполагая, чем это может закончиться, я снял обручальное кольцо с правой руки, серебряную печатку с левой и незаметно опустил их в недоеденную порцию супа. Но Слава, сколь ни был пьян и поглощён предстоящим выяснением отношений, гад такой, заметил это. И перевёл назревавшую драку в приступ гомерического хохота всех участников конфликта, кроме меня.

– Смотрите, смотрите! – заверещал он, призывая внимание местных и показывая пальцем на свою тарелку. – Он снял кольца с рук и положил их в суп.

– Что? серьёзно? – раздалось со всех сторон. Драка сошла на нет, и вместо этого начался разбор моего поступка и моих мотивов под микроскопом. – А зачем он это сделал?

Мне пришлось долго и скрупулёзно объяснять, что с нас, как с побитых, могли бы снять украшения в качестве контрибуции за нарушенное спокойствие тихого городка. И тогда бы я обезопасил себя, просто вытащив кольца в конце, пока бы все зализывали раны. Но скрытое стало явным ещё до битвы, а точнее – вместо неё. Местные, вслед за Славой, гоготали во всё горло, обсуждая мою трусость в контексте «ох, уж эти городские». Я был прилюдно унижен и разбит. Мне пришлось извлекать кольца из супа и промывать их под водой, причём этот процесс тщательно документировался на фото и видео. После того, как мы наконец сели в машину и тронулись в обратный путь, я высказал Славе всё своё неудовольствие по поводу случившегося. Он же ответил, словно бы и не пил ни капли:

– Миш, ну ты что! Не обижайся! Если бы я не разыграл эту карту, они бы нам носы переломали!

Мне не оставалось иного выхода, как в очередной раз восхититься мудростью и опытом моего телевизионного гуру.

По дороге назад Славе позвонили продюсеры и «напомнили», что через десять минут ему предстоит прямое включение с пастбища коров в колхозе нового типа – Новой Голландии Ефремовского района.

– Какое ещё включение! – ревел Слава, красный, как рак, от водки и взрывного неудовольствия. – Я везу материал с чудо-рыбой, мы вообще в другой стороне! Вы там совсем поохреневали, что ли? Что значит – напомнить? Я первый раз слышу вообще! Мы в двухстах километрах в другой стороне! Вы там совсем, что ли, пообдолбались?

Видимо, к Славиным крикам привыкли, потому что в сухом остатке его поставили перед фактом: уже через семь минут – прямое включение, делай что хочешь.

Слава матерился ещё три минуты, параллельно сетуя, что он красен лицом «от сквозняка в машине». А машина всё это время неуклонно двигалась в сторону базы. Позже я понял, что для водителей правило освободиться в шесть вечера – железное, несгибаемое просто. Да и физически доехать куда бы то ни было, что бы напоминало пастбище, было невозможно. Поэтому, когда мы проезжали захудалую деревеньку, Слава приказал остановиться и выставлять камеру.

– Что в кадре-то будет? – не понимал оператор. – Трактор вот этот?

– Да, трактор вот этот! – раздражённо ответил Слава. – Ты ещё что-то годное тут видишь?

Они препирались всё оставшееся время до прямого включения. Затем мой наставник поднял вверх ладонь и показал на наушник в ухе: тридцать секунд до эфира. Что в это время происходило в студии и какие вопросы задавала Славе

ведущая, я не слышал. Зато ТВ-гуру отвечал блестяще – и откуда только он всё это на ходу выдумывал:

– Да, добрый вечер, Алина! За моей спиной находится простой деревенский дом, именно так тут, в Новой Голландии, было до образования коллективного хозяйства нового типа. Всё изменилось, когда в районе начала функционировать региональная программа «Эффективный средний бизнес в животноводстве». При поддержке губернатора были привлечены инвестиции в размере двух целых семи десятых миллиарда рублей. А в микрорайоне создали семьсот дополнительных рабочих мест. Наша съёмочная группа специально выбрала этот неприглядный дом, чтобы зрители на контрасте увидели, как сейчас обстоят дела в Новой Голландии. Алина!

Ещё несколько секунд он молча покивал в камеру. Затем торжественно и с присущей ему изысканностью сплюнул.

– Кончено. Поехали.

Мы быстро покидали вещи в багажник и тронулись в путь. Водитель чертыхался по поводу задержки и обещал во что бы то ни стало успеть к шести. Для этого по узкой дороге он гнал 130 и обгонял всех без разбора.

– Как ты всё это узнал? – с настоящим восхищением интересовался я у Славы, перебивая шум мотора.

– В интернете посмотрел, пока мы с Вадимом собачились. В нашем деле, если дело доходит до денег, важно узнать: федеральная это программа или региональная? Или ещё какая. Если региональная – лизнуть губернатора, какой он молодец. Если федеральная – лизнуть губернатора, потому что всё проконтролировал и дал пинка на местах. Если ещё какая – лизнуть губернатора, потому что создал такой микроклимат в области, что всё может само работать, без участия власти. Это всё потому, что мы губернский канал. Был бы оппозиционный канал – критиковали бы. Но всё равно я считаю, что тот чувак на «Пассате» по приезде домой должен включать сорокватрехдюймовую плазму и видеть, что в двадцать первом веке наши сограждане ходят по навозу в телогрейке на голое тело. И чтобы он понимал, какова она на самом деле – земля, из которой он вышел и куда вернётся седым муднем.

Он достал откуда-то из загашников чекушку коньяка и сделал несколько щедрых глотков. В этот момент мной владело безраздельное чувство, что в данный конкретный момент он познал русский дзен. Не смотри, что я пью с утра: это йога наших широт.

Мы вернулись на базу ровно в шесть, секунда в секунду. Водитель выгнал всех из салона словами «ребятки, давайте, давайте, и так уже на пять минут задержался». Мы поднялись в кабинет, и я с удивлением обнаружил, что все

ещё на местах. Причём сейчас началась самая жаркая пора, поскольку выпуски новостей выходили в половине седьмого и в половине восьмого.

Слава быстро, минут за двадцать, накидал текст и отдал его на проверку редактору. Та с кислой миной ответила «в очередь» и продолжила вычитывать сюжеты, которые ей отдали раньше. Я в это время писал собственный вариант того же самого, что мы снимали, и процесс занял у меня, пожалуй, больше часа. Но мои скромные вирши, как я понял, никто изучать в тот день не собирался.

За двадцать минут до эфира редактор позвала нас и в какие-то пару минут подправила и утвердила текст. Слава побежал его начитать и затем ринулся в монтажную «собирать картинки». Я был в полном шоке, когда понял, что сюжет готовят буквально за считанные минуты до эфира. Девочка-монтажёр, выслушав от Славы бранную тираду, что она взяла делать другой сюжет на утро, понуро начала «резать» видео и совмещать их в единое целое. В её огромном компьютере бесшумно, но как-то угрожающе вертелся огромный по размерам кулер видеокарты. Такие большие вентиляторы я видел разве что перед радиатором грузовика.

За минуту до эфира в монтажную зашла какая-то женщина и спросила у Славы, что с сюжетом. Он ответил, что он рендерится и что пусть никто не переносит, так как они успеют. Я не понял, как они успеют за полминуты, но оказалось, что при подготовке итогового сюжета все закладывают анонс и приветствие ведущего, которые длятся полторы минуты. Полторы минуты – да за это время некоторые важные люди не успевают сделать глоток кофе, а тут дособируется целый сюжет! Когда всё было готово, я спросил, часто ли случается такой форс-мажор. Слава прозаично ответил:

– Каждый день. Ну ладно, давай, до завтра!

Он пожал мне руку и пошёл по коридору прочь, как будто мы были случайными попутчиками и после этого не встретимся больше никогда. Я собрал вещи, выключил компьютер и вышел почти в восемь вечера – половина суток на ногах, в пути, в чужих квартирах и офисах, у стола редактора и в закутке монтажёров. Я вышел на улицу совершенно измотанный, но почему-то – совершенно счастливый.

Вот он, настоящий труд до позднего вечера! Вот они – приветливые люди, которые, несмотря на фантастическую занятость, всегда готовы тебе помочь! Вот она – дорога на экран и возможность рассказывать по-настоящему интересные вещи для миллионов телезрителей! Да, сегодня был не лучший сюжет, но впереди ещё новые съёмки и новые герои, у Бога дней много. Окрылённый, в предвосхищении будущих телешедевров, я сел в «Волгу» и поехал домой.

Глава 57

Самый счастливый человек на земле

Что такое счастье? Внутреннее это состояние или внешнее? Может ли быть счастливым человек, которому жмут ботинки? А если жмёт судьба? Если у тебя всё в жизни отлично, но что-то одно мешает, как заноза, – можешь ли ты считать себя счастливым?

На новом месте меня устраивало всё. Глобально – действительно всё. Конечно, редакторы могли заставляли переписывать по четыре раза один текст, но мне это даже нравилось. Когда ты сам редактор – ты как будто в невесомости: нет человека, который вставит хоть толику критики. А тут – пожалуйста, вмиг самооценку вернут на место. Ещё приходилось много звонить, много выяснять, перепроверять, переперепроверять. Но всё это, приправленное новизной, даже составляло особый колорит. В конце концов, меня каждый день показывали по телевизору – что ещё надо человеку, который успешно реализует творческий потенциал на своём месте?

Единственное, что меня буквально подкашивало, так это режим дня. Почему-то в первый день я не принял к сведению, что все пришли к девяти утра. Можно было бы догадаться, что так приходят всегда, каждый день. Но тогда, в эйфории, я, пожалуй, не дал истинным эмоциям – унынию и печали – пробиться наружу, протелеграфировав в ясные доли мозга: девять часов – это же рань смертная!

Казалось бы, час времени – разве это много? В журнал я приезжал в десять и зачастую недовольно зевал, считая себя мучеником труда. На телеканал пришлось приезжать каждый день к девяти – как штык, ни секундой позже. Штраф – пятьсот рублей за каждое опоздание. Забегая вперёд, скажу: я не опоздал ни разу. Даже когда я жёстко проспал и летел на работу на всех парусах, считая, что «всё кончено, шеф», – я и тогда не опоздал, вбежав без пяти секунд девять. Но успевать так каждый день, при условии, что мы работали по десять-одиннадцать часов, было чрезвычайно сложно.

В остальном – идеальная работа! Но в этом – сплошное уныние, которое со временем вылилось в беспробудное, а затем и в фиолетово-чёрное уныние, причём чёрного больше. И вот теперь скажите мне: могу я считать себя счастливым, если у меня замечательная жена, прекрасный ребёнок, отличная работа – но приходится каждый день вставать в 6:30?

Нет, позже вставать и быстрее собираться я не могу. Мне нужно обязательно принять душ, выпить кофе и плотно позавтракать. Впрочем, я знаю правильный ответ: конечно, я счастлив! Потому что даже если бы мне приходилось вставать в 5:30, я бы всё равно получал самое ценное в жизни – возможность каждое утро открывать глаза, видеть мирно спящих жену и сына и

понимать: *этого* больше никогда в истории вселенной не повторится со мной. Пей соки жизни жадно, как тиран, пьющий кровь народов! Ибо питье соков жизни одно оправдывает тебя перед Создателем: Он создал тебя для удовольствия от бытия! И если какой новый фашист придёт на мою землю войной и попробует зайти в мой дом – я ему выбью глаз вот этим самым ножом, которым я в данный момент мирно разрезаю яичницу, пока часы показывают 6:43. Теперь представляете, в каком настроении духа я иногда просыпался? И всё равно – я был определённо счастлив. Хотя иногда просто бывал.

Работа была разнообразная. Первую неделю меня посылали в основном на выставки – съёмки в спокойном режиме, напутать что-то сложно, общественный резонанс нулевой. Потом, когда поняли, что мне можно доверить что-то посерьёзнее, стали отправлять на стройки спортшкол, организацию посевных и заседания облдумы. Не могу сказать, что меня всё это прельщало. Но я старался сконцентрироваться на чистом искусстве – как подать текст так, чтобы он был интересным, вкусным и сочным, как чебурек изголодавшемуся за смену рабочему. Хотелось бы, конечно, готовить запечённую в фольге осетрину с лимоном, но из реконструкции развязок и ремонта котельных получались только чебуреки. Максимум – сдобные пирожки с рисом или картошкой.

Но я не унывал. Я знал: впереди меня ждёт большая карьера. Я уже видел собственный почерк, стиль, тематику. Мне хотелось как можно больше снимать музыкантов и впоследствии сделать музыкальное шоу. С этим подтекстом я даже напрашивался на разного рода концерты, репетиции, открытие новой сцены в филармонии. На приезд Мацуева меня, по малоопытности, не пустили. Но я и тогда не опустил руки и продолжать оттачивать мастерство на любом материале. В тот день это было открытие нового цеха на заводе по переработке рыбы.

За считанные съёмки отношение руководства ко мне изменилось с нейтрального на заинтересованное. Иногда меня ставили в пример, и внутренний мальчик во мне радовался. Хотя я понимал, что лучшая награда – это сегодня стать лучше себя вчерашнего. И я работал с бешеной самоотдачей. Каждый сюжет я проживал и передавал на суд зрителей, как будто мы засняли последний день Помпеи на телекамеру.

В прорыве трубы на Косой Горе я показывал затопление Николаевского собора в Калязине, после которого над водой виднеется только колокольня. В горящем мусорном баке перед обойной фабрикой в моём сюжете сверкали отблески Рима, подождённого Нероном. В спасении котёнка с дерева над киоском проглядывало спасение исчезающего вида кошачьих в дельте Амура.

Одним словом, я пытался быть настоящим поэтом, складывающим куски прозаических событий в разноцветную поэму жизни. И, как истинный поэт, сжигающий начерченные на салфетке стихи, я не посмотрел по телевизору ни одного своего сюжета. Иногда даже на монтаже я видел не всё, доверяя эту работу профессионалам. Некоторые, правда, посмеивались надо мной, видя во мне эрзац-Рафаэля, который доверял рисовать некоторые детали фресок своим ученикам.

– Ты не Рафаэль! – говорили они.

– Я Михаэль, – отшучивался я.

Как-то в коридоре генеральный директор остановил меня и по секрету сообщил, что, если я сохраню набранные обороты, через пару месяцев мне могут доверить новую музыкальную рубрику. В тот момент я был готов даже с учётом заведённого на 6 утра будильника назвать себя самым счастливым безо всяких оговорок. Неподдельное счастье продлилось ровно до дня зарплаты.

Когда на телефон пришло то злополучное сообщение, я был в предвкушении от предстоящей съёмки восстановленной церкви Покрова Богородицы на Миллионной улице. И надо же было так случиться, что именно в этот день у главного редактора помяли машину, а я пришёл разбираться по денежному вопросу. После слов «я по поводу зарплаты» я был послан в бухгалтерию, а там мне на голубом глазу ответили: тут нет никакой ошибки, это ставка корреспондента-стажёра.

– Двадцать шесть тысяч девятьсот рублей? – даже вскрикнул я от открывшейся несправедливости.

Девушка по работе с персоналом, которая организовывала для меня собеседование, с удивлением поинтересовалась:

– Михаил, а вы что, не спросили про зарплату, когда устраивались?

Я замялся.

– Нет, не спросил. Но разве мог я представить, что работник канала – можно даже сказать: лицо телевидения – получает жалкие двадцать семь тысяч.

– Михаил, не надо так! Деньги не бывают жалкими. Такую зарплату, как у вас, получает большинство корреспондентов. Некоторые из них работают не первый год.

Я не верил своим ушам.

– Это шутка, что ли, такая? Тут где-то скрытые камеры, и сейчас должны выйти люди с цветами и тортом? Куда мне сейчас поржать, в какой угол?

– Михаил, успокойтесь, пожалуйста!

Десять секунд я молчал, с выжиданием глядя на девушку. Поняв в итоге, что всё это не шутка и что люди реально работают за такие деньги по одиннадцать часов в день, я попросил бланк заявления на увольнение. Быстро и

размашисто написал его и отправился наверх, вручить его главному редактору с видом объявления войны.

Елены Сергеевны на месте не оказалось. Вместо неё одна из продюсеров пропищала, почему я до сих пор не выехал на съёмку. Ничего не ответив, я отправился в кабинет Вячеслава Сергеевича. Редактор оказалась там же, но она уже выходила, и щёки её горели геенной огненной.

– Кожаев, не до тебя сейчас!

Я не стал догонять её и буквально всучил заявление гендиректору.

– Ну уж если мой прямой начальник отказывает мне в секунде выслушать меня, то это придётся сделать вам. Я увольняюсь! Двадцать семь тысяч – это просто неуважение к человеческому труду. И не абы какому, а творческому, квалифицированному и продуктивному труду.

– Михаил, проходи! – он приобнял меня за рукав и мягко провёл из приёмной в кабинет, прикрыл дверь, спросил, в чём дело.

Только задним числом я понял, что он дал мне выговориться, выпустить пар. Затем – начал объяснять, положив моё заявление в ящик.

– Послушай, так все наши спецкоры начинали. Это государственная ставка, канал-то губернаторский, сам понимаешь. Что я могу предложить. После формальной стажировки, три месяца, я тебя оформлю по второму уровню, это тридцать три на руки. Сверху – надбавки за сверхурочную работу. Можем к утренним включениям тебя подключить, это ещё пять плюсом. Будешь получать сорок минимум. А через полгода оформим спецкором. А это пятьдесят и выше. Ну что, согласен?

– Нет, – коротко ответил.

– Нет? – удивился директор. – Сколько ж ты до нас получал?

Я немного помялся: говорить, не говорить?

– Сотню, – решил я.

– Сотню? – тут уж он по-настоящему поразился. – Это где ж столько платят? Кем ты работал-то?

– Главным редактором «Ерша».

– Да ладно! Серьёзно!? Чего это тебя к нам-то занесло?

По здравом размышлении я честно ответил:

– Подкупился на очарование телевидения.

Вячеслав Сергеевич молча кивнул. Видимо, знающий человек.

– Ладно, давай так, – сказал он. – Ты же всё равно эти две недели отработаешь?

Он указал глазами в сторону стола, куда убрал моё заявление. Я молча кивнул в ответ.

– По деньгам я тебе расклад дал. Если надумаешь – всё обещанное у тебя будет. А на нет и суда нет, просто уйдёшь от нас. И да – рубрику я за тобой задержу, будешь любимым делом заниматься, я так понимаю, ты музыку любишь. Ну что, договорились?

Он протянул ладонь, и я пожал её.

– Договорились.

Когда я вернулся в кабинет, на меня набросились продюсеры, чтобы я срочно выезжал на съёмку, потому что герой уже ждёт нас. Впервые за работу на канале я ответил без улыбки и впервые не побежал стремглав вниз, в водительскую. Вальяжно водрузил рюкзак на спину и пошёл в сторону кофейни, неторопливо попить латте, безмятежно воззряться на мятежные листья деревьев на порывистом ветру жизни.

Глава 58

Один из многих несчастных людей на земле

– Миша, ну что это такое? – редактор Евгения, замечательная и добрая женщина лет сорока, решила подойти ко мне лично. – Я тебя не узнаю просто! Такой хороший сюжет вчера у тебя вышел, а сегодня – как будто подменили... Ты ничего не рассказал про эту икону, которую отреставрировали к открытию церкви.

– Тип Одигитрия, Ярославская иконописная школа, предположительно – 1780-е годы. Отличительная особенность – младенец Иисус на правой руке Богородицы. Таких в мире всего три: в Эрмитаже, частной коллекции в Германии и у нас.

Редактор даже руками развела от удивления:

– Ну вот, вот! С этого и надо начинать! «Таких всего три в мире: в частной коллекции в Германии, в Эрмитаже и у нас в церкви... такой-то!». Ну? Что с тобой?

– Я перепишу, хорошо.

– Да, давай! Как раньше – с энергией, с энтузиазмом! Ты чего, сегодня каши недоел?

Я угукнул и отвернулся к ноутбуку. Энтузиазм ну никак не шёл. Равно как и вдохновение, и поэзия, и желание работать. Битый час я просидел над подводкой и первым закадровым текстом. Получилось ещё хуже, чем в первый раз, но уже поджимало время и мне надо было сдавать сюжет на проверку.

Евгения показала на место рядом с собой, и я присел в ожидании вердикта. Она быстро пробежала текст и разочарованно пробурчала:

– Миш, ну это ещё хуже, чем первая версия. Что с тобой?

– Да не стоит у меня сегодня! – выпалил я в акте признания.

Редактор заметно смутилась моему ответу. А я поймал себя на мысли, что, возможно, она впервые восприняла меня с гендерных позиций. Раньше был бесполой Миша да Миша – а тут вдруг оказалось, что у него всё, как у других мужчин. Впрочем, было некогда концентрироваться на этих домыслах, потому что Евгения начала переписывать текст сама, а с меня спрашивала значение тех или иных церковных терминов.

– Пятидесятница?

– Пятидесятый день после Пасхи, праздник Святой Троицы, – отвечал я. А, видя, что это не помогает связать части текста, пояснял ещё: – День, когда Святой Дух сошёл на апостолов. Формальное начало христианской Церкви.

– Вот, – кивала Евгения и вписывала это в текст. – Фелонь?

– Верхняя часть облачения священника.

Редактор медленно кивала и, по здравом размышлении, меняла в тексте «фелонь» на «облачение», «киот» на «оклад» и «евхаристию» на «причастие». «Какая профанация!» – думал я про себя и мне становилось всё противней оттого, что мы не учим зрителей новому, а потакаем их низкому уровню и нежеланию развиваться.

«Что ж такое! – думал я. – Неужели и здесь не найду я себе приюта и возможности делать действительно качественные вещи для блага людей? Кем я буду работать в Крыму, таксистом?».

Эти мысли нагнетали мигрень над правым ухом, и я беспощадно тёр себе кожу на голове. То, что в скором времени мы будем в Тавриде, уже воспринималось как данность, я даже не обратил на это внимания. Равно как тот факт, что не останусь здесь дольше положенных двух недель.

В тот вечер Евгения переписала весь текст за меня. Я ушёл поздно, расклеенный и понурый. На следующий день я хотел специально опоздать, но не получилось: автобус пришёл сразу же, как только я оказался на остановке, и пробки были как будто меньше. Но работал я откровенно спустя рукава. Точнее, не так. Отныне я не пытался исправить то, что не было моей личной ошибкой.

Судите сами, если нам назначили съёмки в разных частях города с разницей в тридцать минут – разве это моя вина? Раньше бы я договорился с водителем выехать пораньше, а оператору дал бы указания, что снимать сразу, чтобы не тратить на это время после интервью. Но теперь я тупо ехал в одно место и работал там столько, сколько было нужно для записи материала для хорошего сюжета. Мне звонили, на меня кричали: почему я опаздываю на второе место? Я отвечал, что надо было договариваться с учётом того, что нам только на дорогу нужно полчаса – за сколько же снимать первый сюжет, за минуту?

Мною были недовольны, на меня жаловались руководству, но меня это теперь ничуть не трогало. Как будто между сердцем и кожей выросла броня, не допускавшая до души склочные мелочи рабочих будней.

У меня спрашивали: сколько людей на домашнем аресте обошли полицейские в прошлом месяце? Я отвечал: ни у кого нет такой информации, потому что статистика ведётся по отделам, я был только в одном из них, а в городском МВД встречу не согласовали. На что мне перечили, что это я не умею добывать сведения. Поэтому в следующий раз я просто выдумывал цифры из головы:

88 хозяйств по сбору мёда действует в этом году в регионе (а откуда я возьму сведения обо всех пчельниках, если мы были только у одного?),

23 незаконных граффити нанесли болельщики приезжавшей на выходных футбольной команды (это что, какой-то городской архивариус обошёл за ночь все улицы и зафиксировал все факты вандализма?),

144 тысячи тонн гречихи засеяли на ста гектарах сельхозугодий (ага, так вот все руководители колхозов области взяли и выдали все карты по объёмам одному фермеру, с которым мы общались).

Понемногу мне даже стало казаться, что все корреспонденты так делают. Ну действительно: откуда врач районной больницы может знать, сколько рук сломали пожилые люди во всём регионе с начала месяца? Абсурд. И если раньше я пытался докопаться до самой сути – звонил в областной минздрав, докучал сообщениями руководителям пресс-службы, обращался за статистикой в ведомства, работающие с электронными обращениями, – то теперь просто забил болт.

Вообще, это нужно умудриться пройти путь от полёта и восторга до полного безразличия за каких-то пятьдесят дней! Но это уже ужас просто – как люди работают за такие деньги? Да я лучше улицу буду мести – даже дворнику, наверно, больше платят, если он несколько дворов обслуживает. И это будут самые чистые, просто вылизанные парковки, подъезды и детские площадки. Потому что человек должен получать зарплату, соразмерную его пыли и желанию делать свою работу максимально хорошо, с вдохновением, с песней! А вот эта голытьба из пустого в порожнее – тьфу просто.

Прощальная неделя вышла в этом плане буквально образцово-показательной. Со знаком минус, конечно же.

В понедельник мне дали оператора-стажёра – самого медленного среди всех подмастерьев. Я уже снимал с ним один сюжет. Тогда я решил его не торопить и битых полчаса общался со студентом-победителем олимпиады программистов. Я узнал про этого парня всё: кем работают его родители, где живут его бабушки и дедушки, за сколько он снимает квартиру, какую кухню

любит его девушка. Я записал и запомнил тысячу терминов разработки: скрипты, стили, эскьюэль, джей-квери, фреймворк, эс-эс-аш, вэ-пэ-эн. Я даже написал кусок кода, который сработал на тестовой площадке, где студент проверял свои наработки.

И вот, раздувшись, как бочка, от всей этой информации, я подхожу к оператору и спрашиваю:

– Сколько видео ты успел снять?

По-хорошему, нужно 70, но про себя я думаю: будет 50 – свернёмся и поедим на базу. И вот стажёр поднимает на меня бессмысленные рыбьи глаза и отвечает, как ни в чём не бывало:

– Я ещё ничего не снимал. Я примеривался.

Я еле сдержал себя, чтобы не вмазать ему коленом в пах, а потом сломать ему о голову штатив. Помнится, я впервые за телекарьеру закричал благим матом и в сердцах выпалил, что даже человек с улицы быстрее бы научился выставлять камеру и нажимать на кнопку. Оператор очень обиделся. Он сколько-то лет где-то учился и теперь считал, что начинает великую карьеру. Мою критику он воспринял как святотатство. В тот день он снимал два с половиной часа, и за это время успел сделать почти 30 видео. Я был в полном унынии. И вечером с большим трудом мы смонтировали сюжет, так как наснимал он полную бурду. Теперь этот стажёр снова поехал со мной на съёмку.

– Михаил, что мы сегодня снимаем? – он обращался ко всем на вы и подчёркнуто уважительно.

– Сегодня мы снимаем последствия вчерашнего пожара в частном доме, в пригороде. Нам обещают жильца, который сегодня ночевал в актовом зале школы, пока каникулы. И соседа, с которым они выпивали. Короче, пишем интервью двух алкашей и пепелище. Кажется, всё просто, не правда ли? – я лукаво покосился на него.

Он задумался. По опыту я знал, что это мнимая задумчивость. Он сначала глубокомысленно посмотрит на небо, а затем спросит какую-нибудь чушь. Так и случилось.

– А соседа мы снимем внутри сгоревшего дома? – спросил Лёва – так звали горе-стажёра.

– Как ты думаешь, Лёв, – как можно более мягко начал я, – а если дом сгорел до основания, так что стены завалились? Ты будешь на руины соседа загонять. А если дом устоял, но в него опасно заходить, потому что крыша может обвалиться? Ты будешь его внутрь загонять? А если сосед за хлебом пошёл и мы найдём его на другом конце деревни? Ты тоже его потащишь к сгоревшему дому?

Повисла пауза, которую, как ни в чём не бывало, нарушил Лёва.

– Это не работа оператора заводить куда-либо спикера – это ваша обязанность, Михаил.

Ошарашенный таким наглым ответом, я даже не нашёл, что ответить. А стажёр продолжил:

– Я спросил для того, чтобы предварительно понять, как идеально выстроить композицию. Но если вам всё равно, каким получится видеоряд сюжета, то я больше не буду ничего спрашивать.

Я был поражён ещё больше.

– Лёва! – я начал терять терпение. – Ты снимал студента-программиста три часа. И наснимал такого шлака, что Катя, монтажёр, приложила все свои умения и опыт, чтобы сделать из голубинового помёта птичье молоко!

Александр Юрьич, водитель, который вёз на съёмку, не удержался и захихикал в седенькие усы. Ему было жаль беднягу стажёра, на которого все постоянно бухтели. Но когда он слышал, какие разноплановые и неожиданные косяки он допускал, то не мог сдерживать смех.

– О какой идеальной композиции ты говоришь, если ты снял семь одинаковых видео с общим планом квартиры? Ну ты сними сначала рабочий стол – потом, как он тербит компьютерную мышку, – кусок кода на мониторе – задумчивый взгляд студента. Это же очевидные вещи, Лёв.

Он посмотрел мне в глаза, но тут же отвёл взгляд, сделал вид, что проверяет флешку в разъёме. А я уже не мог остановиться.

– Это всё равно, что нашу дорогу на съёмку снять на видеорегистратор: вот едем и едем. Кому это будет интересно? А ты сними сначала, как Александр Юрьевич проверяет давление в шинах. И сразу начало напрашивается, как он говорит: «Две и две атмосферы – можно в путь!». И я сразу за кадром подхватываю: «Именно такое давление должно быть в шинах для безопасного и комфортного движения по загородной трассе. Такую проверку Александр Киселёв проводит каждое утро перед выездом в рейс. Привычку выработал ещё в армии, когда служил в автороте. С тех пор – на легковушках, грузовиках и автобусах – накатал почти два миллиона километров. Сегодня предстоит небольшой путь – всего 80 километров. Но Александр Юрьевич знает по опыту: пренебрегать безопасностью нельзя даже в самой простой поездке».

Я привстал на сиденье, изображая микрофон перед губами:

– Достаточно на след от масла попасть колесом, и машина становится неуправляемой. Я, поэтому, не понимаю молодёжь, которая в любую погоду летает как угорелые. Что дождь, что гололёд – едут на пределе. А врачи потом собирают по косточкам.

– Вот! – подтвердил Александр Юрьевич и поднял палец вверх. – Золотые слова, Мишаня! Ну вот дождь зарядил – ну сбрось ты скорость до восьмидесяти. Нет, сто десять все летят. А тут ведь не магистраль. На повороте осью в занос пошёл – всё, под «Камазом»!

– Ну к чему вы всё это! – взмолился Лёва. Мне было его жалко. Но ведь я-то сам не должен страдать от непрофессионализма другого.

– Да к тому, Лёв, что сюжет чувствовать надо. Ну откуда я знаю, на каком фоне мы этого соседа снимать будем. Может, его и не будет, потому что продюсеры опять всё напутали. Значит, будем договариваться и снимать главу администрации, или представителя МЧС, или бабушку на улице, которая расскажет, что в этом доме всегда были песни и пляски. Подстраиваться надо уметь под обстоятельства, адаптироваться, понимаешь? Вот едем и, не дай Бог, авария на пути – фура перевернулась на обе полосы. Что ты думаешь: Александр Юрьевич остановится и будет ждать, когда её уберут? Этак мы до завтра тут прокукуем. А он развернётся и объезд найдёт какой-нибудь. Или по полю проедет, благо машина позволяет. У нас с тобой идеальная ситуация: мы снимаем пожар, который уже потушен. Не надо никуда спешить, можно всё не торопясь снять. Но и этот момент тоже надо не профукать, а то вместо пепелища уже отстроенный особняк снимем. Понял?

Лёва опять задумался. Я верил, что он скажет что-нибудь умное.

– Михаил, так что мы снимать будем: сгоревший дом или отстроенный особняк?

Усы Александра Юрьевича завибрировали от гомерического хохота:

– Мишаня, удача тебе!

– Что смешного, Александр Юрьевич? – нервничал Лёва, но водителя уже не мог остановиться от приступов смеха, которые стихали постепенно, как волны от брошенного в озеро камня.

С того момента всё пошло наперекосяк. Ну вот прямо *всё*. Знал ли я тогда, что всю неделю – в понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу – мне предстояло отработать с Лёвой. Что это, как не плевок со стороны руководства? Такая подстава заставила меня бесповоротно решить об уходе. Несмотря ни на что я уже не останусь здесь: ни если мне поднимут зарплату до наивысшего уровня, ни если мне дадут собственную передачу, ни если мне клятвенно пообещают, опустив ладонь в живот зарезанного барана, что никогда больше не будут отправлять меня на съёмки с Лёвой. Это был настоящий рукотворный ад, который только можно придумать в процессе постановки палок в колёса.

Началось всё с того, что я просто гениально поймал на улице соседку погорельца. Я включил микрофон и подошёл к ней, чтобы просто пообщаться. Увидев камеру, пожилая женщина наотрез отказалась что-либо

комментировать. Тогда я заверил её, что мы ничего не записываем, повернулся к Лёве и демонстративно махнул рукой вниз, чтобы он ничего не снимал. А затем минут за пять выпытал у женщины всё: сколько гостей приходило к её соседу, как громко они слушали музыку, как часто дрались, курили ли они во время попоек. Она выдала его буквально с потрохами. Довольный, я вернулся к машине и спросил у Лёвы, удалось ли ему выбрать хорошую позицию для съёмки.

– Михаил, – удивлённо ответил он, – но вы же сказали не снимать!

Александр Юрьич буркнул «оу» и пошёл в сторону, чтобы я не задел его брызжущей слюной.

– Лёва, ты оператор телевидения или благородная девица? Ну какой-то профессиональный нюх у тебя должен быть, в самом деле! Неужели сложно встать в уголочке, направить камеру в нашу сторону и поглядывать на картинку на дисплее. Он же специально сделан поворотным! – я покрутил экранчик из стороны в сторону. – Ну ёлки-палки, Лёв, просто слов нет. Тьфу! Ну что, что ты сказать хочешь?

– Михаил, будьте, пожалуйста, аккуратней с дисплеем, там тонкий провод, и он бликует от жирных пальцев.

Я хотел было промолчать – так было бы правильней, – но я философски заметил:

– Лёва, иди ты в жопу!

Туда в тот день пошло всё. Интервью мы сняли блестяще – вот только уже на монтаже выяснилось, что без звука, и пришлось звонить специалисту и упрашивать его внеурочно вытащить звуковую дорожку. Сгоревший дом Лёва снял с пересветом, и мне сказали, что все эти кадры можно смело выбросить в ведро. Пожарную машину он снял только крупными планами, так что даже непонятно было, что это за модель, большой ли у неё резервуар. Зато как вода вытекает из шланга – пожалуйста, с семи разных сторон, даже с приближением. Одним словом, весь понедельник можно было смять и выбросить в мусорное ведро. А ведь каждый день должен быть во славу Божью!

Во вторник, как назло, мы повернули не на той развязке, потому что Лёва уверенно сказал нам, что ехать надо вот тут, и мы задержались у железнодорожного шлагбаума, были вынуждены возвращаться по пробке в обратную сторону и в итоге опоздали к герою сюжета. Он не стал нас дожидаться и уехал по своим делам. Мне пришлось самому искать замену, и самой сильной подмогой для меня стал оператор:

– Михаил, ну вы не расстраивайтесь! – по-доброму сказал он, как будто не был виновником этой ситуации. Мне хотелось выхватить у него штатив и врезать им Лёве в челюсть.

С огромным трудом я нашёл на улице человека, который согласился попозировать с бумажкой в руке вокруг чужого автомобиля: мы снимали сюжет про ошибочно выписанный штраф, когда камера распознала букву «с» на грязном номере как «о». И вот мы стоим со случайным прохожим, который под видом постановления рассматривает мою распечатку, у чужой машины, на которой номера достаточно грязные, чтобы принять букву «с» за «о», – и на фоне всей этой фанерной вакханалии Лёва заявляет:

– А вы не могли бы сесть и выйти из машины, чтобы я снял лайф?

Прохожий с моей распечаткой в руке, воззрился с удивлением сначала на оператора, потом на меня. Мол, ребята, а вы точно с телевидения?

– Лёва! – окрикнул его я. – Просто нажимай на кнопку и снимай! Снимай всё, что можешь, с разных ракурсов! Потому что ты в шесть уходишь домой, а мы до девяти сидим с монтажёром и копаем архив, чтобы найти людей на улице, здания в дождь и всё то, что ты *не* снял, пока раздумывал о лайфе или композиции.

Лёва в очередной раз обиделся. Хочется верить, что именно из-за этого он наснимал всей той белиберды, которую я обнаружил, когда просматривал материал на базе. Так мы в итоге и выпустили вечером сюжет, в котором блестяще снят брызговик остановившегося рядом троллейбуса, зато номер машины нашего героя пришлось приближать, так как Лёва снял его с расстояния вытянутой вперёд Эйфелевой башни. Что у него в голове?

В среду за этот сюжет Елена Сергеевна меня отчитала. Я ещё удивился: неужели она забыла, что в пятницу я ухожу? Что она этим хотела сказать? Пожурить перед коллегами? Так это бессмысленно. Переубедить меня остаться? Вообще бред. Короче, я так этого и не понял.

В тот день продюсеры отправили нас с Лёвой на съёмку по неизвестному адресу. Буквально так и сказали: выезжайте в сторону ж/д вокзала, мы тебе в процессе скинем всю информацию. Так как мне уже было всё, скажем так, безразлично, то я не стал задавать наводящих вопросов, стоически собрал команду и направился вперёд.

По пути никаких сведений мне не переслали. Уже на месте я перезвонил, спросил, что к чему, – тоже ничего. Так мы полчаса посидели на лавочке, сходили за водичкой, посчитали число вагонов в грузовом составе. Затем мне поступил звонок от редактора:

– Ну что, Миш, готов? – бодро поинтересовалась Евгения. – Выставились?

– Эмм, что? – удивился я. – Мы до сих пор ждём задания от продюсеров.

– Миш, ты что! У тебя через пять минут прямое включение про приезд Гергиева!

Я сразу перешёл в напряжённый рабочий режим.

– Где он сегодня выступит и с какой программой?

– Сейчас уточню... В городской филармонии, с оперой Мусоргского.

– С какой? – я повысил голос.

– Я не знаю... Ты точно сможешь спрямиться? – Это был такой сленг: выйти в прямой эфир. – Может, отменить включение?

– Нет, я буду готов! – ответил я и повесил трубку.

Затем созвонился со студией, чтобы слышать ход эфира и задаваемые вопросы, и показал Лёве, где ему нужно встать.

В точности по расписанию, в 12:02, на платформу прибыл поезд, из которого полминуты спустя вышел маэстро. В этот момент я услышал в наушнике, как Евгения начала рассказывать про гастроли Мариинского театра. Сердце моё отчего-то забилось, как никогда прежде. Женя спросила: «Передаю слово нашему корреспонденту Михаилу Кожаеву. Михаил, расскажи, что сейчас происходит на Октябрьском вокзале?».

– Добрый день, Евгения! Точно по расписанию, в двенадцать ноль две, на третью платформу прибыл поезд с труппой знаменитого Мариинского театра. Сейчас вы можете видеть, как из вагона вышел Валерий Абисалович. Несмотря на тёплую и ясную погоду, он одет в строгое серое пальто. Ближайшие пару часов у маэстро свободное время, которое он может посвятить прогулке по историческому центру нашего города. Но уже в четыре часа его ждут в филармонии, на репетиции великой оперы Мусоргского «Борис Годунов». Напомним, именно с этой оперой Валерий Гергиев выступил в августе две тысячи восьмого в разгромленном танками Цхинвале. Символизм повторения этой оперы определяется ещё и тем, что «Борис Годунов» посвящён событиям, посвящённым годам в истории России непосредственно перед Смутным временем. А Валерий Абисалович неоднократно заявлял о поддержке внутренней и внешней политики России, особенно в контексте последних событий. Впрочем, музыка остаётся вне политики. И все любители классической музыки смогут убедиться в этом сегодня в семь вечера. Первая скрипка – Ольга Волкова, виолончель – Олег Сендецкий, альт – Динара Муратова. И, конечно, дирижёр, народный артист России, маэстро Валерий Гергиев. Приходите и окупитесь в магию музыки! Евгения?

– Да, спасибо, Михаил! – я кивнул в ответ и продолжил неподвижно стоять на месте, так как некоторое время корреспондентов ещё показывают на экране, а они начинают ковырять в носу. – Только что мы увидели, как на перрон Октябрьского вокзала вышел Валерий Гергиев. Интервью с дирижёром смотрите в нашем вечернем выпуске. К другим новостям.

Я отключил телефон. Водитель – двухметровый Гриша, тонкий, как провод, – спросил жестами: закончили. Я ответил, что да.

– Откуда ты всё это узнал?

– В интернете, – ответил я, отключая микрофон и проверяя уровень его заряда. – Пока Лёва настраивался, прочитал, что успел.

– Михаил, а вы что, разве не готовились к включению?

Я махнул на него рукой. Неужели в мире действительно существуют клинические олигофрены? Ведь это реально – малоумие какое-то. Ведь человек рядом с нами стоял, полчаса балду пинал, вагоны считал. Неужели можно быть настолько оторванным от реальности, чтобы не понимать таких очевидных вещей?

Вдруг я поймал себя на мысли, что за совсем короткое время сам стал Славой. В том смысле, что повторил то, что делал он в первый день моей стажировки, – вышел в прямой эфир, не имея ни малейшего понятия о том, что и как говорить. Так же, как и он, я за считанные минуты науглил информацию в интернете и смог сделать смысловую связку, чтобы во включении была хоть какая-то перчинка, а не пресный полуфабрикат.

Как жаль, что тут так мало платят. Мне реально нравилась эта работа, и я смог быстро адаптироваться к разным, в том числе неожиданным условиям. Может быть, у Славы и развился здоровый пофигизм, потому что он привык к тому, что никто не говорит, на какую съёмку едем. К тому, что иногда отвечают, что всё сказали предыдущему корреспонденту. К тому, что вы снимали про одно, а оказывается, что сюжет про совсем другой аспект, чем было в задании.

Впрочем, теперь мне уже было всё равно. Я посоветовался с Гришей, куда нам лучше съездить пообедать, и мы пошли к машине.

– Михаил, – крикнул мне через площадь Лёва, – здесь мы больше не будем снимать?

Сущий ребёнок, промелькнуло у меня в голове. Мало ли – действительно, он так и не вырос и не понимает происходящего? Я вернулся к нему, взял за рукав и объяснил:

– Нет, Лёв, больше снимать не будем, – под руку я повёл его к парковке. – У нас сейчас было прямое включение, мы всё рассказали в прямом эфире, на этом всё. Теперь мы поедем пообедаем и будем ждать задания по новой съёмке. А если продюсеры нам ничего не скажут – поедем на базу и будем там. Понял?

– Понял! – ответил он и улыбнулся, как испуганный телёнок – мужику, который пришёл отвести его на пастбище. И впервые он ответил мне просто, без этого раздражающего «Михаил».

После обеда, не получив никакого задания, мы вернулись на базу.

– Ты что здесь делаешь? – чуть ли не крикнула на меня Елена Сергеевна, едва я переступил порог. – Ты же должен снимать сюжет про Гергиева. У него как раз сейчас пресс-конференция.

Она посмотрела на часы, чтобы убедиться в своей правоте, и пронзительно воззрилась на меня.

– И кто мне об этом сказал? – спросил я в ответ и тоже повысил голос. – Сначала посылают на вокзал, мол, перешлём тебе задание, а потом выясняется, что у меня прямое включение. А теперь оказывается, что у нас ещё сюжет по нему.

– О чём ты говоришь! – перебила меня Елена Сергеевна и прибавила непечатное слово. – Алёна тебе с утра переслала всю информацию и контакты. Алён, ты ведь отправила?

– Конечно, Елена Сергеевна! – ответила та и показала на экране набранное в контакте сообщение. Мы втроём приблизились к экрану и одновременно поняли, что оно не доставлено: Алёна просто забыла нажать «отправить». – Ой!

Я развёл руками, мол: сами такой цирк развели. А Елена Сергеевна сначала накричала на Алёну, после чего перешла на мою личность.

– А ты сам – взрослый человек – не мог догадаться, что что-то здесь не так? Не мог перезвонить и спросить: Алён, а может – есть какая-то информация по сюжету?

– А я так и делал! – хладнокровно ответил я, не реагируя на агрессию, так как не чувствовал в случившемся ни капли своей вины. – Я звонил и спрашивал: Алён, а может – есть какая-то информация по сюжету? И она отвечала: мы сейчас договариваемся со спикерами, я тебе отправлю в контакт.

– А по включению ты не догадался, что будет сюжет?

– Знаете, я не ясновидящий, чтобы догадываться о таких вещах! Почему вы не догадались надеть жёлтое платье? Ведь я четвёртый день подряд езжу на съёмки с Лёвой! Вы что, не видите здесь прямой связи?

– Что ты несёшь, Кожаев! Пошёл вон!

– Слушаюсь! – я развернулся и пошёл прочь. Домой. Второй раз в жизни я шёл в послеобеденное время по городу, по которому гуляли каникулярные школьники и студенты, сидели вокруг фонтанов и ели мороженое, как в какое-нибудь застойное советское время. Противно до ностальгии. Хотя кому я вру – я был счастлив вернуться пораньше и побыть с семьёй. Прогуляться с Лёшкой, попить чаю с Катей. Счастье – оно в половине рабочего дня, которую тебе раз в год дарит судьба.

Катя обрадовалась моему раннему возвращению, а Лёшка – тот и вовсе бросился мне на шею и целовал меня сто сорок раз. Они готовили на кухне панкейки, и Лёшка выдал маму:

– Знаешь, что, папа? А ведь мама не фотограф. – Он грозно показал на неё пальцем и громко добавил: – Она повар!

Впоследствии выражение «ты не фотограф – ты повар» я стал использовать, когда хотел похвалить приготовленные Катей блюда.

В пятницу наступил мой последний рабочий день на телеканале. Все ждали, что с утра меня отчитают за неподготовленный сюжет, но не произошло ровным счётом ничего. Зато в пятый раз за неделю меня отправили на съёмки с Лёвой.

– Михаил, что мы сегодня с вами снимаем?

Мне натурально стало легче от осознания, что я слышу этот дурацкий вопрос последний раз в своей жизни.

– Мы едем, – я подглядел в телефон, – на Вильямса, 38.

На этих словах водитель кивнул, что услышал адрес, и тронулся в путь, а я продолжил:

– К Артёму... Безногому. Надо же, какая фамилия. Сюжет про то, что управляющая компания поставила в двенадцати подъездах многоквартирного дома пластиковые окна. И теперь не хватает денег на ремонт крыши, и с жителей собирают по три тысячи. Вот такой у нас с тобой высокохудожественный сюжет сегодня.

– Почему высокохудожественный? Там какая-то особенная архитектура дома?

Мы одновременно с водителем с удивлением воззрились на Лёву. Всё-таки есть такие многогранные люди, к глупости которых никогда не привыкнешь. Вот вроде бы всего ожидаешь от человека – уже вдоль и поперёк его извилины пройдены. Но нет – есть ещё области неизведанного, куда могут проникать бездонные щупальца невежества.

По указанному адресу нас встретил скромный и вежливый парень, мой ровесник или даже чуть младше меня. Он предельно чётко и по делу рассказал о проблеме, подготовил все документы, пояснил содержащиеся в них сведения. Позировал именно так, как надо, правильно следовал нашим инструкциям. Мы записали филигранное интервью с первого раза. Одним словом, впервые за мою короткую работу корреспондента мне попался идеальный герой. Мы очень душевно пообщались. Мне даже было жаль прощаться с ним. И видя, что Лёва пошёл снимать общий план – а это занимало у него три-четыре тысячелетия, – я решил ещё немного поболтать. И вдруг.

– Вы же догадались, что Безногов – мой псевдоним?

– Прощу прощенья! – опешил я. Мигрень, понемногу утихшая после Лёвиных вопросов, с неожиданной силой вернулась вновь. Кто же в здравом

уме будет менять любую фамилию, какую бы она ни была, на Безногова? – А как ваша настоящая фамилия?

Артём посмотрел на меня с такой обидой, которая могла бы закрыть от солнца целый микрорайон.

– Как? А вы разве не видите? – он указал ладонью на своё лицо и повернулся в профиль. – Путин моя настоящая фамилия. Я специально сменил её, чтобы не смущать жителей дома. До сих пор многие не догадываются, что я сын Путина.

– Вы сын Путина?

– Ну конечно! Иначе зачем бы я звонил на телевидение и требовал сюжет? Я специально выискиваю и фиксирую проблемы, чтобы власть на местах их решала. В свою очередь я собираю подробную статистику и отправляю её в центр. Вот, посмотрите.

Он достал сальный лист бумаги, криво сложенный вчетверо. Внутри всё оказалось исписано мелким почерком. Невзирая на абсурд ситуации и не взирая на меня, Артём начал зачитывать:

– Наценка двести пятьдесят процентов на вывоз твёрдых бытовых отходов. Неучитывание зон эс-эн-тэ при выставлении счетов за электричество для частных домовладений. Завышение температурных показателей в отопительный сезон. Фиктивные влажные уборки подъездов, которые попадают в счета для оплаты. Использование краски не по ГОСТу при окраске железных дверей подъездов. Навязывание управляющей компанией услуг по установке видеонаблюдения. Откаты за установку соответствующего оборудования «своим» подрядчикам. Установка кондиционеров без согласования перепланировки.

Чем дальше, тем больше у меня в голове складывалась картинка, что поезд врзался в стену и вагоны вминались друг в друга, ещё и ещё, вагон в вагон, новый на новый, ещё один вагон – уже целая их куча высотой с небоскрёб, а они всё врзались и врзались:

– Незаконное перекрытие доступов в подвальные помещения. Монтаж балконов, выступающих от стены на расстояние более одного метра, с использованием металлоконструкций, упирающихся в низшие этажи. Прокладка интернет-провайдерами кабеля вне пластиковых коробов. Допуск к ящикам для писем рекламных агентов. Заезд зоны разгрузки соседнего магазина на придомовую территорию.

Мой мозг уже был неспособен представить такое количество вагонов. Некоторые из них начинали взрываться, а столкновения всё продолжались.

– Да, Артём, спасибо! К нашему сюжету это не имеет прямого отношения. Я обязательно передам редакции эту информацию. А пока что мы вынуждены ехать на другую съёмку...

– ...как вы передадите? – перебил он меня. – Вы же ничего не записывали. Вот, сфотографируйте!

Он заставил меня сфотографировать и листок, и несколько других документов.

– И это только то, что на поверхности, что очевидно!

В его глазах мелькнул нездоровый блеск. И он продолжил перечислять мне все обнаруженные им нарушения гражданского законодательства, загибая поочерёдно по сорок пальцев на каждой из четырёх своих бесконечных рук.

Вот такой за идею и убить сможет, мелькнуло у меня в голове. Поэтому я решительно начал открещиваться от него, но болтун не отставал. Он преследовал меня вплоть до оператора. Лёва – мать его! – попросил ещё хотя бы пятьсот лет, чтобы снять дом с другого конца, но я с силой схватил его за локоть и буквально потащил к машине. Всё это время Артём продолжал бухтеть. Даже когда мы сели в салон и я плотно закрыл все окна – даже тогда он продолжал что-то зачитывать с бумажки. Уезжать пришлось, как с погромов на Манежной площади.

– Михаил, почему вы не дали доснять общий план? – обиделся Лёва.

Водитель, который выезжал на машине, задерживаемый ста восемью руками болтуна, захихикал.

– Потому что этот человек начал меня доставать, какие ещё проблемы мы должны осветить на канале. – Я решил объяснить всё, как ребёнку. – Неужели ты не слышал, как он зачитывал и зачитывал все обнаруженные им недочёты в работе коммунальных служб, управляющей компании, подрядчиков. Надо, кстати, записать его номер, чтобы случайно потом не ответить.

Я потянулся к телефону, но Артём опередил меня. Так как я с утра сделал несколько звонков, то я не был уверен, что это именно он, а не кто-то действительно важный, с кем созванивался до этого. Пришлось брать трубку. Это оказался он. И тут же продолжил сыпать другими пунктами, которые оказались у него на другом листочке. Я выслушивал минуты две и окончил разговор натянутой отговоркой, что мне звонят из редакции. В тот день он звонил мне ещё пять или шесть раз. Наученный горьким опытом, я, естественно, не отвечал.

Последний день на работе прошёл неожиданно легко. Текст сюжета утвердили практически сразу. Кроме того, один из монтажёров оказался свободен, и мы быстро собрали сюжет и отдали его режиссёрам вещания. Я сходил в магазин, купил шампанского и конфет. И вот тут выяснилось самое

интересное. Оказалось, что Елена Сергеевна ни сном ни духом не знала о моём уходе. «Как же так? – думал я. – Неужели она забыла тот разговор две недели назад?». Да, забыла. Или слишком занята была вмятиной на машине или что там у неё случилось.

– А Вячеслав Сергеевич в курсе? – всполошилась она. – Ты всё для себя решил?

– В курсе. Он подписал заявление. Для себя всё решил.

Она на секунду задумалась.

– Если не секрет – почему ты так быстро решил уйти?

– Зарплата, конечно! – выдохнул я. – Ну это же крепостное право, только в профиль. Что вы, в самом деле? Это же не просто за еду работа – на оплату квартиры денег не хватает. Это так – свести концы с концами, а не работа.

– Ну а ты не знал, куда шёл?

– Нет, не знал. Я забыл спросить.

Елена Сергеевна усмехнулась.

– И куда ты уходишь?

– Домой, с женой и ребёнком время проведём.

Вокруг все захихикали.

– Да на работу на какую уходишь? Дурында!

– На работу? – я на секунду задумался. – Ни на какую. Продадим здесь квартиру, купим дом в Крыму и переедем на море!

Женская часть комнаты романтически у-у-укнула, как будто у меня на руках оказался мурлычущий котик.

– Серьёзно? Молодцы! А там куда устроишься?

Тут я задумался больше, чем на секунду.

– Гм. Я пока не думал об этом. Может быть, экскурсоводом. Буду рассказывать туристам про достопримечательности Крыма.

О будущей работе я действительно не думал до этой минуты. Но моё лукавство заключалось в том, что один знакомый договорился с издательством опубликовать мою книгу. На понедельник у меня была запланирована встреча с издателем, и я рассчитывал на несколько миллионов гонорара. Конечно, фантазия рисовала мне горы золота, но, в целом, по скромному раскладу, миллиона три меня бы устроили. С ними я бы легко устроился на низкооплачиваемую работу и просто получал удовольствие от жизни в земном раю. Так мне рисовалась ближайшая перспектива жизни в Крыму. А дальше видно будет. Разумеется, всеми этими раскладами я не торопился делиться с чужими. Поэтому Елена Сергеевна, которая тоже ничего этого не знала, заключила своё прощание со мной следующими словами. Мне показалось, они касались указательным пальцем ноги озера сарказма:

– Да? Ну что ж, удачи тебе, Кожаев! – недоброжелатели почему-то всегда обращаются ко мне по фамилии. – Будешь в наших весях – заходи! Расскажешь о достопримечательностях Керчи.

Последующий час я прощался со всеми сотрудниками канала. Обнимался, жал руки, угощал шампанским и конфетами. Водителям проставил небольшую поляну на улицу и на вечер – была же пятница – заготовил им две бутылки косогорова самогона. С лёгким сердцем, наконец, я со всеми распрощался и поехал домой.

Глава 59

В полный рост

Дома, во дворе, я встретил машину Юли – Катиной крёстной. Это было очень странно, так как они жили за сто километров и к нам приезжали редко, потому что постоянно работали. Оказалось, что Юляша – мы звали её так – приехала к нам вместе с подругой Любашей. Когда мы вдоволь нарадовались друг другу и расцеловались, выяснилось, что гости нагрянули к нам с ночёвкой. И привезли с собой двухлитровую бутылку домашней настойки на ягодах.

Что ж, гулять – так гулять! Праздновать въезд в новую жизнь – значит праздновать! На всю катушку, в полный рост! Ведь мы можем жить в полный рост!

– Тебя можно поздравить? – спросила Юля.

– С чем? – удивился я.

– Как с чем! С тем, что устроился на телевидение! Сегодня будет твой сюжет?

Я взглянул на часы.

– Да. Через пять минут, кстати. Вы ещё поздравить не успели, а я уже уволился. Сегодня последний день отработал, вот трудовую книжку взял.

– Как так? – разочарованно воскликнула Любаша и даже изменилась в лице. – А мы всем рассказали, мол, родственник на телеке работает, смотрите!

Я развёл руками.

– Всё, баста! Сворачиваем лавочку и уезжаем в Крым!

– Решились?

– Да! – я ответил и за себя, и за Катю. – На следующей неделе доделываю свои дела и выставлю квартиру на продажу. Так что, возможно, последний раз здесь сегодня встречаемся.

– Серьёзно? – серьёзно спросила Катя.

– Серьёзно, – серьёзно ответил я. – Юляш, наливай! За бренность тоненькой нити человеческой судьбы. Вечно лишь веретено, на котором мы плетём ткань своей жизни.

Повисла небольшая пауза – я подумал, от восхищения приступом поэзии. Но был неправ.

– Ты имел в виду прялку? – уточнила Юляша.

– Веретено – это ручное приспособление для прядения, – прояснила Любаша. – А нить так и называется – пряжа.

– Сразу видно: городской парень!

– Ага, интеллигент хренов.

Конечно, они меня стебали, но я оказался не готов и засмутился. Тут ещё и Катя включилась в игру:

– Тьфу на тебя, невежа!

Одновременно три девицы отвернулись от меня и пошли на кухню. Лёшка, который до этой сцены безмятежно играл на полу, подскочил и замер. Видимо, решив, что я обидел девочек, он разозлился и ударил меня пяткой по ноге. Попал прямо по большому пальцу, так что меня даже подкосило. Но никто – никто из девиц не обернулась на произошедшее. «Всё-таки хорошую семью я воспитал, – подумал я, корчась от боли в коридоре, – правильной дорогой идём, товарищи!».

Всё, конечно, объяснилось и встало на свои места. Женская часть семьи рассказала Лёшке, что они просто подшутили над папой. А сам он даже пожалел мой палец, погладив его рукой. Одним словом, мир был установлен, а лад – возобновлён.

Зная о моём увольнении, Катя приготовила роллы, которые принесла и расставила на праздничном столе. Юля с Любой посетовали, что я так рано покинул медийную сферу. На что я ответил, что она ничуть не хуже и не лучше, чем засеивать рожь или чинить автомобиль. Если делаешь дело с душой – ты везде добьёшься признания. А искать славы ради славы – значит идти против собственной природы, что бы ни говорили вокруг.

Спорить со мной не стали, налили и выпили по первой. Кате я приготовил шампанского, Лёшка пил сок в ассортименте, с разными мультперсонажами на упаковках. С гостями мы, конечно, налегли на ягодную настойку – традиционно она у них была чудо как хороша. Юля с Любой называли её «антиковидная», но я не понял значения этого слова, подумал, что на вид похожа на *антику* – ягода, что ли, такая? Просвещать меня не стали, сказали только, что смысл дойдёт до меня через шесть лет и что постоянное потребление настойки развивает прозорливость до необычайной дальнзоркости. Я опять ничего не понял.

– Расскажи какой-нибудь смешной эпизод на работе! – попросила меня Юля. – Смешное что-нибудь было? Забавное?

– Забавное? – я поглощал Катины роллы и, пока жевал, гладил свободной рукой живот, показывая, как вкусно. – Ну, есть что рассказать, чего скрывать. Правда, не всё можно за столом рассказывать.

– Про какашки, что ли? – ни с того ни с сего во весь голос сказал Лёшка и засмеялся.

– Алексе-ей! – пробасил я, а для всех остальных резюмировал: – В целом, да. Но я могу опустить лишние детали.

– Давай! Расскажи!

– Ну что ж, слушайте.

Мы выпили по второй, и я проглотил ещё одну роллину.

– Значит, так. Послали нас с утра пораньше...

– На три буквы?

– Это само собой! ...на съёмки прорыва канализации. Точнее, в многоэтажке кто-то что-то слил в унитаз, и на первом этаже залило частный магазин. А торговали там всякой одеждой и обувью. Вот мы приехали, всё сняли. Владелица такая несчастная, негодовала: вот, раз в полгода стабильно нас заливают, и никто ничего не оплачивает, не компенсирует, ремонт на свои делаем. Она, естественно, свою точку зрения отстаивала: управляющая компания ничего не делает, а малый бизнес страдает.

Дальше мы едем в управляющую, и в машине я звоню директору, тоже женщине, и объясняю: так, мол, и так, магазин затопило, едем к вам за комментариями. А она отвечает: да, я знаю этот магазин, и владелицу ту знаю. Только там не всё так просто. Мы, когда проводили капитальный ремонт в подъезде, предложили ей стояк на этаже заменить. А она отказалась: говорит, вы тут всё раскурочите, я целую неделю буду ремонт делать, кто мне оплатит его и простой? И всё, отказалась. С тех пор у её соседей всё хорошо, а её дважды в год затапливает. Это, говорит, в двух словах если о ситуации. Только я сейчас не могу с вами встретиться, могу только в четыре часа.

Вежливая такая, мы с ней прям по душам поговорили. Ну, не может – значит, не может. Я разворачиваю экипаж, едем на базу, а сам звоню продюсерам, чтобы сказать о переносе съёмок. Приезжаем. Меня встречает главный редактор – тоже женщина, кстати.

– Одни бабы кругом.

– Не говори! И говорит такая: а ты чего здесь делаешь? У тебя сюжет в два часа выходит. Я говорю: как в два? По расписанию на семь-тридцать вечера стоял. А она: стоял на семь-тридцать, а теперь на два. Езжай и доснимай. И выпроваживает. Думаю: как снимать-то, если директор только в четыре сможет

интервью дать, а в два нам уже сюжет выпускать? Звоню ещё раз в управляющую, спрашиваю: может, сможете? Нет, отвечает, не смогу.

Что делать? Заряжаю оператора на жёсткую съёмку. Подъезжаем к ним в офис, я включаю микрофон. Врываемся к ним в дверь не хуже, чем в рейдерском захвате. Я кричу в микрофон: «Как вы прокомментируете прорыв канализации в магазине одежды на Болдина?». Та, перепуганная, смотрит на меня, потом в камеру, а из-под камеры мощные светодиоды ей в лицо лупят, и говорит: «Я вам сказала: я не могу сейчас давать комментарии! Она сама во всём виновата! Выключите камеру, охрана!». Ну, мы немного ещё подосадили и пошли восвояси.

Юля с Любой загоготали. Я продолжил.

– Вышли на улицу, а там уже бабки собрались возле машины нашей. Там же раскрашено всё, написано: телевиденье. Спрашивают, а что случилось-то, убили кого? Говорю: да типун вам. Вот, снимаем про прорыв канализации на Болдина, 98, а директор управляющей компании нам комментарий не хочет давать. Ну, тут одна за другой бабки начали выкрикивать: а вот у меня не в том, а в позатом году трубу прорвало – никто не помог. Другая такая: отвратительная управляющая. Третья ей перечит: да нормальная компания, не знаете – не говорите. Мы, конечно, всё нужное сняли – и прямиком на базу.

В предвкушении развязки гости снова зашлись в хохоте.

– Я сюжет расписал, его быстро прочли, утвердили. Пошли мы монтировать. Времени мало, впопыхах всё сделали. Выходит сюжет – любо-дорого посмотреть, какая клюква вышла! Начинается с той самой реплики: «Я вам сказала: я не могу сейчас давать комментарии! Она сама во всём виновата! Выключите камеру, охрана!». Вот так директор управляющей компании «Уют-тепло» комментирует прорыв канализации в магазине «Амфисбена» на улице Болдина. Хозяйка модного бутика в шоке: из-за коммунальной аварии пострадала брендовая одежда на четыреста тысяч рублей. Уцелевшие вещи пропахли фекалиями, оценить урон пока сложно. Зато смета за водоотвод прозрачнее некуда: пятнадцать тысяч рублей за выезд бригады. Ну и дальше в том же духе.

– Ахахах! – заливались слушательницы. Лёшка, не понимая рассказа, вторил их смеху, отчего заметно повеселел.

– Она плачется на камеру, – продолжил я про хозяйку, – жалуется, что в её проблемы никто не хочет вникать, от управляющей – только счета за откачку канализации. Мы показываем картинки живописные у неё в магазине. Одним словом, создаётся полное ощущение, что она несчастная жертва коммунальщиков. И мы добавляем ещё эффекта: пенсионерки во дворе наперебой рассказывают, как плохо управляющая компания работает. Ужас

просто. И такой плаксивый сюжет получился – ну прям, ложись в коридоре и плачь беспробудно.

А ведь почему так получилось? Просто один самодур поставил сюжет не на вечер, а на день, и нужно было его срочно делать. Тут и директор этой УК тоже не разобралась в ситуации: это же телевидение, мы как захотим, так и покажем новость. Хуже, чем закон, что дышло. Она мне, кстати, в полпятого перезвонила, говорит: я освободилась, подъезжайте. Я даже поразился: неужели она реально не врубается? Говорю: да поздно уже, голубушка, уже сюжет вышел. Она: как вышел? что же вы там показали? Говорю: вот, что было, то и показали.

А ещё ведь в чём дело. Какие управляющие с каналом в хороших отношениях, мы про них ничего плохого выдавать в эфир не можем. А есть безразличные – про них мы можем что угодно говорить. Ну и какая тут объективность СМИ, а? Выйди сюжет, как планировалось, вечером, – была бы взвешенная оценка, некое действительное решение проблемы: что же делать собственникам в аналогичной ситуации, как сотрудничать с управляющей компанией. А из-за свистопляски получился отличный сюжет – яркий, контрастный, с нервами, с кричащими бабушками, с налётом скандала – только всё там неправда.

– И это вот сплошь такое телевидение? – спросила Любаша.

– Не сплошь, конечно, – ответил я, – но очень много клоунады. Очень много моментов, когда корреспонденты просто не могут знать определённую информацию, а с них её требуют. Я тоже из головы много цифр выдумал, навскидку так. Ну, сколько человек могли попасть в травмпункты после празднования победы сборной? ну, наверно, человек пятнадцать в центральном округе и человек семьдесят по всему городу. Похоже на правду? Похоже. Ну – значит, в эфир. И это не моя вина, раз меня в такие условия ставят. Я бы с удовольствием правильные цифры озвучил, если бы мне кто-то их назвал. Но, может быть, никто их и не знает вовсе, ни один человек на земле. А начальство требует: давай цифры! Иначе сюжет в эфир не пустим, иначе штраф, иначе в субботу субботник снимать поедешь. Поэтому я плюнул на всё, и теперь мы всё продаём, чтобы переехать в Крым! – неожиданно заключил я.

– Да как вы так всё распродадите? – всплеснула даже руками Юляша. – Это же не велосипед на авито продать!

Я ещё поймал себя на мысли: не на «Авито», а по-простому: на авито. Как в своё время памперсы-бренд превратились в памперсы-общий-термин. А потом ещё на одной мысли себя поймал: как я всё это подумал, если Юляша устно спросила? Вот мозг человеческий...

– Продадим, самое главное, квартиру. Мебель, велосипеды те же – короче, всё-всё. Потом сядем в «Волгу» с двумя чемоданами самого необходимого и поедим.

– Так это твоя «Волга» на парковке стоит? – поинтересовалась Любаша. А я, погружённый в свои хитросплетённые мысли, ответил:

– Почему на парковке? На стоянке.

– Ну на стоянке, да! Ваша? Ноль-вторая?

– Ага, наша! Понравилась? Или чего вы так смотрите? Удивляетесь, что я меняю машины, как пальцы?

Катя рассмеялась в уголку:

– «Как пальцы»!

А Любаша объяснила своё удивление:

– Так она же старая, как бивень мамонт! Она вообще – ездит?

– Да ты что! – обиделся я. – Это же бомба просто, а не машина! Я на ней по магистрали летаю просто! Я вообще был в шоке, что за семнадцать лет никто не снял с неё ограничитель в 250 километров в час.

Юля с Любой переглянулись, а Лёшка с умным видом влез в беседу:

– Да это он шутит! Она едет не больше ста пятидесяти!

Катя поправила Лёшку:

– По паспорту «максималка» ноль-второй «Волги» – 173 километра в час на 402-м двигателе. А в этой – 406-й, инжекторный, он разгоняет до 178-ми.

– Это точно Катя добавила? – уточнила у меня Юляша. – В книге нет опечатки?

– Да хватит вам, девочки! Ну какая книга! Мы же сидим, общаемся. Что вы со своей кроссреальностью лезете? Давайте я вам лучше историю расскажу про самого удачливого человека города!

– Прямо самого удачливого?

– Прямо самого удачливого! – заверил я. – И история связана с машиной, кстати.

– Ну давай, рассказывай!

– С утра-пораньше дают мне задание: езжай вот по такому адресу, там будет мужик, которому во всём всегда очень везёт. Он будет свою машину на учёт ставить и уверен, что ему и здесь повезёт. Я говорю: что за чушь? Дичь какая-то! Но что делать – едем. Смотрю задание: дом указан, квартира – нет: всё, как всегда, спасибо продюсерам. Приезжаем по адресу – а это центр, километра полтора от кремля – и понимаем, почему квартира не указана. Стоит роскошный двухэтажный особняк. Деревца во дворе, птички поют – как будто в

девятнадцатый век попал. Только на входе домофон с видеокамерой и сканер для отпечатка пальцев.

Звоню, представляюсь. Голос такой вкрадчивый, но добрый, отвечает: да, иду. Открывается калитка электрическая, и мужичок с залысиной рукой машет: мол, заходите внутрь. Заходим с оператором. На лужайке поливалки работают, свежесть и рай. Знакомимся, обсуждаем, как что снимать будем. А я всё на дом и на окружение оглядываюсь и всё думаю про себя, что это чудо такое: самый удачливый человек? Спрашиваю.

– Мне просто постоянно во всём везёт! – говорит. – Вот дом, например. Вы думаете, я его на свои деньги купил? Нет, прабабушка была прописана до революции, а в советское время в здании контора была. Поэтому в 90-е, когда приватизация началась, выяснилось, что я единственный законный наследник. И так всё легко оформилось, даже бандиты подступиться не смогли. Пробовали наезжать двое. Но одного быстро посадили, а второй от сердечного приступа скончался. Вы смеётесь? Ей-богу!

Хотя я и не думал смеяться.

– Устроился на работу, – продолжает. – Там после дефолта говорят: зарплату будем лотерейными билетами выдавать. Все, конечно, в бутылку полезли: как так можно? детей кормить не на что, а вы такое творите! Дали мне билетов, я третий или четвёртый стираю – а там 15 миллионов! Пусть и обесценившихся, но я и на них купил в городе пять квартир и начал сдавать. С работы уволился, начал любимым делом заниматься – путешествовать. В Австралии с женой познакомился. Она, оказывается, два года копила, чтобы туда в отпуск прилететь, сама она из Перми, а я вот ей попался. Говорю: будь моей женой – хоть каждый месяц будем в Австралию летать. Вы смеётесь? Ей-богу!

– Да не смеюсь я, – говорю.

– Начали, – говорит, – с супругой думать, чему жизнь посвятить. Решили гимназию построить для одарённых детей: своих не было. А потом полетели в Африку, покорять Килиманджаро, и встретили там соотечественника, верующего. Как-то разговорились и рассказали ему о нашей проблеме. А он и говорит: да вы что, у вас же под боком монастырь есть, во имя Богородицы Млекопитательницы. Туда со всей России приезжают о даровании детей просить, а вы мимо каждый день проезжаете и не знаете ничего. Прилетели обратно – первым делом в монастырь. И что бы вы думали? Через месяц жена приходит и говорит: беременна я! Обрадовались – счастьем краёв не видно. Пол решили не узнавать. Всё думали, как назвать. Я мальчика хотел, выбирал между Львом и Павлом. А жена девочку хотела, думала: Лера или Ирина. А прошло ещё восемь месяцев – сложная очень беременность была – и родила

четверых! Представляете? Так и назвали: Лев, Павел, Лера и Ирина. И выбирать не пришлось. Вы смеётесь? Ей-богу!

– Да не смеюсь я! – отбиваюсь уже я. – Что вы всё заладили!

Короче, в таком ключе мы с ним общаемся. Наконец, я его спрашиваю: что за машина? куда ставить на учёт поедем? Он рассказывает: участвовал в опросе журнала «За рулём» и выиграл новую «Ниву Трэвел»! И опять: вы смеётесь? ей-богу! Ну, думаю, присказка у него такая, ничего не поделаешь. Спрашиваю только: что это за «Нива» такая? Он говорит: бывшая «Нива-Шевроле». Я такой: почему бывшая? А он: так «Автоваз» выкупил права у американцев, теперь она «Трэвел» называется. Ну, думаю, он умом в 2021-й год воспарил, что ли? Тогда-то, может, так и будет. А сейчас-то 2014-й на дворе. И от этой кроссреальности меня расплющило прямо тогда.

Садимся в машину, едем в ГАИ. Водитель наш за нами едет, а мы снимаем пока из салона. Я его спрашиваю: а в какое отделение едем? Он говорит: на Мызу. А я до этого «Нексию» там на учёт ставил, так у меня полтора дня на это ушло, хоть я и по записи был. Очереди – стометровые. Я у него спрашиваю, глядя на часы: а вы на сколько записаны? А он такой: а я не записан; я же говорю: счастливчик я – по-любому всё само собой разрешится. Молчу, а про себя думаю: у тебя вот не разрешится всё само собой, а я без обеда останусь.

Приезжаем. Очередь – человек семьдесят на улице. А с другой стороны – очередь из тех, кто записался по времени, там человек тридцать. Ну, думаю, давай посмотрим, как тебе повезёт. Встаёт он, значит, в конец большой очереди, стоит, улыбается. А я думаю: ну точно без обеда останемся. Оператор пока общий план снимает, гаишника, который на моторе другой машины номер сверяет. А у него гаишник и спрашивает: чего вы тут, мол, снимаете? разрешение есть? Оператор, знай, отвечает: вон корреспондент, все вопросы к нему. Ну, я слышу их диалог, иду. Объясняю: вот, снимаем победителя конкурса «За рулём», вот он приехал машину на учёт ставить. И показываю на «Ниву».

Гаишник такой: о, это новая «Трэвел»? Я ещё подумал: во, и этот туда же. И идёт к ней, изучает со всех сторон. Тут, конечно, владелец подсуетился: давайте я капот открою! смотрите везде, где хотите! садитесь, прокатитесь! а может – осмотр подпишете? Полицейский кататься не стал – неудобно вроде как. Зато документы все быстро подписал и говорит: идите к третьему окошку, я сейчас о вас сообщу. И по рации кому-то: Евгений Семёныч, сейчас придёт человек с документами на «Ниву-Трэвел», ты его побыстрее оформи, с ним телевиденье. Ну, думаю: что ни говори – удачливый человек, ничего не скажешь.

Подходит, значит, этот мужик к третьему окошку, а там стоит барыга какой-то, натуральный бандит из девяностых. Я поначалу не придал этому значения. А потом, пока наш персонаж заполнял документы, смотрю: в окошке у гаишников лежат новенькие номера, и непростые, а три буквы «о» и три четвёрки. А, вот зачем, думаю, бандюга этот стоит – тут у них всё подвязано. Какой же тогда нашему герою дадут?

Начинают полицейские за окошком оформлять всё. Берёт один из них новый номер, а ему и говорят: ты что, не слышал, что капитан сказал? Вот эти номера давай – и всовывают ему «блатные», с тремя четвёрками.

– И что, так и выдали? – не утерпела Юляша.

– Так и выдали. Вызвали по громкой связи, фамилию назвали – он подошёл и забрал. И мы снимали потом, как он этот номер на машину крепит: четвёрка, мол, моя любимая цифра, у меня, мол, и детей четверо, и жену Ольга зовут – и всё в том же духе.

– Представляю, как барыга этот разозлился, когда его номер ушёл.

– То-то и оно! Я сразу – ноги в брюки – и на улицу!

– В брюки? – хохотнула Катя.

– Ну в руки! – улыбнулся я. – Вот так и забрал красивые номера на машину, которую он выиграл в конкурсе, и поехал домой, который достался ему по наследству, к жене, которая родила ему четверняшек – его любимое число.

Повисла немая пауза, во время которой все поджали нижнюю губу к верхней, как в те моменты, когда осознают неизбежность случившегося.

– Вы смеётесь? ей-богу! – не удержался я и упомянул всуе. Впрочем, в таких конструкциях меня всегда смущало, что слово «бог» пишется с маленькой буквы. Может быть, речь идёт о каком-то языческом боге – Нептуне или Сарасвати? Тогда ладно.

Мы выпили по четвёртой, и я понял, что переместился в то пространство, где рассказы становятся всё более увлекательными и рельефными, как будто их оттеняет свет от костра в ночном лесу, и продолжил.

– Но самое интересное, что случилось в моей работе, – это когда у меня реально чуть голова не поехала. Однажды сложилось полное убеждение, что я – персонаж чьего-то сна или фантазии. Как будто кто-то на порядок более реальный, чем я, смотрит фильм, а я всего лишь играю роль. И можно поставить киноленту на паузу, можно перемотать к финалу – в той, высшей реальности ничего не изменится. Да и у меня ничего не изменится, по большому счёту, потому что я лишь чья-то проекция, иллюзия в зеркальном калейдоскопе шутницы-вселенной.

Так вот. Послали нас... да, сначала на три буквы, а потом – снимать сюжет про поиски пропавших людей. Кто этим занимается, зачем, как ищут, в чём особенности и так далее. И вот мы приезжаем на базу поискового отряда, который специализируется на поиске пропавших, и снимаем процесс. Там мне говорят: обычно исчезают старики и люди с нарушениями...

– Психики? – уточнила Юляша.

– Да, с душевными расстройствами, с нарушениями памяти и так далее. Они периодически сбегают из стационара, и их потом туда же и возвращают, когда находят. И старые люди тоже – выйдут из квартиры, забудут, куда идти, и уедут на дачу или к родственникам, которые давно умерли, и вот так и шатаются беспризорно. Ну и алгоритм поиска простой: расклеивают фотографии, обходят район, где живёт человек, район, куда мог уехать, просматривают камеры на вокзалах и транспорте, если их там кто-то видел. Одним словом, довольно рутинная работа, которая нацелена на совсем нерутинный посыл – найти человека, который может оказаться в беде или замёрзнуть.

А тут пропал паренёк. Показывают его фотографию, зовут Виктор Лагавулин, 16 лет. Мне ещё фамилия его показалась знакомой. Ушёл из дома и не вернулся. Родители обратились в полицию, а там говорят: с момента исчезновения должно пройти 72 часа, чтобы они начали искать. Вот и обращаются в поисковые отряды, они сразу в работу включаются, друзей и приятелей опрашивают – работают, короче, молодцы.

Мы сняли его район, записали лайф на проходных соседней фабрики, интервью с мамой, Варварой Лагавулиной, поехали на какой-то стадион, где они компанией часто на трубах время проводили – а я всё никак не могу отвязаться от мысли: где я мог слышать его фамилию? Так и не вспомнил. Сели мы в машину, поехали дальше – и тут меня как громом среди ясного неба поразило, я даже по лбу себя ладонью ударил: так это же виски такой – «Лагавулин». Ещё и возраст совпал: элитный продукт 16 лет в бочках выдерживают. Думаю: что за дьявольщина? Бред какой-то, не может такого совпадения быть.

Пока в шоке был, приехали на новый объект. Православные церкви у себя фото пропавших людей вешают в приходах. Такая церковная поисковая сеть. И батюшка мне объясняет всё подробно, а у меня голова одним Лагавулиным полна. Даже сосредоточиться не могу, в блокнот пишу, но даже руки дрожат. Но виду стараюсь не подавать. Батюшка тем временем показывает: вот, пропал человек, на вид – 45-50 лет, фамилия неизвестна, очевидцы говорят, что зовут его Никита. Мы, говорит, тоже подключились к информированию о пропавших, теперь у нас уже девять тысяч церковных приходов поисками занимаются.

Спрашиваю: ну а разве прихожане друг друга не знают? или он не православный? А батюшка на меня смотрит, как будто я всё прослушал, и повторяет: так я же говорю, говорит, что тут не только местные жители, тут со всей России; вот этот мужчина, например, из Рязани.

И тут меня второй гром прямо в голову – шарах! – я даже изобразил это жестами, отчего Лёшка испуганно обернулся, но быстро успокоился. – Потому что до меня дошло: девять тысяч церквей ищут Никиту Рязанского!

Я оглядел всех присутствующих и добавил:

– И не могут его найти! Ну? Ну вы что, не знаете такую песню у «Аквариума»?! Никита Рязанский строил город, и ему не хватило гвоздя. Короче, ладно. Просто поверьте, что я почувствовал себя персонажем пусть реального, но вымышленного мира. Как будто я в одном ряду, на одной плоскости с Никитой Рязанским. Как будто Гребенщиков сидит в Нило-Столобенской пустыни, пишет песню, тут ему приходит в голову образ Никиты Рязанского – и он его видит среди других людей, и я – среди них. Одним словом, полное ощущение, что я просто чей-то вымысел.

И так мне кисло от этого осознания стало, что стою – как падаю. Признался даже: отче, говорю, так и так, что-то нехорошо мне. Он меня в ризницу отвёл, чаем с печеньями угостил, немного вроде отпустило. Отдыхать вам, говорит, надо. Наверняка на работе загруз. Думаю: и то правда, такой хороший батюшка, хоть и вымышленный, как и я. А у самого кошки на душе скребут.

Так вот меня до вечера и держало. Всё заснуть никак не мог, думал об этом. Да и на следующий день проснулся – какие-то остатки всей этой фантазмагии витали в сознании. Потом вроде ничего, отпустило. И всё равно – нет-нет, а и мелькнёт в мозгу: вот, трогаю я себя за руку, щипаю – а ведь всё это может быть просто очень хорошей иллюзией. А сам я утонул в реке лет десять назад или не существовало меня никогда вовсе. И холодно так становится – как будто снег в ботинки попал. И тает, тает, чтобы и след мой простыл.

– Ну хватит! – разрушила мои альдонсьерские чары Любаша. – Нагнал тут жути тоже! Не выспался, наверно, или после сивухи на работу поехал – вот тебе и вся фантазия. А вот наша настойка – от неё никакого похмелья. Только воды колодезной ушат выпей – и как будто только что мать тебя на свет родила. Ещё по одной?

– Ещё! – согласился я, а сам уже улыбался нелепо и жевал губы, как самый последний сладострастник на вечерней прогулке в летнем скверике.

Последующее застолье я просидел, прошутил и протанцевал в клюквенно-можжевелевом тумане, в облаке из брусники и лайма, в шиповниковом ветре, в лаймо-анисовом забытье, в цедро-апельсиновом послевкусии.

Лёшка всё это время где-то прыгал и бегал, играл – один и с девочками, пил сок и ел пищу. В какой-то он услышал, как на улице к мусорным бакам подъехал грузовик, который вывозил отходы. Лёшка попросил меня поставить его на подоконник, чтобы он смог посмотреть на эту восхитительную процедуру. Мусоровоз проехал чуть вперёд и начал подавать назад, издавая истошные предупреждающие звуки. Их было слышно и через плотно закрытое окно, но я решил открыть его, чтобы Лёшка получил полноценное удовольствие от происходящего. Ему почему-то всегда очень нравились грузовики, которые вывозят мусор.

Я повернул ручку до конца вверх и приоткрыл окно. Противные сигналы стали гораздо громче, и Лёшка восторженно захихикал. Глаза у него горели, как будто мы наблюдали цирковое представление в настоящем красно-жёлтом шатре. Чтобы лучше видеть сцены переворота мусорных контейнеров в грузовой отсек машины, малыш подвинулся вплотную вбок. Несколько секунд он в восхищении обозревал происходящее. Но затем вдруг взялся за ручку – она легко подалась и открыла окно настежь.

В шоке я бросился его закрывать, но случайно задел ребёнка – и Лёшка споткнулся об оконный порог и вывалился вниз! Покатый козырёк подъезда сгладил удар, но я в ужасе увидел, как малыш пролетел несколько метров в воздухе и, бездыханный, рухнул на асфальт. Мусоровоз к этому моменту уже загрузил в себя содержимое всех контейнеров и тронулся в путь. Лёшка оказался прямо перед задними колёсами грузовиками. В нервной горячке я закричал благим матом и... проснулся.

Оказалось, кричал я молча, а Катя с Лёшкой мирно спали рядом. Я встал, чтобы умыться, и прочёл про себя молитву. Заснуть я уже не смог.

Глава 60

Одна сплошная шуть

Начав, спустя десять лет, перечитывать «Петербург» Андрея Белого, я решил начать день и в пять утра заварил себе кофе. Катя и Лёшка безмятежно почивали. Уложенные в зале Юля и Люба подавно спали как убитые. Мои вечерние бурные мечтания о новой радости жизни и, как следствие, крепкое злоупотребление ягодной настойкой, казалось бы, должны были поколебать моё утреннее здоровье. Но – ничуть не бывало! Я проснулся бодрым, активным и жизнерадостным. Никогда ещё я не чувствовал себя таким энергичным с утра. Ночной кошмар я активно гнал прочь от своих мыслей.

На глаза мне вдруг попались распечатки моего нового рассказа, который я как раз хотел перечитать «с листа». И я, ещё не понимая, где я и что я, непроизвольно взял его в руки и начал вникать.

Народу перед кафедральным собором было видимо-невидимо. На одной только площади перед храмом жалось друг к другу несколько тысяч человек. Другие стояли на подходах к собору, теснимые стальными ограждениями, которые еле сдерживали десятки полицейских. Сотрудникам правопорядка был дан чёткий приказ: после девяти часов никого на территорию собора не пускать. Опоздал – стой при входе. Последним, кого пустили внутрь ограды, был совсем молодой мужчина лет двадцати пяти. Капитан ещё сомневался, пускать его или нет, потому что на часах было практически девять, буквально без нескольких секунд. Но мужчина уверенно заявил, что ему служить, и таким образом успел протиснуться в скопление верующих.

Перед входом в собор стояло священство в роскошных одеяниях: окаймлённые золотой вышивкой пурпурные фелони, митры с драгоценными камнями. Рядом с главным протоиереем стоял губернатор в стильном костюме. Диаконы кадили ладан, а певчие вполголоса оттачивали приветственное песнопение при въезде нового Владыки в их епархию. Прежний епископ был отправлен в Казахстан, а нового ждали как плеть Господню. Поговаривали, что это некий реформатор, который сделает епархию лучшей во всех отношениях и за ценой не постоит. Из-за этого его приезда боялись и трепетали. Предполагалось, что головы полетят в первый же день. Поэтому сердце у протоиерея Петра, который должен был встретить иерарха, готово было вырваться из груди и припасть к ногам нового митрополита, когда тот выйдет из своего кортежа.

Тем удивительнее оказалось донесшееся из собора «Благослови, владыко». С этого возгласа начиналась литургия. Но какому глупому диакону могло прийти в голову так пошутить, когда митрополит даже ещё не подъехал к собору! Или тот не дорожит своим приходом, кто был он ни был! Протоиерей Пётр чуть было не выругался и грозным шагом направился внутрь.

– Кто посмел спеть сейчас? – нарушил он благоговейную тишину храма громогласным рокотом.

В ещё большей тишине ему ответил неторопливый и торжественный напев:

– Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, и ныне и присно, и во веки веков!

Отец Пётр обомлел: пел не кто иной, как новый Владыка! Протоиерей подобрал полы фелони и бросился в алтарь, забыв и про губернатора, и про

хлеб-соль, и про всё на свете – кроме огромной тучи, сгустившейся над его карьерой. Как? Как он прибыл в собор? Не мог же он ночевать здесь? И не мог же подъехать откуда-то ещё – ведь в собор только один въезд!

Этот вопрос не давал покоя всему священству во время всей литургии, которая продлилась без малого четыре часа. Невероятно долго, особенно если учесть, что протоиерей Пётр, считавший сам себя образом пастыря и служителя, управлялся обычно за полтора.

– Дорогие братья и сестры, возлюбленные во Христе! – митрополит обратился к собравшимся с проповедью. – Простите меня, милые мои, и не таите зла!

Народ стал в удивлении перешёптываться.

– Сколько раз мы повторяем в молитве Господней: и остави нам прегрешения, яко же и мы оставляем должником нашим. А считали ли мы, сколько раз прощал нам Господь, и сколько раз прощали Ему мы – в лице наших близких и дальних? Сколько раз мы обижались на родных из-за единого обидного слова – не от врага нашего, а от родственника, любящего нас? Какой же я христианин, – он с силой ткнул себя пальцем в грудь, – если затаиваю зло на того, кто сказал мне плохое слово в очереди? кто подрезал меня на дороге? кто наступил мне на ногу? Неважно – специально или нечаянно! Беда в том, что мы забыли, что такое быть христианами.

После трогательной проповеди многие прихожане плакали. Не сдержались даже некоторые мужчины, которые стыдливо смахивали скупые предательские слёзы. Новый владыка стал благословлять всю паству, и одно это заняло едва ли не полчаса, так как верующих собралось несколько тысяч. Наконец, священство собралось вокруг митрополита, ожидая удобного момента, чтобы пригласить его в трапезную при соборе, где повара накрыли роскошный стол с восхитительными рыбными блюдами: была среда.

Владыка с благодарностью принял приглашение, однако к трапезе отнёсся спокойно. Съел совсем немного, так что даже затраченных сил было не восстановить. На этом фоне аппетит остального духовенства показался волчьим. Отцы набросились на салаты, первое и второе, как будто после этого не ели бы две недели. Но, судя по их необъятным животам, больше напоминавшим миниатюрные холмы, подобное меню было для них привычным не только в праздничные дни.

– Владыка! – осмелился, наконец, обратиться к нему отец Пётр. – А как вы добрались до нас?

– Как добрался? – удивился митрополит. – Поездом, конечно. У вас же нет аэропорта.

– Да, конечно! – усмехнулся даже от неожиданного ответа протоиерей. – Самолёты к нам не летают. Но я имел в виду, как вы до собора доехали? Мы пропустили ваш автомобиль?

– Я пешком с вокзала дошёл, – без тени смущения ответил владыка. – У меня нет машины.

Вместе с духовенством к столу прошествовал губернатор со своей свитой. До сих пор столоначальник не вмешивался в разговор, давая возможность наладить контакт, так сказать, внутри Церкви. Однако теперь он громко и по-военному чётко обратился к протоиерею:

– Отец Пётр, что же вы не прислали владыке кортеж! Ваше высокопреосвященство, примите мои извинения по этому моменту, я распоряжусь выделить вам автомобиль со спецсигналами!

– Так у нас есть уже такая машина! – поспешил оправдаться протоиерей Пётр. – Владыка, я же прислал к вокзалу ваш автомобиль! Который возил вашего предшественника, с водителем. Он вас не встретил?

– Я и не ждал, что меня кто-то встретит, – признался митрополит. – Хорошо, пусть он приезжает к моей резиденции: сегодня, я надеюсь, вы меня отвезёте куда надо?

Он обратился к протоиерею Петру с приветливой улыбкой. Было видно, что он не хочет, чтобы у кого-то из-за него случились неприятности.

– А вам, господин губернатор, спасибо за заботу обо мне! Но уверяю: мне вряд ли понадобится нарушать правила, так что спецсигналы мне не понадобятся. А вот поговорить с вами с глазу на глаз мне бы очень хотелось! Надеюсь, вы найдёте в вашем плотном графике время встретиться со мной?

– Конечно, владыка! – с готовностью ответил губернатор. Он был явно удивлён той почтительностью, с которой к нему обратился иерарх, кроме того, ему явно понравился его тон и замечание про сильную занятость. – Жду вас в моём кабинете в администрации в любой день. Когда вам будет удобно?

– Завтра, – тут же ответил владыка. – Во сколько договоримся?

Губернатор заметил про себя: такой дружелюбный, а цепкости не занимать, сразу быка за рога берёт.

– Давайте в одиннадцать встретимся, у меня будет два свободных часа.

– Прекрасно, спасибо большое!

В конце трапезы губернатор подошёл к владыке за благословением и оставил митрополита наедине с духовенством. Как бы ни был новый иерарх замкнут и скромн, но несколько даже разговорился:

– Что ж это такое! – хлопнул он себя по лбу. – У меня же роман не отредактирован!

Гм, конечно, это всё случилось уже не с владыкой. Просто я не успел переключиться из вымысла в реальность.

– Что ж это такое! – хлопнул тогда я себя по лбу. – У меня же роман не отредактирован!

Перечитывая рукопись, я вспомнил, что было дальше в рассказе. Владыка там начал возить детей из удалённых районов в православную школу, а с губернатором он работал над законопроектом, который бы восстановил древнюю практику – предоставлять в храме укрытие преступникам. Откуда бы они не смогли выйти, не будучи арестованными, но и полицейские не смогли бы зайти в церковь, чтобы их арестовать. Но сейчас-то мне предстояло заняться совсем другим.

Пока все спали, я выпил кофе и решил, что неплохо было бы перечитать и при необходимости отредактировать мой роман – тот самый, который Катя приказала мне не продолжать, а я делал вид, что слушаюсь. В понедельник мне предстояло нести его в издательство, и я открыл на компьютере текст – как будто чужую книгу. Буквально за час я погрузился в странным образом оказавшийся новым для меня мир и прочёл едва ли не до половины. Но тут проснулся Лёшка, начал искать меня, и я поспешил к нему, чтобы поцеловать и понежиться с ним и с мамой в тёплой субботней кровати.

Когда все встали, я приготовил завтрак. Катя даже удивилась, что у меня получились, в целом, съедобные блюда. Мы выпили крепкого чая, поболтали часок, а затем Юля с Любой уехали. Мы же решили пойти в парк и гулять там хоть весь день, благо погода стояла отличная.

На улице я постоянно ловил себя на мысли: как же чудовищно долго я не испытывал ничего подобного! Вот, мы гуляем все вместе, втроём, держимся за руки, помогаем Лёшке перепрыгнуть круглый камень, отделяющий парковку от тротуара. Вот мы кормим хлебом крокодильчиков перед лавкой в сквере. Вот – смотрим, как утки из соседнего пруда сгоняют рептилий и сами глотают хлебные ломти. Какой же прекрасный мир, когда у тебя чистая, пустая голова! Ничем не занятая, не обременённая ненужными мыслями и всяким психологическим хламом.

– Пап, давай купим пюре и морковку! – предложил Лёшка.

– Для чего? – заинтересовался я.

– Если мы встретим в парке зайчика – угостим его.

От такой милоты мы с Катей расплылись в улыбке и затискали ребёнка.

– А давайте кому-нибудь позвоним! – озвучил новое предложение Алексей, не обращая внимания на наши объятия и успешно из них выпутываясь.

– Кому же?

– Ну, например, Кате Земляковой.

– Правда? Ты с ней дружишь?

– Я так подружился, что даже захотел позвонить.

Мы с удовольствием пошли навстречу этому прекрасному желанию и позвонили тёте Гале, Катиной маме. Но оказалось, что они уехали к родственникам на два дня и встретиться никак не получится. Лёшка немного расстроился, но сдержался. Он пожелал хорошего отдыха, передал Кате привет и вежливо попрощался. Но в душе он не мог смириться, что не встретится с подругой, и, видимо, искал в уме такого объяснения, которое бы его успокоило.

– А! – догадался он. – Они не смогут приехать к нам в парк, потому что у нас лето, а они – Земляковы.

– Почему они не смогут приехать, если они Земляковы? – мы с Катей никак не могли взять этого в толк.

– Ну как, – удивлялся Лёшка и пояснял, как нечто само собой разумеющееся: – у них же в фамилии указано: «зима».

И разводил руками.

– А-а, – поняла мама, – он думает, что их фамилия – ЗИМлякова, от слова «зима».

– Да, они все Зимляковы, – подтвердил Алексей Михайлович. – И Катя, и папа, Илья, и Галя, Катина Зимляковина мама.

Мы вновь утирали слёзы от смеха и шли дальше. Лёшка просил позвонить Лизе Карасенко, тоже из садика.

– Ты и с ней подружился?

– Да, мы дружим с ней!

Карасенки оказались свободны и обещали собраться и прийти погулять в парк. В ожидании их мы пошли кататься с горки. Там уже катался другой мальчик, и Лёшка хотел с ним познакомиться, но тот как-то закрылся и не отвечал на Лёшкины расспросы.

– Он не понимает! – признал наш малыш, показывая на мальчика. Тот отреагировал на этот пассаж по-своему. Он ответил:

– Я не «не понимает» – я Андрей.

Мы с Катей не смогли сдержать смех, и хорошо, что никого рядом в тот момент не оказалось, потому что это было бы не очень красиво по отношению к мальчику. Но, безусловно, эта фраза с успехом претендовала на мем: «Я не «не понимает» – я Андрей».

В ожидании подруги Лизы Лёшка раз сто скатился с горки, прежде чем проявить хотя бы слабые признаки усталости.

– Мам, – запыхавшись, проговорил он, – дай мне водички! Только не питьевую, а игрушечную.

– Что-что? – не поняла Катя.

– Ну не питьевую, а с фиксиками на обложке!

Как и в случае с Зим- и Зем-ляковыми, выяснилось, что не *питьевой*, но *пятьевой* Лёшка называл воду в пятилитровой бутылки. А игрушечная – это вода в маленькой бутылке с разными иллюстрациями из мультиков. Это, кстати, объяснило давний Лёшкин ответ, почему на бутылки написано «5» – потому что вода *пятьевая*.

Мы, конечно, напоили изжаждавшегося малыша. Но ещё долго не могли прийти в себя от того, насколько гибкое детское мышление. Там, где мы привыкли видеть нечто окаменевшее, ребёнок распознаёт формы, из которых можно слепить что угодно. В соответствии с формулой: «Иван Бодхидхарма склонен видеть деревья там, где мы склонны видеть столбы».

– Пап, – продолжил Лёшка, по-прежнему тяжело дыша, – а давай у нас на даче поставим вот такой же кран.

Он указал рукой на старую чугунную колонку, из которой давным-давно разбирали воду жители частного сектора, который наполовину уже заменили новостройки. Я подумал: а почему бы и нет? Ответил, что да, давай поищем. И оказалось, что в интернете действительно продают такие колонки, только современные.

– Нет, хочу такую же! – настоял Лёшка.

Я обещал поискать.

– И купить! – малыш с подозрительным прищуром посмотрел мне в глаза.

– И купить, – засмеялся я.

Но ребёнок не веселился.

– И установить! – прибавил он по-прежнему жёстко, по-армейски.

– Хорошо! – смеялся я и расчёсывал его волосы рукой.

– Лёш, – в наш разговор вмешалась мама, – говори папе «пожалуйста»!

Было видно, как Лёшка вспомнил, что, действительно, нужно говорить «спасибо» и «пожалуйста». И также было видно, как он хотел выйти из этой дискомфортной ситуации.

– Но он же стесняется, когда я ему так говорю! – нашёлся, наконец, он.

– А ты попробуй у него вежливо попросить!

Лёшка взглянул на меня, точь-в-точь как кот из «Шрека», и спросил:

– Папа, дай мне, пожалуйста, пюрешек.

На этот раз Катя рассмеялась – мгновенному переходу от колонки к еде. Я же достал из рюкзака две пюрешки и протянул их Лёшке на выбор.

– Яблоко, творог, персик, – он водил пальцем по этикетке и «читал». На самом деле там было написано: яблоко, абрикос, сливки. Начал исследовать вторую:

– Груша, тыква, конфетка, – на самом деле: груша, карамель, дыня.

Я обратил внимание мамы на уверенность, с которой Лёшка читал состав пюре. Ребёнку это замечание не понравилось. Он ударил меня ручонкой по ноге:

– Ты один сплошной мальчик! – в детском гневе выпалил он.

Катя оценила данную характеристику.

– Лёш, а какое качество ты больше всего любишь в маме? – поинтересовался я. После небольшой паузы он ответил:

– Качество серьёза.

От умиления мы улыбались и тискали ребёнка в объятиях. На такие нежности он реагировал сурово:

– Ух, вот я сейчас растрясу берёзу – все яблоки попадают!

Афоризм «растрясу берёзу – все яблоки попадают» тоже отлично подходил на роль мема. Но Лёшка не давал нам времени прийти в себя. Он требовал того и сего – идти к песочнице, дать ему шоколадку.

– Что здесь написано?

Он всегда любил читать надписи на печеньях. Некоторые производители проставляли там всякие милости: «любовь», «дружба», «теплота». Я наклонился, чтобы прочесть очередное выпеченное «послание», но вместо этого увидел, что вафельная основа просто покрыта тонкими шоколадными полосками крест-накрест, так что действительно можно подумать, что там какое-то слово с буквой «х».

– Лёш, это просто такие узоры, которые на кондитерской фабрике сделали. Тут нет никакого слова.

Я уже начал перебирать в уме варианты, если ребёнок потребует обязательного ответа. «Хорошо», «хаха», «хохма», но Лёшка ответил:

– Ну ладно! – мельком глянул на маму и прибавил, в мой адрес: – Спасибо!

Катя умилялась, а я развил конспирологическую теорию:

– Катюш, я поймал себя на мысли, что можно таким же образом передавать зашифрованные послания. Например, по мозаике горящих вечером окон в каком-нибудь большом офисном здании. Например, на шестом этаже горят два крайних окна – значит, объект наблюдения на месте.

– Лиза с мамой пришла! – прервала мои потуги супруга.

– О, Лиза, привет! – выкрикнул Лёшка и побежал стремглав к ней навстречу.

Лиза была замечательной девочкой. Вместе со старшим братом Денисом, мамой тоже Катей и папой Сашей они переехали в наш город из Луганска пару лет назад. Лёшка очень подружился с Денисом и особенно с ровесницей Лизой. И мне тем более жалко было осознавать, что мы уедем в Крым, и они

перестанут общаться. Всё-таки мы – это не то, что мы едим, мы – те, с кем мы общаемся и кто нам по-настоящему дóрог.

Тётя Катя с Лизой и Денисом подошли к нам, и мы поздоровались. Лёшка тут же увёл подругу на горку. Денису было неинтересно с малышами, и он лениво побрёл к лавочке, чтобы поиграть в телефон.

– Ну как вы? – спросила Катя у своей тёзки.

– Нормально. Борща с утра наготовила, котлет нажарила, салатиков сделала. Покормила их, – она указала на детей, – и пошли гулять.

– Ничего себе! Ты прям настоящий повар! – восхитилась Катя.

– Да ладно! – та махнула рукой. – А ты чего, не готовила сегодня? Мы обычно в выходные заготавливаем впрок.

– Не, сегодня не получилось, – призналась Катя.

– А Миша у тебя, чего? не готовит? – она задала вопрос, как будто меня нет рядом – хотя и взглянула на меня мельком.

– Миша? – Катя не удержалась от смеха. – Максимум, на что он способен, – это яичница или пельмени.

– Ты чего? – взбунтовал я. – А помнишь, как я супы готовил, когда ты болела?

– Ой, я тебя умоляю! Максимум, на что ты способен во время моей болезни, – это приготовить невкусный чай.

Тёте Катя шутка понравилась, и они захихикали, как будто я снова куда-то пропал. Так бы я и обижался, но в этот момент мы переключились на детей. Лиза тащила к нам Лёшку, который протестовал:

– Отдай мне мою руку!

Та не слушала и тянула его дальше. Что же она хотела сказать? Оказалась, что это была тонкая шутка, которую девочка сформулировала во время игры:

– А вы знаете, – с хитринкой сообщила она, – что у Лёшки волосы светлые, потому что он наелся муки. А у меня тёмные, потому что я наелась черники.

Видимо, тут предполагалось, что мы взорвёмся от смеха, но этого как-то не произошло. Лёшка, наконец, вырвался из её объятий и подбежал ко мне:

– Пап, у нас остались ещё конфеты? Я хочу Лизу угостить.

У меня, действительно, они были в рюкзаке, и я достал несколько штук.

– Тётя Катя, а вы знаете, что Ам Ням ест конфеты, потому что у него рот. – Та многозначительно кивнула. – А потом он набирает вот так вот ручку и делает красковый укол.

Тут я вмешался в разговор, потому что тётя Катя, конечно, ничего не поняла из таких описаний.

– Красковый укол – это краска в шприце, которым Ам Ням в мультике поливает стены.

Катя вновь неопределённо кивнула, а Лёшка поправил самого себя:

– Да, шприц. Не ручка, а шприц. Лиз, хочешь ещё?

Та помотала головой: не хочу. Тогда Лёшка снова обратился ко мне:

– Пап, дай ещё конфет!

Я полез в рюкзак, и оказалось, что там всего две конфеты.

– Лёш, давай одну – ты, одну – мама?

– Нет, – не соглашался малыш. – Давай одну – я, одну – я.

Мы хохотали, но всё-таки убедили Лёшку поделиться. Он слопал одну конфету и немедленно заключил:

– Фуф, у меня в животике полный кузов. О, здравствуйте, Ольга Варельевна! – без всякой паузы добавил он.

Мимо, действительно, проходила воспитательница из детского сада, и мы все поздоровались с ней. Лёшка почему-то не мог правильно выговорить её отчество и называл «Варельевна». Шутки ради я так и произнёс:

– Здравствуй, Ольга Варельевна!

Она немного покраснела и легонько ударила меня веером по плечу:

– Валерьевна!

– Серьёзно? – я валял дурака. – А я думал, вашего отца зовут Варелий!

– Ох, Кожаев! – хихикнула она и пошла дальше. – Хорошей прогулки!

– Спасибо, вам тоже!

Когда она отошла настолько далеко, чтобы не расслышать наш разговор, Катя с укором спросила меня:

– Это что такое было? Ты с ней заигрывал?

– Да ты что! И в мыслях не было! Ты же видела – она сама меня по плечу хлопнула. А ты что, ревнуешь?

– Ревнуешь! – весело подхватил Лёшка и начал показывать на маму пальцем. От этого Катя покраснелась.

– Так, идите на горку быстро!

И прихлопнула ногой. Дети вздрогнули и с криками побежали прочь. Ещё четверть часа они бодро играли, после чего Лёшка подбежал за телефоном.

– Я хочу написать Лизе в вотцап!

– Зачем? Вот же она рядом!

– Нет, дай, дай! Я напишу!

Какое-то время он возился в приложении, после чего спросил:

– Мам, как записать тебя?

Катя, которая привыкла, что Лёшка переписывает её в телефонной книге по десять раз на дню, ответила безучастно:

– Как хочешь...

У ребёнка наступил ступор, и он повторил вопрос. Тут-то я понял, что он не хотел записать маму – он хотел записать слово «тебя» и спрашивал, как оно пишется.

– Те-бя, – продиктовал я Лёшке, и он тщательно зафиксировал это, а Катя удивилась всему произошедшему. Тогда я вспомнил подобный эпизод в прошлом.

– Помнишь, – говорил я Кате, – как ты не знала, что с утра приготовить, и спросила: «Лёш, что нам на завтрак приготовить, а?». А он ответил: «Не “а”!». Имея в виду, что не «а» надо готовить, а что-то другое.

– В этом смысле после «я не “не понимаю”» счёт 1:1, – заметила Катя.

– Лёш, ты там что, всё стер?

Я обратил внимание, что он удаляет целую россыпь текста, видимо, желая исправить что-то в начале послания.

– Не стёр, а стерел! – с поучительным видом заметил серьёзный, как профессор, ребёнок.

И всё это ради того, чтобы отправить маме Лизы сообщение, которое она всё равно не прочтёт, подумал я.

– Пап, а как набрать короля от храма?

После разбирательств выяснилось, что король от храма – это шахматный король, а он, в свою очередь, – это плюсик. И так как Лёшка в очередной раз ломал нам голову своими придумками, то мы решили изъять у него телефон.

– Дайте мне тогда хоть книгу почитать! – требовал ребёнок.

– Да? А помнишь, что ты сделал с книгой про Микки Мауса?

– Микки Мяс, – в очередной раз поправил меня Лёшка.

– Хорошо, Мяс. Она тебе не понравилась, и что ты с ней сделал?

– Понравилась, – не сдавался малыш, – только не интересная!

– Хорошо! – я не смог не рассмеяться. – И что же ты сделал с понравившейся, но не интересной книжкой про Микки Мясуса?

– Не рассказывай! Не рассказывай! – запротестовал Лёшка и бросился затыкать мне рот. А всё потому – что он эту книжку разорвал и бросил в ванну, чтобы она размокла.

Я не стал рассказывать эту историю, но подчеркнул, что за нашим малышом нужен глаз да глаз.

– Вы его одного не оставляете? – поинтересовалась тётя Катя.

Я прыснул от подобного предположения:

– Ребёнка можно оставлять, когда ему... десять.

Девушки задорно рассмеялись моим представлениям о детском надзоре. Лёшка, который до того момента охотно играл с Лизой и Денисом, вдруг подбежал к нам и громко заявил:

– Я ненавижу, когда кто-то что-то чё-то говорит!

– Кто-то что-то чё-то? – переспросила мама. – Да, Лёш, это сильно сказано.

– Ах ты так! – в ответ он бросился неё с кулачками. – Тогда если ты завтра не покормишь меня кашей, то сегодня я сниму с тебя носочки!

Для Алексея Михайловича снятие носочков было самым страшным кошмаром, который он только мог себе представить. Остаться без трусиков перед незнакомыми людьми было для него не так страшно, как без носочков даже при родителях. Поэтому угроза звучала свирепо. Если бы только не логическая неувязка: завтра не покормишь – сегодня сниму. Лёшка негодовал, когда я объяснял ему эту несостыковку, и бил своими каменными кулачками и меня.

Дети гуляли уже давно, и мы предложили им собираться домой. Как обычно, сборы и прощания занимали добрых полчаса. Сначала малыши не могли определиться, кто кому какие игрушки дарит, в конце приходили к выводу, что каждый уходит со своими. Затем долго прощались и ещё дольше обнимались. И бесконечно долго брели из парка, потому Лёшка рассматривал каждый куст, и каждую ветку на газоне, и всякую пластиковую пробку, и непременно какой-нибудь фантик. А ещё он постоянно называл каждую проезжавшую машину и обязательно требовал от нас ответа: видели мы её или нет?

– Мама, а ты видела «Мицубисию»? – он так и спрашивал: Мицубисия.

– Да-да, видела, Лёш! – спешила заверить его Катя.

Через секунду он спрашивал:

– Пап, а ты видел «Нексию»? В которой много музыков.

Он указывал на машину, откуда громко неслись зазорные кавказские волынки.

– Видел-видел! – подтверждал я.

– А видели «Пазик»? – он опять указывал пальцем на дорогу. – Таксистского цвета.

– «Таксистского»? – смеялись мы. – Потому что он жёлтый? А что там написано?

– «Де-ти», – читал он.

– Пап, а ты знал, что «Пазик» – это батон?

От своей шутки – а по игривому выражению лица это была она – Лёшка буквально заливался смехом.

– Не знал, Лёш! – признавался я. – Почему?

– Потому что УАЗик – буханка! – и вновь залился хихиканьем.

– О-о! – восхитился я и показал Кате: да, класс! – Слушай, это потрясающая шутка! Очень смешно, Лёш! Молодец!

Лёшка довольно припрыгивал и развивал свои «шуты», как он их называл: не шутка – а «шуть».

– Мама, а ты знаешь, почему я подпрыгиваю на дороге?

– Потому что дорога с ямами? – предположила мама.

– Нет, просто она – прыгскокая.

Лёшка произвёл прилагательное «прыгскокая» от выражения «прыг-скок».

А затем случилось нечто такое странное, что я даже не сразу понял, о чём речь. Честно говоря, я сильно устал и думал прийти домой и немного поспать. Может быть, поэтому я не сразу «догнал». Дело в том, что мы почти подошли к нашему дому, оставался только один квартал. Причём в буквальном смысле «квартал»: четыре дома в виде буквы «Г» были возведены таким образом, что составляли квадрат.

Так вот, мимо одного из домов с мощным рёвом промчался мотоциклист. Буквально секунд через пять вслед за ним прожужжал ещё один. И техника, и экипировка были у них почти одинаковые, что, вероятно, повлияло на умственное предположение Лёшки:

– Он что – по кругу проехал?

Повторюсь: я не сразу понял, кого именно из двух мотоциклистов он имел в виду. А потом меня как обухом топора по голове – бах! Оказывается, ребёнок подумал, что этот один и тот мотоциклист, который дважды проехал вокруг описанного квартала. Поистине – у ребёнка в сознании нет границ. Это взрослый знает, что два километра вокруг домов нельзя проехать за пять секунд, а детское мышление чисто, оно не обременено всякими «нельзя» и «невозможно».

Когда мы зашли в подъезд, то на меня напало какое-то дикое желание поспать. Я попросил Катю побыть с Лёшкой часок, чтобы я смог подремать в тишине. Но у Лёшки на этот счёт появились другие планы. Он начал упрашивать прямо сейчас вернуться на улицу и зайти на дачу – за машинкой, которую он там оставил в прошлый раз. Я предложил малышу сходить туда вместе с мамой, он настоял, чтобы мы обязательно шли втроём.

– Это хорошая прибралка! – чуть ли не верещал он.

На языке Алексея Михайловича «прибралка» означала «выбор»: прибирать – выбирать – прибралка. То есть это «хорошая придумка», имел в виду он.

Стояла прекрасная погода, и я, несмотря на жуткую усталость, решил сделать небольшой крюк.

Мы уже подходили к дачному проезду, как вдруг подул шквалистый ветер и стало так холодно, что я взял Лёшку на руки и понёс его, прижав к груди и закутав в кофту. Вдруг я споткнулся о камень и в считанный миг выронил ребёнка.

– Что случилось? – прокричала Катя сквозь порывистый ветер. Бледный, как кость, я ответил:

– Я потерял Лёшку!

Мы внимательно осмотрели каждую кочку – ему просто некуда было упасть так, чтобы он скрылся буквально в мгновение ока. Вдруг у обочины я заметил просверленную в землю воронку под столб. Более того, туда совсем недавно залили смесь ещё влажного цемента и щебёнки – и Лёшка почти скрылся с головой в этой жиже! Только часть его личика торчала над поверхностью и глазки в ужасе сверкали белками.

В ужасе я ринулся вниз в воронку. Просунул руки в ещё податливую смесь и схватил Лёшку за плечи. Осторожно, чтобы ничего не повредить, быстро поднял малыша на поверхность, отёр, как мог, его лицо и тело. Лёшка даже не заплакал – он весь как-то согнулся, прижался ко мне холодным цементом и запищал от страха. Я старался успокоить его, но у меня ничего не получалось. Я побежал к дачному домику, чтобы там стереть с него всё и согреть. Каково же было моё удивление, когда вместо узкого проезда меня встретило сплошное налепление одно- и двухэтажных домов.

Откуда они тут все взялись!?! Представьте себе: стоит во всю ширину дороги дом, обойти его нельзя, а заходишь внутрь – там такой же дом, с общей стеной. И пройти всё это нагромождение кирпича, бруса и картона невероятно сложно. В одном месте нужно перелезть через стол, чтобы пройти дальше, в другом – пролезть под препятствием, и так далее без конца. И только преодолев таким образом несколько домов с ребёнком на руках, я наконец-то... проснулся.

Лёшка с мамой беззаботно играли в зале – я увидел это, перевалившись на пол и хищно глядя вокруг в поисках ответа: что же произошло? Оказалось, мы не ходили ни на какую дачу – вошли в подъезд, зашли домой в квартиру, и я моментально уснул у себя в кабинете на диване.

Показавшись, что я проснулся, я, тем не менее, не хотел тяготить своих сумрачным состоянием, в которое меня уволок этот кошмарный и дурацкий в своей сути сон. Заварил себе кофе и сел перечитывать многострадальный роман. Хотя бы это занятие могло отвлечь меня от головной боли, с которой мне так и не удалось расстаться в течение вечера.

Глава 61

Литературный триумф

Я лёг спать уже ночью, гораздо позже Кати с Лёшкой. Лёг как будто разбитый и засыпал с трудом. Как я прошёл эту границу, я не осознал. И проснулся с ощущением, что время уже обед. На деле оказалось, я проспал

всего пару часов. Но за это время, на удивление, вполне успел отдохнуть. По крайней мере, я не чувствовал такой гнетущей усталости, как вечером, а голова была ясной и лёгкой. Катя и Лёшка мирно спали, и я аккуратно встал с кровати и вышел в кабинет. Тихонько сел за компьютер и открыл роман.

Ещё вечером меня откровенно поразило эффектное начало про то, как главный герой разбил стекло молоком, потому что в слове «молотком» кто-то отлепил букву «т». Оказалось, что я совсем забыл почти всё, о чём я писал – уже два или три года тому назад. Я продолжил чтение с ощущением, что читаю чужую книгу.

Некоторые эпизоды меня, признаться, покоробили. Особенно пошлые, где какие-то совсем уж непристойные словопревращения творились. Кажется, я начал понимать Катю, почему она настоятельно советовала не писать дальше. Многие моменты я попросту убрал, другие значительно сократил, с купюрами и переработками.

Но главное – я с головой погрузился в редакцию романа и начал его как бы дописывать, дошлифовывать, параллельно вычитывая от корки до корки. Периодически вдохновение накрывало меня, как морской волной, и я вдруг создавал новые яркие образы, придумывал необычные обороты, генерировал вкусные метафоры – одним словом, творил в своё удовольствие.

Я работал до четырёх часов ночи, когда усталость наконец взяла своё. Но даже и тогда я ещё полчаса вписывал с новой строки идеи, которые появились у меня за ночь, чтобы завтра включить и расписать их в тексте романа. Совершенно счастливый и бессильный, я рухнул в кровать в своём кабинете и заснул сладким сном праведника.

Наутро Лёшка и Катя проснулись в обычное время, но, конечно, раньше меня, который видел совсем не седьмой, а только второй или третий сон. Но потом Катя мне рассказала удивительное предположение Лёшки, до которого может додуматься, несомненно, только ребёнок.

– Мама, а почему папа ещё спит? – спросил он.

– Потому что с нашей стороны дома солнышко уже взошло и светит нам в окно, – придумала Катя, – а с той стороны, где папин кабинет, ещё темно, вот он и спит.

Катя рассказала, что Лёшка задумался, а потом уточнил:

– Значит, все люди в нашем доме с этой стороны уже проснулись, а с той стороны – все спят?

Меня эта история очень порадовала и развеселила. «Какой же я счастливый!» – в очередной раз поймал я себя на этой мысли. Ведь у меня всё есть! Вообще – всё. Ну, нет у меня частного особняка, личного самолёта, членства в гольф-клубе – да и член с ним! Зато у меня самое главное – семья, в

которой главенствуют любовь и взаимопонимание, уважение к личности, пестование таланта и индивидуальности, поддержка и помощь.

Как же это здорово, что Катя учит Лёшку всему на свете – от написания буквы «ё» до смешения красок, от приготовления суфле до переноса вкладок в браузере с одного экрана на другой. Конечно, я тоже стараюсь обучать «чему-нибудь и как-нибудь», что ограничивается безопасным переходом дороги и правильными подкатами к красивым девочкам, – но ведь что-то и удаётся. Наверное, Катя права: сдать бы эту книгу в тираж – и посвятить всё свободное время семье. Но это уже в Крыму. А пока надо немножко попотеть, чтобы подготовить лучшую возможную версию книги.

Неудивительно, что весь день, пока мы гуляли с Лёшкой в парке, катались на каруселях и обедали в кафе, я подспудно думал о нативных приключениях офисных магов. Он, конечно, её найдёт, потому что скажет: «Я – Антон Атомарг», а это наоборот «нотная грамота», которую она как раз начнёт изучать в музыкальной школе.

Образы вымышленного мира чередовались и смешивались с явлениями реальной жизни. То я представлял официантку героиней предпоследней главы, то пытался найти в телефонной книжке своего персонажа, свято веря, что он реальный человек, с которым мы ездили на «Дикую мяту».

– Кстати, – вдруг вспомнил я, обращаясь к Кате, – давай купим шнур тебе на велосипед. Замок такой на стальном тросе, представляешь?

Я указал жестом на хозяйственный магазин, мимо которого мы проходили.

– А, давай! – согласилась она.

Мы зашли, выбрали синенький велозамок. Попробовали ключом открыть-закрыть. Лёшка поинтересовался, что это мы такое смотрим, и потребовал продемонстрировать нам, как всё это работает. Я дал в руки ребёнку ключ и показал, как отпирается замок. А затем – дурак! – решил пошутить и не нашёл ничего лучше, как надеть и застегнуть шнур... у Лёшки на шее. Замок защёлкнулся плотно, так что малыш стал задыхаться и судорожно задёргал за шнур. Катя в ужасе накричала на меня, чтобы я скорее снял трос. Но ключ никак не открывал механизм, как я ни старался повернуть его в личинке замка. В полном затмении ума я наблюдал, как синее Лёшкина кожа на лице. Он почти потерял сознание, как вдруг в подсобке приоткрылась дверь и уже знакомый мне старец прошипел:

– Ты что, оглох! Я же сказал, позвони в дрезденскую клинику и скажи доктору Клаусу Больцу, чтобы он не отходил от Урсулы ни-на-се-кун-ду!!!

В шоке я открыл глаза и понял: кошмар. Всё равно – не дыша, резко вскочил с дивана в кабинете, где я спал, и бросился к Кате с Лёшкой. Они мирно посапывали в кровати. Только теперь я позволил себе задыхаться.

В лихорадке взял телефон и закрылся в комнате, чтобы никого не разбудить. Нашёл в интернете справочный номер отдела здравоохранения в Дрездене и – позвонил! На ломаном немецком попросил соединить меня с доктором Клаусом Больцем. Сказал, что это срочно. Что я звоню из России. Через минуту мне ответили, что доктор Больц сейчас на обходе. Я потребовал позвать его в регистратуру и соединить – срочно! Видимо, моё истерическое волнение заставило девушку на ресепшене неизвестной мне клиники пойти и позвать доктора к телефону. Вскоре он подошёл.

– Халло!

– Халло, доктор Больц! Их хайсе Михаэль, их бин аус Русланд.

Теми же ломаными выражениями я постарался выяснить, ведёт ли он пациентку по имени Урсула. С недоверием он ответил, что это врачебная тайна.

– Послушайте! – взмолился я. – Пожалуйста, не подумайте, что я сумасшедший. Я и сам шокирован происходящим. Но вот уже третий раз мне во сне снится, что с моим маленьким сыном происходит что-то очень плохое. А затем появляется старец, который приказывает: скажи доктору Клаусу Больцу из Дрездена, чтобы он ни на минуту не отходил сегодня ночью от Урсулы.

Повисла пауза.

– Почему я не должен от неё отходить? – наконец спросил он.

– Я не знаю! – честно признался я. – Но, Клаус, пообещайте мне, что сегодня не отойдёте от неё ни на секунду. Он так и сказал: ни на секунду! Первые два раза говорил: ни на минуту – я это чётко помню. А сегодня, видимо, срочное дело.

Вновь возникла неприятная тишина.

– Пожалуйста, доктор, пообещайте мне! Я сам предпочитаю научные методы, но вдруг эти сверхъестественные сны – что-нибудь, да значат! Прошу вас! Я звоню вам из России, у нас уже полвторого ночи. Я не какой-то шутник и не разыгрываю вас. Просто поверьте мне! И просидите у койки Урсулы эту ночь!

Поколебавшись, доктор Больц согласился. Мы как-то очень по-скоморошески попрощались, но я вдруг совсем-совсем успокоился. Положив трубку, подошёл к иконе Спасителя, перекрестился, поцеловал образ и... помолился за Урсулу.

«Вот где настоящее скоморошество, – поймал я себя на мысли, – молиться за неизвестную девушку. Может, её и нет вовсе и это только игра моего гнусного ума. А, может, в этом и есть безграничность Божественных энергий – молиться даже за персонажа чьего-нибудь вымысла?».

Как бы то ни было, я вновь лёг спать. И на этот раз проспал несколько кряду часов без сновидений и, кажется, ни разу даже не перевернулся во сне. А

проснулся бодрым и готовым дописать главный роман своей жизни. Кошмары, старец и доктор стёрлись из моей памяти, как будто и не существовали на свете.

Долго ли, коротко ли – а скорее долго, потому что весь вечер и ночь воскресенья я просидел за экраном, внося последние правки в свою книгу – пришёл день моего триумфа. День торжества, когда издатели примут мою рукопись для печати – а я об этом точно знал от своего знакомого. И если бы не переезд в Крым, я бы вообще не задумывался о деньгах. Но теперь размер гонорара имел для меня решающее значение.

Я брился перед зеркалом в ванной и вспоминал опыт работы маркетологом: гладковыбритый мужчина способен заключить сделку не на три, а на четыре миллиона! Значит – надо не полениться и гелем убрать чёлку, надушиться нейтральным парфюмом, лучше древесным, и начистить ботинки прозрачным лаком. Одним словом, в тот день я был неотразим. Тем сильнее диссонанс, который я испытал в издательстве.

На деле это оказалось несколько комнат на первом этаже крупной типографии. Везде было по-советски пыльно, неопрятно, где-то даже накурено, несмотря на то, что уже давно появился запрет курения в помещениях. Шум стоял, как на фабрике, поэтому Юрию Леонидовичу – так звали директора, с которым меня свели, – пришлось кричать, чтобы сказать, чтобы я следовал за ним.

Он завёл меня в маленький кабинет, заставленный по стенам книгами, и закрыл за мной дверь. Пригласил садиться за стол, заваленный бумагами в десять археологических слоёв. Честно говоря, я по-другому себе представлял эту встречу: просторная переговорка, секретарша приносит кофе, сигары в деревянной коробке лежат. На деле оказалось иначе: теснота, сладко-вонючая пыль, от которой хотелось чихать, и директор в затёртой рубашке в клеточку. «Шахматная рубашка», – вдруг вспомнил я Лёшкин афоризм.

– Михаил, – начал он, – я прочёл ваш, гм, роман. По просьбе Димы Борисова, вы, конечно, знаете.

Он небрежно махнул мне рукой, как будто метнул игральную карту.

– Признаюсь: мне понравилось! Нетривиально, свежо, сюжет интересно составлен. Но наше издательство занимается другой тематикой, вы понимаете. Историческая проза, документалистика и так далее. Поэтому мы вашу рукопись сможем принять, гм, в качестве исключения из правил. Периодически мы печатаем что-то, что, так сказать, не вписывается в нашу нишу. Но вы понимаете: на крупный тираж рассчитывать не приходится.

Он пожевал губами.

– Обычно мы отчисляем авторам два-три процента от продаж. Но так как вы от Димы, я пойду навстречу – пять процентов. Поверьте, это максимум, который позволяет нам самим не уйти в ноль и хоть что-то получить за работу. Итак. Тираж – полторы...

Юрий Леонидович включил калькулятор и начал набирать цифры. А я даже слюну сглотнул от неожиданности: полтора миллиона – это больше, чем у Акунина! Вот тебе и советский деятель в клетчатой рубашке! Надо будет Диме хорошенько проставиться – поляну ему накрою, когда всё получу!

– ...при средневзвешенном доходе сто пятьдесят, – бурчал себе под нос издатель и продолжал нажимать на калькуляторе кнопки. – И умножаем на пять процентов. Получаем: одиннадцать и двести пятьдесят!

Кажется, у меня натурально челюсть отвисла. Одиннадцать миллионов!? Да я даже в самых смелых фантазиях столько себе не представлял! Думал: максимум – десять! Да и то – это скорее такая несбыточная мечта была, чем реальное ожидание. Да я бы за три миллиона согласился все права отдать. А тут, наверно, отчисления и за следующие тиражи сохраняются.

– Юрий Леонидович! Я вам очень благодарен! – воскликнул я и даже прижал правую ладонь к сердцу. Издатель посмотрел на меня не без удивления.

– Для вас – что, так много значат одиннадцать тысяч?

– Тысяч! – выпалил я, и тут же по спине пробрало морозом. Оказывается, он имел в виду одиннадцать тысяч евро. Я быстро посчитал в уме: это всего 900 тысяч рублей. Да он в своём уме? Издевается, что ли?

Я встал из-за стула и зашагал из угла в угол.

– Нет, одиннадцать тысяч – это решительно мало! – с волнением заговорил я. – Этого даже на первое время не хватит. Маловато, Юрий Леонидович.

Он воззрел на меня с ещё большим любопытством.

– Михаил, вы же вроде работаете в журнале, – я хотел вставить, что уже нет, но не смог пошевелить языком. – Неужели там так мало платят, что вы готовы отдать авторские права за одиннадцать тысяч рублей?

– Рублей??? – возопил я, как ветхозаветный пророк. А затем стал щупать своё тело и особенно уши: так ли я всё это услышал? не сплю ли я? – Подождите: вы всерьёз говорите об одиннадцати тысячах рублей?!

– Ну да! – усмехнулся издатель. – А вы на евро рассчитывали, что ли?

И захихикал, как бельчонок.

Я был в абсолютном шоке. В трансцендентном, иррациональном шоке. Не дав никакого ответа и вообще – не вымолвив ни слова, я развернулся и пошёл прочь. Юрий Леонидович выбежал вслед за мной и пытался меня переубедить, но я молча маршировал по коридору к выходу.

Уже на улице я подумал: не закурить ли? Но я немедленно отбросил эту трусливую и гадкую идею, как только вспомнил, до какого чудовищного кашля довёл меня табак, когда я курил несколько лет назад несколько лет подряд. В конце концов, есть масса других возможностей снять стресс в десять утра понедельника, когда ты безработный и когда тебе предложили сущие копейки за результат твоего трёхлетнего труда. Я зашёл в ближайший трактир и заказал сто пятьдесят водки.

Проглоченные почти за раз, они изменили моё отношение к ситуации. Разговор с издателем я отринул, как будто он случился не считанные минуты, а лет двадцать назад. В то же время зелье посеяло во мне новые зёрна – желания забыться.

Я расплатился, так как трактир был совсем уж некомфортным, и пошёл дальше, к летней веранде хорошего ресторана. Здесь я неожиданно для себя спросил у официантки:

– Есть у вас шестнадцатилетний Лагавулин?

Девушка с изумлением посмотрела в гаджете с меню.

– Гм, да, есть. Тысяча четыреста за пятьдесят граммов, пятнадцать девятьсот за бутыл...

– ...пятьдесят, да! – может быть, несколько неучтиво перебил её я.

И заказал нехитрой снеди, просто чтобы не расклеиться к полудню понедельника.

– Нашёлся! – заметил я, держа в руках стакан с полуметровым дном и размешивая по нему терпкую влагу карамельного цвета с заметным запахом йода.

Официантка, конечно, не поняла, что я имел в виду потерявшегося подростка – шестнадцатилетнего Виктора Лагавулина.

– Как будто поместье сгорело! – вполголоса произнёс я, распробовав виски.

Попотчевовавшись и закусив, я, уже гораздо веселее, пошёл гулять дальше. «Да и чёрт с ним, с этим издателем, и всей этой литературой! – в сердцах бросил я. – Вот продадим квартиру – и поедем в Крым!».

Затем зачем-то я отправился в лес на окраине и блуждал по нему, как настоящий фавн. Снизу мои ноги обросли репьями, как шерстью, и периодически я играл на литровой дудочке в бумажном пакете, отхлёбывая черниговского нефильтрованного «Біле».

Все свои проблемы я отправил в тот день лесом. Чтобы на следующий день, едва придя в себя, вновь себя потерять в череде сменяющих друг друга кадров мировой истории.

Глава 62

Вторник. Кремль. Крым

На следующий день я проснулся совершенным безработным гулякой и лентяем. События предыдущего вечера складывались в пазл с трудом, с явными пробелами. На удивление – Катя не высказала мне ничего нелицеприятного, как это бывало, когда я перебирал. Вероятно, история с неудавшейся публикацией романа заставила её войти в моё положение. Япил холодную воду с выжатым в неё лимоном и горел головой. Но не волею – моя решимость поскорее решить крымский вопрос только усилилась. Особенно, когда на экране телевизора появилась бегущая строка об экстренной трансляции из Кремля.

Я помню тот день, как сейчас. Это был вторник. Часов двенадцать дня. Сначала показали тронный зал кремля, где десятки сановников что-то горячо обсуждали друг с другом. Затем голос а-ля Левитан объявил о появлении президента и главы Крыма – это меня насторожило. Путин вышел к кафедре и начал обстоятельную речь. Президент рассказал о долгом историческом пути полуострова. О его присоединении при Екатерине Великой после победы в Турецкой войне. О Крымской войне пятьдесят третьего года. О самовольном решении Хрущёва отдать Крым Украинской ССР. О постперестроечной сумятице.

Занятный факт №4

Микроб по-украински – дрібноживець

Из его выступления как будто вытекало, что вся Украина – результат перекраивания границ входящих в неё областей в советский период. Я поймал себя на мысли, что так и до русского Харькова недалеко. А президент продолжал о проценте российских граждан, живущих на полуострове, и свободном волеизъявлении и прочем. Я, наивный дурак, всё ещё не понимал, к чему всё идёт. Но когда тот же новый Левитан назвал имя крымского руководителя, а тот заявил о референдуме по присоединению к России в качестве нового региона – у меня просто челюсть отвисла.

– Катя, ты понимаешь, что происходит? – спросил я спустя несколько десятков секунд.

Она кивнула. А я продолжил:

– Теперь мы сможем уехать в Крым, не покидая России.

Эта мысль пронзила мне голову молнией.

– А родители смогут приезжать к нам без таможенного досмотра и иностранных грин-карт. Поехали сегодня? – неожиданно подытожил я.

– Сегодня? – прыснула Катя. – Как ты себе это представляешь?

– Ну, не сегодня – на этой неделе. Всё оформим и уедем.

Я взял её руки в свои, а Лёшка продолжал наворачивать вокруг нас круги на трёхколёсном велосипеде с Машей и медведем на руле. Я встал на колени.

– Согласна ли ты, Екатерина Кожаева, урождённая Полосян, уехать со мной в солнечный Крым, чтобы прожить там всю жизнь на берегу моря, состариться и умереть в один день, бросившись в пучину с вершины Ай-Петри.

Катя рассмеялась.

– Это вершина на горной гряде, оттуда до моря разве что на дельтаплане можно долететь!

– Не порть момент! – с улыбкой воскликнул я. – Согласна или нет?

– Согласна! – ответила, наконец, она, и мы поцеловались, как в советских фильмах тридцатых годов.

На минутку Лёшка остановился и, с удивлением воззрившись на нас, пропищал:

– Фу, целуются!

Мы немедленно поймали его и заключили в тройном поцелуе, так что он уже не мог сопротивляться и лобызал нас, закрыв глаза. Я ещё подумал: «Слава Богу, что мы живём в России: в просвещённых Европах за такую сцену могли бы и родительских прав лишить. Демократия грёбаная!».

С этой мыслью я взял телефон и набрал потенциального покупателя, который хотел купить нашу квартиру, но предлагал слишком мало. Но сегодня его сумма меня бы полностью его устроила, и я открыто ему об этом заявил по телефону. Виктор, так звали интересанта, знал, что мы собираемся в Крым, и после моих пояснений выразил понимание и радость. Обещал ускориться в сборе средств и перезвонить в ближайшее время. Договорились.

Мыслями я был уже в Крыму – в Судаке, Коктебеле или Керчи – неважно где. Мыслями я был уже там. Здесь меня больше ничего не держало, равно как и журналистская карьера, и телевизионные интриги, и кусающий в самую душу мертвячий холод зимы. Мыслями я был уже там и жадно глотал солёный морской воздух посередине квартиры в средней полосе России.

– Может быть, я просто дурак? – подумалось мне, и таковое предположение меня полностью устроило.

За считанные часы я выложил в интернет объявления о продаже мебели, утвари, бытовых вещей, и на время наше жилище превратилось в восточный базар. Приходили люди, торговались – хотя я и так назначил смехотворную цену на всё – и уносили шкафы и диваны, холодильник и стиральную машину,

пылесос и увлажнитель воздуха. Лёшка глядел на всю эту клоунату абсурдности жизни и каждый раз спрашивал, почему чужие дяди и тётки уносят наши вещи.

Буквально за пару дней наша квартира, в которой прошли первые годы жизни нашей семьи, опустела. Я отвёз Катю и Лёшку к бабушке солнышке, а сам занялся погрузкой нашего перекаати-польного скарба. Сколь мало вещей ни осталось, а всё же мне пришлось купить прицеп, чтобы уместить все наши чемоданы, сумки и тюки.

Когда мы оформили квартиру на нового владельца и он перевёл мне деньги, я вдруг ощутил себя голым: ни крыши над головой, ни помыться негде, ни перекусить или чаю погреть. Карточный миллионер, я прогулялся до ближайшей бургерной и заказал себя булочку, которой и отметил свой последний день в родном городе. Потом я поехал в Чёрную Смородину к бабушке, и рано утром мы с Катей и Лёшкой выехали в Крым.

Начиналась наша новая жизнь. А для Лёшки и вовсе рушился старый мир и начинался новый – неведомый и немного страшный. Впрочем, как и всё в жизни, что мы делаем впервые. Лично я ехал к этой страшноте в восторге и предвкушении.

Первые сотни километров пролетели, как лебеди в детской карусели. Эту дорогу на юг я знал с детства. Здесь, в деревне Кресты Чернского района, жил мой дед. Эту дорогу я проехал бы с закрытыми глазами, если бы её не перестроили. Там, где асфальт под железнодорожным мостом сужался до бутылочного горлышка и ты боялся задеть встречную машину, теперь появилась огромная надземная эстакада. Я ехал и восхищался всем тем, что поменялось здесь за последние двадцать лет. Впрочем, я постоянно сдерживался от восклицаний, поскольку Катя с Лёшкой на заднем сиденье заснули, и я восторгался в одиночестве.

Затем началась неизвестная мне дорога. Дави и дави на педаль – а ехать ещё тысячу километров, и мало что изменится за окном. А между тем я постоянно подсматривал в навигатор на телефоне, будто я мог заблудиться в нашей бесконечной стране. Путь до Воронежа был пустой и бессмысленной ездой, но оказалось, что следующие полтыщи вёрст тоже будут такими. Меняются только цифры на столбиках – в остальном ты просто едешь по стране, будто кони на сцене, которые на самом деле никуда не бегут.

Может быть, и мы никуда не бежали, но мы сбегали и в этом смысле – бежали, скакали, гнали, летели, взлетали. Для Лёшки всё это было в диковинку: придорожные кафе со сдобными булками, запах кофе на заправках, аромат чёрной смородины от папиных энергетиков. Мы мчались, как на праздник, который открыт для всех, но на который никого не зовут. К вечеру

томительного дня я наконец устал, и мы остановились на самом исходе Ростовской области, чтобы переночевать.

То была теплынная южная станица. Где-то неподалёку гуляла молодежь. Традиционную прошловековую гармонь сменила современная колонка, доносившая нынешних рэп-исполнителей. Запускали фейерверки, пели, гудели, сигналили. Где-то неподалёку затевалась драка, кто-то кричал: «Осторожно, у него пчак!», но затем всё снова стихало, как будто поколения смывались волной в океан истории.

Из окна с рамой крестом, как в украинских советских мультиках, слепила луна. Было полное ощущение нового рождения. Впрочем, почти сразу я уснул, так что улюлюканья и игрища доносились до меня через подушку грёз.

Проснулся я буквально за минуту до будильника, который поставил на пять. Сделал себе кофе на пустой уличной кухне. Разбудил и довёл до машины Катю, перенёс спящего Лёшку. В половине шестого мы уже въехали в Краснодарский край, а когда мои любимые проснулись, я уже ждал своей очереди, чтобы въехать на Крымский мост. Однако меня настораживал гаишник, который разворачивал все машины обратно.

– Здравствуйте, господин капитан! – поприветствовал его я, когда настал наш черёд.

Полицейский хмуро взглянул на меня, потом на море, потом опять на меня.

– Михаил Михайлович, я же предупреждал вас: не используйте образы гаишников в своих фантазиях. Ну почему вы опять меня выдумали, а? А я вам отвечу: потому что у вас мышление – как продуктовый набор на неделю, а память – как рваный пакет. Вы сами не помните, что и где вы писали. А про последовательность я вообще молчу – тут полный швах!

Я сглотнул слюну.

– Неужели вы не помните, что речь президента о присоединении Крыма была в самом начале первого тома этого вашего «кожаевского мира цыган». У вас и мечта эта – переехать в Крым – сформировалась после того, как вы узнали, что Крым наш. А теперь вы опять упоминаете эту речь и на всех парусах летите в Судак через Крымский мост. Так его же ещё не построили! Его пять лет ещё будут строить, а вы уже приехали его проезжать.

Он отдал мне права, но тут же воскликнул:

– Да не брал я у вас права, чтобы их возвращать! Ей-богу, память, как у курочки. Михаил Михайлович, поймите вы наконец: вы своей писаниной только отдаляете себя от счастья. Вместо того, чтобы сейчас сидеть за компьютером и выдумывать всю эту белиберду, что вы едете с семьёй в Крым, – вы бы лучше реально это время провели с семьёй. Такая у вас хорошая жена,

красивая, детей фотографирует. Лёшка вон какой замечательный. Ну посидите вы с ними полчаса, пособирайте лото «что из чего сделано». В этом счастье, а не в иллюзорных попытках уехать в Крым. Счастливого пути по жизни!

С этими словами он отдал мне третьи водительские права, с укором поглядел меня и сплюнул в сторонку. Я развернулся и поехал к паромной станции. Моста, действительно, ещё пять лет как не было и в помине.

Глава 63

Митридатская лестница

С ощущением абсолютной новизны жизни мы въехали в Керчь. В последний раз я испытывал подобные эмоции, когда студентом съехал от родителей и поселился в своей первой съёмной квартире. Но тогда это был просто первый опыт самостоятельности, а теперь – наша семья кардинально меняла свою судьбу, поворачивала, как русло реки в другую сторону света.

Мы въехали в свою первую – в Крыму – съёмную квартиру, выгрузили вещи и немедленно пошли гулять. С солнечной площади поднялись по лестнице Митридата на одноимённую гору, откуда открывался вид на весь город. 432 ступени счастья пролетели незаметно для духа, но для тела требовали подпитки. На самом верху оказался торговец едой, который предложил мне коньяк «Митридат». Уж не знаю, чем этот персидский царь заслужил такую любовь крымчан, но я выпил всего две рюмки и просто парил над полуостровом, как в раю. И хочу со всей ответственностью заявить: «Митридат» – самый вкусный коньяк в мире.

Немного перекусив, исколесив все окрестности, мы, полуголодные и до полусмерти уставшие завалились спать. А утром я пошёл посмотреть наш будущий новый дом. Точнее, дом был, конечно, довольно старым, но мы на всё смотрели новыми глазами, как будто сменили их, переплыв с континента на вожделенный полуостров. На удивление быстро мы сговорились о цене: всех наших сбережений хватило, чтобы оплатить маленький одноэтажный домик на берегу моря. Но вдруг обнаружилась одна проблема: так как Крым только объявил о присоединении к России, то многие процедуры ещё не были отлажены. Поэтому оказалось, что мы можем купить недвижимость, но не можем прописаться в ней, так как не являемся гражданами Украины, а без прописки мы не можем находиться на территории Крыма более трёх месяцев.

– Что за чушь! – чертыхался я в жилищном департаменте керчинской администрации, где мне дословно повторили расклад. – Что же мне, через три месяца придётся выехать на пароме в Краснодарский край, а на следующий день въехать обратно!?

Мне отвечали «да» на все мои вопросы с описанием абсурдности ситуации. И, потеряв терпение, посоветовали обратиться к мэру. Я поблагодарил полчище бюрократок за этот совет, сел в «Волгу» и поехал... к мэру.

На удивление оказалось, что попасть к нему в приёмную гораздо проще, чем в России мегаполисной, такой важной и неприступной. Здесь я просто занял очередь в кабинет и стал ждать. Передо мной была совсем юная девушка с двумя детьми, и мне даже удалось подслушать её разговор с чиновником, когда она вошла внутрь. В этот момент у меня зазвонил телефон:

– Михаил, здравствуйте, это Василий Иванович. Я у вас квартиру купил. Нам сейчас платёжка пришла не на три, а на четыре комнаты. И я...

– Извините, я не могу сейчас разговаривать! Я вам обязательно перезвоню!

Я положил трубку и постарался вслушаться в диалог мэра и его посетительницы.

Девушка жаловалась на аварийный дом, в котором они живут и который может со дня на день рухнуть. Чиновник спросил, есть ли у неё, куда отдать детей. Та ответила, что в соседней деревне у неё единственная родственница – бабушка-старушка. Но она совсем больная и не усидит даже с одним ребёнком, не то что с двумя. До этого момента мэр, которого я узнал только на слух, казался мне человеком приличным. Но тут он вдруг ответил посетительнице:

– Да усидит, конечно! Отвезите их ей, детям будет даже веселее: сколько они с ней не виделись?

Девушка расплакалась, а бюрократ добавил, что время на одно обращение истекло, и попросил позвать следующего. Дверь растворилась, и я уже хотел было пропустить бедняжку, как вдруг одна мысль рассекла мне сознание, как топором. Мельком я взглянул на мэра – это был в меру упитанный мужчина лет сорока в тёмно-голубом костюме – и неожиданно вспомнил старушку-француженку на египетском пляже:

«Если когда-нибудь мужчина в синем костюме будет распекать в присутствии двух её сыновей во время грозы – подойдите к этому мужчине, ударьте его по щеке и скажите: “Ты сам-то когда в последний раз у своей старухи был?”».

На улице стояла прекрасная погода: ни тучки, ни дождевики, тем более не было грозы. Но меня как будто чужая сила подхватила и понесла. Я преградил путь выходящей из кабинета девушке и – сам не знаю, как я осмелился на это, – прошёл внутрь и залепил не ожидавшему ничего подобного мэру пощёчину.

– Там сам-то когда в последний раз у своей старухи был?

Тот вскочил, как разъярённый кабан, ответил мне втрое более мощной оплеухой и заорал:

– Охрана! Охра-ана!

Секунд десять ничего не происходило. Мы стояли и смотрели друг другу в глаза. Младший сын девушки заплакал, и она взяла его на руки, уже в коридоре. А затем в кабинет влетело двое полицейских, которые по указанию мэра заломили меня и защёлкнули в наручники.

Спустя пять минут я сидел в камере местного РОВД. У меня изъяли все документы и телефон, так что я не смог позвонить Кате, чтобы предупредить её, что задержусь на неизвестный срок. Видимо, немалый: суток пятнадцать были мне гарантированы. С этой мыслью я посмотрел в узкую щёлочку окна. На небе сгустились тучи, где-то что-то сверкнуло и вдруг шандарахнула гроза.

Спустя полминуты полил дождь, но ему не удалось скрыть две предательские слезинки, скатившиеся из моих глаз. «Что я наделал?» – в ужасе корил я себя и даже несколько раз ударил по ноге, оставив заметный синяк. Моя новая крымская судьба началась с решётки и разлуки с бедной Катей и Лёшкой. Они были вынуждены в неведении ждать весточки от меня в новом городе, в съёмной квартире, во время грозного ливня.

Спустя пару часов я попросил лейтенанта позвонить жене. Объяснил ситуацию, сказал, что родные не знают, где я, что они одни в незнакомом городе.

– Ты дурак, что ли? – ответил мне полицейский. – Ты бы ещё губернатора ударил! У тебя в голове опилки, что ли? Да мы тебя кормить не будем без специального указания сверху, а ты – позвонить...

На этот раз я расстроился по-настоящему. Меня, действительно, не кормили. Воду-то дали, скорее, для того, чтобы я не потерял сознание в душной камере и не пришлось бы меня перевозить в больницу. Вечер и ночь я провёл, если не плача, то в душевных слезах. Неизвестность, что с Катей и Лёшкой, просто убивали меня каждую секунду. Каждую томительную и нескончаемую секунду.

Наступило утро. Взошло солнце, и наступил новый день – такой же прекрасный, как и все здесь, должно быть. Но сердце моё ныло от боли. Как провели эту ночь Катя с Лёшкой? волнуется ли они за меня? может быть, Катя уже все морги обзвонила? В вопросы влез тупой мозг: до моргов она бы должна была обзвонить больницы и полицейские участки, а сюда никто не звонил. Заткнув мозг за пояс, я предался сердечной грызне. Чёрт побери, я переживал, как проклятый, а эти толстолобые полицейские, пухлые от ночного сна, заваривали кофе и ругали меня бранными словами.

Прошло ещё пару томительных часов, как вдруг во входную дверь настойчиво позвонили. Дежурный пошёл посмотреть, кто там, и через секунду вернулся... с мэром. Тот уже не выглядел, как вчера – Самсоном,

переламывающим колонны дворца филистимлян. Напротив, он держался как-то смиренно, что ли. Подошёл прямо ко мне и в присутствии полицейских негромко сказал:

– Я ведь действительно свою маму много лет не видел. Даже думать забыл про неё. Так что – спасибо тебе!

Он кивнул полицейскому, и тот бросился открывать засов. Выражение его лица свидетельствовало о намерении помириться.

– А за пощёчину – извини. Не ожидал, что ты вот так набросишься, на автомате ответил.

– И вы меня извините! – поторопился я. – Сам не знаю, почему так резко всё получилось. Простите ради Бога! То ли слово это, «старуха», задело, то ли – как вы с женщиной обошлись.

Мэр подхватил меня под локоть и повёл к окошку, где мне вернули документы и телефон.

– Я ей уже помог. Администрация выделила свободную квартиру в квартале социального жилья, её с детьми туда уже перевезли. Она, кстати, очень просила за вас. Честно говоря, я вначале думал сгноить вас в этой камере. Но к вечеру успокоился, подумал: а ведь я действительно сто лет не был у мамы. Съездил к ней, чаю попили. А то всё дела, дела. Мне сказали, вы не местный?

– Нет, – признался я. – Мы с семьёй только вчера приехали в город. Можно я позвоню жене? Она одна, с пятилетним малышом. Покой потеряла, наверно.

– О, извините! – чего-чего, а такого сопереживания от мэра я не ожидал. У него на лице было написано, насколько ему неудобно из-за того, что он ночь продержал главу семейства без весточки. – Звоните, конечно!

Я набрал номер. После первого же гудка Катя сняла трубку.

– Ты где? – грозно прикрикнула она.

– Я... на улице, – затупил я, не ожидая подобного наскока. Катя продолжила распёк:

– А до этого где был? с девками своими?

– Да с какими девками?..

– Я тут одна, с ребёнком, места себе не нахожу! А ты на тусовке какой-то! В каком-то притоне!

Былое чувство вины за свою безвестную пропажу начало сходить. Мэр, понимая ситуацию, отошёл, сделав вид, что изучает сообщения в телефоне.

– Прекрати говорить, как моя мама! – разозлился я. – Я всю ночь провёл в полицейском участке! Сидел в душевой камере без куска хлеба! Переживал, как вы там!

– Не лечи меня! – возразила Катя, но уже не так уверенно. – Я звонила тебе тысячу раз! Ты сначала отключил телефон, а потом включил! Это тебя полицейская госпожа наручниками сковала в этот момент?

– Да прекрати ты нести чушь! – вскипел я. – Какие на хрен наручники! Точнее, наручники были... но меня в них доставили в участок. Я тут всю ночь просидел, о вас думал! А ты про каких-то баб опять! Короче, слушай сюда. Я сейчас пойду оформлять документы, приду в обед. Будь ласка, приготовь мне что-нибудь сытное, потому что я жрать хочу, как волк! И приди в себя наконец-то! Обними от меня Лёшку. А тебя, дуру, целую! Пока!

И положил трубку, не дав ничего сказать в ответ. Из совершенной неизвестности и переживания по этому поводу в какую-то минуту я перетёк в совершенный гнев праведный.

Мэр сделал вид, что закончил изучать уведомления, и вернулся ко мне. Вообще, эта удивительная по слабоумию и отваге история, которая закончилась не бывающим в действительности катарсисом, заставила меня по-новому взглянуть на жизнь в целом. На честность, на решимость в дерзких делах и на смехотворность прошлого. Как знать, может, мы с ним подружимся? и проживём рядом всю жизнь?

– Я, кстати, Михаил, – я протянул ему руку и улыбнулся.

– Александр, – он ответил взаимной улыбкой и рукопожатием. – Александр Игоревич, если что. Но без свидетелей можно просто – Александр. Как жена, в гневе?

– Да-а... Считает, что я с какими-то женщинами провёл эту ночь.

– О, сразу с несколькими – да вы гигант!

Он рассмеялся, а я махнул рукой:

– Да прекратите вы! Это она от нервов так, я уверен. Мы верны друг другу, и она знает, что я никогда не позволю себе измены.

– Похвально.

Возникла пауза, которая должна была привести к прощанию, но я набрался смелости и заметил:

– А, между тем, моя проблема не решена.

– Люблю настойчивых... – он попытался подобрать слово, нашёл его и подружески ударил меня ладонью по виску: – дураков! Говори.

Я описал вкратце свою проблему, и Александр, гм, Игоревич признал, что всё так и есть. Но предложил решение, пусть и покоробившее меня: купить дом и оформить временную прописку беженца, которая действует год. За это время, уверил он, всё решится и сделать постоянную прописку будет легко. Обещал помочь.

Вот так, де-юре переехав из одного российского региона страны в другой, я стал беженцем. И только в тот момент я впервые поймал себя на мысли: а что думают по поводу присоединения Крыма к России на Украине? Всё-таки это великое горе, когда братья ссорятся. А политически получалось именно так. Впрочем, пусть политики играют в свои шахматы, а мы-то дружить не перестанем! Я люблю Украину всем сердцем, и будет до тошноты печально, если западные крабы раздербанят эту замечательную страну на части...

Мэр, к его чести, отвёз меня в нужные департаменты, чтобы оформить документы. А ещё, видя моё истощение, посоветовал вкусную столовую. Кажется, последние несколько лет я не накидывался на еду с таким вожделением. Насытившись, я заехал в ближайший торговый центр, чтобы купить машинку Лёшке и цветы Кате. С подарками вернулся в нашу съёмную квартиру. Она оказалась заперта, ключа у меня не было. Телефон абонента был недоступен. Пришлось садиться в машину и ехать их искать.

На пляже – я поехал туда в первую очередь – их не оказалось. Я прошёл по лабиринту ближайших кафе и магазинов, но тщетно. А так как предыдущую ночь я почти не спал, то решил предать себя в вышние руки и лёг спать в «Волге».

Проснулся я уже вечером. Солнце клонилось к горизонту, и я вновь решил попытать счастья на пляже. Каково же было моё удивление, когда я застал супругу загорающей, а наследника – играющим в песке. Создавалось впечатление, что они приехали в отпуск вдвоём. Впрочем, я должен был порадоваться за них, а я почему-то разозлился, нагрубил.

– Привет-привет! Я вас по всему городу ищу, с ног сбился, а вы тут на солнышке загораете!

Катя за словом в карман не полезла:

– Привет! А что нам оставалось делать? Ты всю ночь гулял где-то! Я глаза не сомкнула. А после звонка от тебя ни ответа, ни привета. Хоть бы позвонил, сказал, где ты!

– Да я звонил! – я достал телефон. – Только абонент не абонент.

– Как так? – Катя полезла в рюкзак и увидела: батарейка села. – Действительно. Ну, мог бы домой заехать.

– Я заезжал.

Так мы цапались бы и дальше, но подбежавший к нам Лёшка завопил:

– Тихо! Прекратите ссориться, а то у меня в голове одно неудовольствие от вас!

От этого весёлого приказа нам как-то стало полегче и в результате мы обнялись. Катя с Лёшкой ещё немного покупались в море. Потом они высушились, переоделись, и мы пошли к дому.

Было поздно, солнце почти село, и улицы наполнились разношёрстной молодёжью. Кто-то сидел в открытом багажнике, из которого неслась чудовищно громкая музыка, кто-то выплясывал у скамейки в сквере. Мы шли через небольшой переулок, и там у нас на пути возникла компания. Три парня, две девушки. Они пили пиво и энергетики, ели чипсы.

– Это кто у нас такие смелые? – один из парней вскочил с корточек и встал перед нами во весь свой почти двухметровый рост.

– Здравствуйте! – я вышел чуть вперёд. – Мы идём домой. Приятного всем вечера!

– погоди, погоди! – парнишка остановил меня, выставив перед собой руку. – Давай-ка сначала кошелёк, а потом мы обсудим твою девушку.

Компания рассмеялась. И уступать нам никто не собирался.

– Так, ребята. Давайте мы мирно разойдёмся. Вы допьёте напитки, а мы пойдём домой спать, у нас ребёнок маленький.

– Ребёнок пусть идёт один! – передо мной возник второй парень. В руке у него сверкнул раскрывшийся нож.

Ситуация принимала неприятный поворот. В этот момент я почему-то вспомнил, что надо полагаться на Бога, но и самому нужно предпринимать усилия, чтобы что-то произошло или изменилось в лучшую сторону в твоей жизни. Но теперь требовалось реагировать быстро.

Мой взгляд зацепился за пустую бутылку у бордюра. В мгновение ока я метнулся за ней, схватил за горлышко и разбил о поребрик основную часть. Быстро прыгнул обратно и оставшуюся розочку приставил к горлу угрожавшего.

– Бросил нож! – прошипел я. – И отошёл на пять шагов.

Тот выронил нож, но отходить не торопился. Зато со своего места встал третий парень и подошёл чуть сбоку – видимо, с прицелом, если понадобится, напасть сзади.

– Папа! – негромко позвал Лёшка.

А я, хоть это и не шло к ситуации, прочёл про себя молитву: «Господи! Дай нам пройти домой, чтобы никто не пострадал и не пролилась ничья кровь! Веди меня по пути Твоему! Они неисповедимы, но знай: клянусь Тобой, я положу всех троих, лишь бы они не тронули Катю и Лёшку. Да будет воля Твоя!».

Тут произошло что-то странное. Как будто время остановилось, и в этом остановившемся небытии тот, что встал третьим, подскочил ко мне с каким-то прутом наперевес. Я отклонился – железо со свистом прошло у меня перед носом. Лицо нападавшего на миг оказалось перед моим. Помедлив сотую долю секунды, я движением снизу вверх вонзил ему розочку в подбородок и тут же

вынул. Часть стекла осталась внутри челюсти. С гортанным воплем парень осел на землю.

Его соратники с криками бросились на меня. Первому я кинул остатки розочки в лицо и, растерянного, ударил ногой в живот. На второго обрушил подобранный железный прут. Теперь, когда все лежали раненые, время пошло вновь и затикало. И вдруг я обнаружил всех трёх живыми и здоровыми, стоящими вокруг меня, с целой розочкой в руках, и услышал Лёшкин голос: «Папа!». После этого одна из девушек этой компании неожиданно громко вскрикнула:

– Дима, не надо, он же порежет вас!

Кто был этот Дима, я не успел понять, но все трое как-то разом отпятились назад. Я стоял с розочкой в руке, напряжённый, как ток, и суровый, как солдат перед атакой. Видимо, случившаяся картина пронеслась только у меня в голове, пока я готовился нанести первый удар. Но по счастью, он не потребовался. «Да будет воля Твоя! Спасибо, Господи!».

Аккуратно я подтолкнул Катю с Лёшкой вперёд и сам последовал за ними полубоком, со сверкающим осколком бутылки в руке. В конце я выбросил его в мусорку у пустой скамейки, и мы быстрым шагом устремились домой.

– Господи, Миша, что это было!? – Катя вжалась в мой локоть, а Лёшку я поднял на другую руку.

– Всё хорошо! Я вас люблю!

Я прибавил хода, и наш подъезд уже показался невдалеке, как вдруг Катя решительно меня остановила:

– Нет, так не пойдёт! – она даже тряхнула меня за руку, когда я попытался пойти дальше. – Перепиши этот эпизод. А то слишком кроваво всё получается – розочка, драка. Нет, не хорошо. Мы же только приехали в Крым. Ты и так нахулиганил с мэром – в реальной жизни тебя бы в зиндане сгноили, а не помогли бы с документами. А тут ещё эта разборка. Нет, твою фантазию решительно надо ограничивать, а то ты до одних убийств скатишься, как в «Маньяке маньяков». Давай – перепиши этот фрагмент, хорошо?

Она зажала мне локоть цепкими пальцами.

– Хорошо?

– Хорошо!

Время прокрутилось назад. Мы прошли двести шагов назад, остановились и вновь подошли к компании. Три парня, две девушки. Они пили пиво и энергетики, ели чипсы. Пока мы проходили мимо, Лёшка вдруг выкрикнул:

– Привет, девчонки!

Девчонки весело рассмеялись, а я негромко извинился:

– Извините!

- Да ничего! Привет, парень! Как тебя зовут?
- Я – Лёшка! – гордо ответил он. – А вас как зовут?
- Я Таня.
- А я Ирина.
- Очень приятно, Таня, Ирина и три мальчика! А мы идём домой.

Приятного всем вечера!

На этот раз рассмеялись все – и мальчики, и девочки, и мы сами.

– Давай! Спокойной ночи! – пожелал один из парней.

Мы дружелюбно попрощались и прошли дальше.

– Ну вот видишь, – негромко сказала Катя, – как всё может быть хорошо! А не твои разборки бессмысленные! Лето, юг, море, доброжелательные люди – вот о чём надо думать! Твои мысли составляют твою жизнь – должен был понять уже, умник!

– Ну ладно, ладно! – я поторопился перебить её спич. – Да, получилось гораздо лучше. Для этого я и даю тебе читать свои черновики, чтобы ты комментировала. Я же к тебе прислушиваюсь и исправляю! Так что – всё, закрыли тему, идём отдыхать.

Мы зашли в квартиру и даже не помылись после моря – рухнули спать. Но перед сном я поблагодарил про себя: «Спасибо, Господи!».

Глава 64

Шестьдесят четвёртая гексаграмма

На следующий день мы проснулись бодрыми и отдохнувшими. Жёлтое солнце изнутри наполняло собой нашу скромную временную квартиру. До переезда в новый дом ещё было время, и мы решили провести его в неге и прогулках по городу. Катя приготовила отменный завтрак со свежими овощами, я сварил кофе с ирландскими сливками, Лёшка нарисовал нас всех вместе и примагнитил рисунок к холодильнику. Одним словом, было чудесное утро.

Занятный факт №19

В Ирландии не водятся змеи

Как все дороги ведут в Рим, так все дороги по пути туда ведут к морю. Катя убедила нас сходить на пляж, позагорать, искупаться. Мы взяли плед и

полотенце, надули круг для Лёшки. И отправились под пение соловьёв и аромат кустовых роз, которыми была буквально усеяна аллея на нашем пути.

Как обычно, Катя взяла с собой фотоаппарат и предложила сфотографировать меня с Лёшкой. Я зашёл в воду по пояс и придерживал юного морехода, пока он с неподдельной радостью взлетал и обрушивался вниз на солёных волнах. Мы отошли ещё немного от берега. Но тут моя нога свалилась куда-то в обрыв, и я оказался под водой.

Больше всего в этот момент я испугался за Лёшку: как он без моего присмотра? не выпадет ли из круга? Но затем меня как обухом ударило, что я могу утонуть. Не в какой-то мысленной модели, а прямо сейчас. Я опустился на дно и что было сил оттолкнулся от него. Через секунду всплыл над водой и увидел прямо перед собой смеющегося Лёшку. Вероятно, он подумал, что я играю с ним. Тем более что меня не было на поверхности всего пару секунд. И тут я вновь ушёл под воду, так как не сумел удержаться на плаву, как ни барахтал руками.

Когда я второй раз оттолкнулся ото дна и всплыл, моему взору предстала огромная волна, которая вот-вот должна была накрыть нас обоих.

– Зажми нос! – успел я крикнуть Лёшке и ушёл под воду в третий раз. Теперь массив воды с силой подхватил меня и куда-то унёс – то ли к берегу, то ли в море – этого я понять не мог. Но на этот раз я уже не достал до дна. И понял, что надо хоть каким-нибудь любым возможным и невозможным способом *плыть*, чтобы выжить.

Секунд десять у меня ничего не получалось. Я беспомощно барахтался в воде. Видел солнце сквозь толщу воды, но не мог выплыть наверх. Очередная волна толкнула меня непонятно куда и вдруг я как-то оказался на поверхности. Лёшка был в паре метров от меня. Теперь он не улыбался, а настороженно смотрел вокруг, явно ища меня глазами.

– Лёшка! – буркнул я, не в силах совладать с лёгкими. – Я здесь.

Он обернулся и – улыбнулся. А я начал грести руками, что было сил. И в какой-то момент я подплыл к нему и обхватил его ниже круга. Похоже, он не понял, что со мной произошло, и ни капли не испугался. Чтобы не испугать его собственной реакцией на произошедшее, я постарался улыбаться и делать вид, что ничего не произошло.

– Поплыли к берегу! – тем не менее сказал я. И несмотря на протесты Лёшки, стал подталкивать его к берегу. Наконец, ногами я упёрся в дно и теперь смог выбраться сам и вытащить сына.

Катя рассматривала на фотоаппарате сделанные снимки.

– Я так и думала, – бросила она, мельком взглянув на меня и ничего не распознав в языке моего тела, – не любишь море. Вы там, наверно, и двух минут не провели.

– Правда?

В этот момент к нам подбежал молодой человек в плавках со спасательным кругом в руках.

– Ну как? – он запыхался и говорил отрывисто. – Вы выбрались?

Катя посмотрела на него с удивлением.

– Вы не умеете плавать? – продолжал опрашивать меня, насколько я догадался, пляжный спасатель. – А вы же что не позвали на помощь?

Он обратился к Кате, которая вся как бы говорила: о чём это вы?

– Ваш муж чуть не утонул! Вы что, не видели?

– Да ладно! Он ведь... – она не договорила, видимо, вспомнив в эту секунду, что я не умею плавать. – О, Господи! Ты как?

– Слава Богу! – я постарался её успокоить и не устраивать сцен. И поблагодарил спасателя: – Спасибо! Я не собирался заходить далеко в воду, но меня унесла большая волна.

– Не за что! – ответил он. – Повнимательнее в следующий раз, тем более с ребёнком. А малышу лучше нарукавники надувные купите, потому что бывают случаи, когда дети выскользывают из круга.

Он развернулся и пошёл прочь.

– На рынке нарукавники по двести рублей. Купите обязательно!

Я стоял растерянный, лишённый сил и уверенности в себе. Кажется, у меня даже подрагивали колени. Лёшка уже обо всём забыл и набирал песок в пластиковое ведёрко. Катя стояла передо мной и боязливо смотрела мне в глаза. Я ждал от неё извинений за то, что она тупо забыла, что я не умею плавать, и не следила за мной. Но вместо этого она произнесла:

– Так странно: ты тонул, а я тебя даже не сфотографировала...

– Вот хохма была бы! – сам не знаю, как я так отреагировал на её слова. – Прикинь, новость: девушка-фотограф запечатлела смерть своего мужа в море! И в интервью ты такая говоришь: мне удалось сделать такие чёткие снимки, потому что я использовала длиннофокусный объектив с функцией автофокуса!

– Да хватит! – она ударила меня кулаком в грудь, упала ко мне в объятия и заплакала.

– Ну ладно, ладно! Всё позади! – я постарался её успокоить.

В этот момент удар чудовищной силы обрушился мне на спину. Я даже вскрикнул от боли. Оказалось, что это Лёшка приложил меня со всей своей пятилетней силой лопаткой для песка.

– Папа, ты зачем маму обидел! – предъявил он мне.

Катя поняла, в чём дело, и поспешила утихомирить бойца.

– Лёш, папа меня не обижал! Я плачу от счастья, что мы на море.

– А, тогда ладно, – ответил он и безо всяких извинений вернулся к экскавации песка и строительству огромного замка.

– Это нормально? – спросил я у Кати и жестом указал на отпрыска. – Даже не извинился!

Катя засмеялась и вновь уткнулась ко мне во объятия. Мы простояли так минуты три, молча. Но в конце Катя выиграла игру «скажи последнее слово»:

– Только это не длиннофокусный объектив, а обычный!

– Тьфу ты! – я натурально сплюнул на землю. – Всё, пока, я пошёл пиво пить. Созрешь до семейной жизни – позвони!

С этими словами я пошёл прочь – забивать точками ментальную карту керченских пивных.

Занятный факт №12

Самое крепкое пиво в мире содержит 65% спирта. Для этого воду из напитка буквально вымораживают, прогоняя жидкость по ледяным желобам

И только на четвёртой кружке я наконец осознал, понял, уяснил невероятную в своей мощи истину: я научился плавать! Я научился плавать! И – да, мы живём в Крыму! Всё-таки как здорово, что я сегодня не утонул.

Эпилог

– Вот ты где!

Я обернулся и застал перед собой Катю. Она была чудо как хороша в свете южного заката. Этот макияж, эта укладка. Я хотел признаться ей в любви, но она опередила меня:

– Нет, так не пойдёт!

– Что? – опешил я. Секунду назад я думал, что она меня поцелует.

– «Здорово, что я сегодня не утонул». Что это за концовка такая? Никто из знаменитых писателей так не заканчивал своих произведений. Даже Сартр старался хоть какой-то эффект произвести, а публицист из него, как из капусты хамон. «Первым делом я отращу усы» – или как там у него в «Детстве хозяина».

– В «Тошноте», – поправил её я.

– В «Детстве хозяина»! – поправила меня Катя. – «Тошнота» заканчивается фразой «завтра в Бувиле будет дождь».

– Да? А я думал, так «Герострат» заканчивается.

– Нет, это из «Тошноты». А «Геростат»: «Я швырнул револьвер на пол и открыл дверь». Эх ты, не лелеешь Сартра в кармане! Хватит пить пиво – иди концовку романа переписывай!

Я послушно допил светлый «Пикер» (Пиво КЕРченское) и побрёл с Катей домой. Лёшка, в виде змеи, трижды перевернувшейся в клубок, смотрел мультики, свесившись с дивана вниз головой, в гнезде из трёх одеял. Наспех перекусив омлетом, я сел за концовку и подумал: а ведь у меня куча недосказанных историй в романе. Завершу-ка я их все в виде нескольких разных эпилогов.

Взять, к примеру, Майкла Скиннера. Про него во втором томе вообще ни одного слова! А ведь в первой части он половину сюжета занимал. Ну хорошо – треть. Но факт в том, что я вообще про него ничего не сказал. Сидит сейчас где-нибудь в Майами, плачет, бедный...

Эпилог 1

Он сидел на берегу океана и горько плакал. Сзади к нему подошёл мускулистый мужчина, весь покрытый растительностью с головы до пят. Из-под рубашки на груди у него торчали чёрные, как смоль, волосяные заросли. Такие плотные, что на них могли бы прыгать, как на батуте, дети до четырнадцати лет. Мужчина подошёл к Майклу Скиннеру – а это был не кто иной, как он, – и приобнял его сзади:

– Ничего, ничего! – негромко заметил он. – И это пройдёт.

– Да ничего не пройдёт! Они уже в Крым переехали. У них ребёнку пять лет. Вон он уже по-английски разговаривает. А обо мне – ни единого слова за весь второй том! Ну что за фигня, Азатот, а? Я даже не знаю, что там за история с планом побега в Беларусь. Чушь какая-то.

– А вот и не чушь, – возразил демон. – Там очень интересная история получалась. Если в двух словах, тебе на хвост должны были сесть федералы, а так как ты изучал курсы побега в Беларусь, то нужные люди вывезли бы тебя через Канаду в Вильнюс, а затем в Минск.

Азатот вздохнул.

– Жаль, что ничего не вышло. Я бы таких дел в Беларуси наворотил...

– Да чего можно наворотить-то! Там же население, как в округе Колумбия, на площади штата Техас.

Искусситель печально воззрился на Скиннера.

– Сразу видно, что ты *не* проходил курсы по изучению Беларуси. Ладно, округ Колумбия – это шутка, конечно, потому что там живёт всего четыре тысячи человек. Но вот с площадями ты всё напутал. Площадь Техаса в три с половиной раза превышает площадь Беларуси. И ничего ты вообще не понимаешь в *ворочении дел*.

– Да? Ну и что бы ты там наворотил? Теракт устроил?

– О-о! – рассмеялся Азатот. – Я бы втёрся в доверие к президенту, он бы во всём стал измену видеть, начал бы гайки закручивать, военных прессовать. В ответ народ бы стал бунтовать, а милиция избивала бы людей палками и сажала в воронки.

Демон мечтательно поглядел на небо, по которому плыли плюшевые молочные облака.

– Потом бы случилась революция, внедрение европейских ценностей, открытие порно клубов – эх, какая бы жатва была!

Он с силой ударил кулаком по ограде набережной.

– А со мной бы что было? – Скиннер даже приподнялся с горячего места и как бы потянулся к наставнику.

– О! – восторженно ответил Азатот. – Тебя бы сначала приняли как узника демократии, носили бы на руках, звали в президентский дворец. Ты бы стал помощником министра культуры, затем бы создал собственный департамент, а после революции – занял бы пост премьер-министра. Лоббировал бы гей-парады, легализовал бы соитие с малолетними, раскрутил бы местный неонацизм – эх, не страна была бы, а готовый котёл. Но, видишь, как бывает...

– А как бывает? – Скиннер поднялся и почти обнял демона, лишь бы не отпустить его от себя.

– Эй-эй! – Азатот брезгливо отмахнулся от Майкла, как если бы смахивал с рукава гусеницу. – Да никак не бывает! Всё, закрыли страницу. Ты отработанный материал, о тебе больше и не вспомнит никто. Ты никому не нужен, неужели ты этого до сих пор не понял?

– А тебе? – взмолился Скиннер, раболепно прижимаясь к коленям искусителя.

– Мне в первую очередь не нужен! – хохотнул он. – Зачем мне безвольный кутёжник, который ради роскоши и вечеринок готов подвергать опасности здоровье и жизнь других людей. Тебя и совращать-то не надо – ты сам по себе подонок. Только когда телешоу вёл – тобой можно было крутить, как телячьим хвостом. А теперь ты отработанный материал. Жмых. Просто будешь тлеть в предбаннике ада вдали от настоящих злодеев! Потому что райской прохлады не заслужил, а до истинного бесовского пекла не дорос.

Скиннер распластался на песке, а Азатот подвёл черту:

– Ни то ни сё – средняя душонка. У тебя даже никакой особой идеи не было. Вон ангарский маньяк. Он подвозил ночью одиноких женщин и убивал только тех из них, которые соглашались: – он загибал пальцы: – а) с ним выпить, б) вступить с интимную связь. Всех остальных просто довозил до дома, пальцем не трогал. Такой джентльмен бесовского мира. А ты что? Тебе всё равно что пить, что нюхать, с кем спать. Ты беспринципная мразь. Единственная польза от тебя – что через твоё описание можно проникнуть во внутренний мир того Михаила, лучше понять его и в итоге – совратить его.

– А что, его так сложно совратить?

Азатот рассмеялся:

– Его-то? Четыре месяца без секса – с ним любой мой подмастерье справится!⁹

– А со мной-то что будет?

⁹ Слышь, ты, Азатот! Во-первых, не четыре, а три! Не зря говорят: отец лжи, даже в деталях приврёшь! Во-вторых – ты на учеников не спихивай, давай сам попробуй – посмотрим, чья возьмёт!

– Слушай, чувак! Да ничего хорошего с тобой не будет! На что может рассчитывать человек, который радовался, что его беременную девушку задавило грузовиком?

Скиннер ошарашенно отбрыкнулся от покровителя:

– Так ты сам мне в этом помог!

– Потому что ты меня призвал! – ехидно заметил искуситель. – А для чего ты это сделал? Ради богатства и славы, вот и результат. Ладно, задержался я тут с тобой!

Он протянул ему ладонь для рукопожатия. Бледный Скиннер, не понимая происходящего, потянул свою руку в ответ. Азатот же напутствовал бывшего протеже:

– Давай, хрен с тобой! – и вместо рукопожатия ударил его коленом между ног.

Эпилог 2

Сатиновые простыни расплавились под жаром их телом. На двоих им было всего тридцать пять, и они впервые познали радость любовной близости. Некоторое время они быстро-быстро дышали, затем бесконечно долго говорили, а когда из-за туч появилась бледно-оливковая луна, она спросила у него:

– А это правда, что ты однажды пропустил меня вперёд и пялился на мою попу?

Она хихикнула.

– Что? – не мог вспомнить такого парень. – Подожди, о чём это ты?

– Ну мы однажды шли из парка в кафе, на перекрёстке было много народу, и ты пропустил меня вперёд. А навстречу шли двое мужиков¹⁰, и один из них подошёл и сказал, что ты глаз не сводил с моей попы, пока мы переходили дорогу.

– Вспомнил! – вспомнил юноша и даже присел на кровати. – Но я не сводил! В смысле – не смотрел! Я тебе и в тот раз это сказал! И сейчас повторяю.

– А зачем же тогда тот мужик¹¹ уверял, что ты прям пялился! – резонно спросила девушка.

– Да, может, они это поспорили! Типа: спорим, не сможешь сейчас подойти вон к той парочке и сказать, что парень пялился на её попу. Я и сам так, бывает, шучу, когда мы с Витей НКВД гуляем.

– Правда? – не поверила девушка. – Ну-ну.

Впрочем, оппонент не стал настаивать на своей версии, так как в конечном счёте это было не в его пользу. Тем более он не знал, что именно после тех самых слов, брошенных случайно случайным прохожим, его возлюбленная обрела наконец уверенность в себе. Поскольку раньше она про себя сомневалась, что нравится ему. Но та мимолётная фраза – будь она правдой или шуткой – в один миг всё поставила на свои места.

После вторичного познания радостей плоти девушка спросила:

– А, кстати, почему Витя – НКВД?

– «Не всех карт достаёт» – аббревиатура такая. Это мы на английском пословицы проходили, и одна из них про тупого человека, что у него в колоде не всех карт хватает. Тут Тоша и пошутил: это же Витя – не всех карт достаёт. И сообразил сразу: НКВД. Вот с тех и прилипло.

Короткая пауза.

¹⁰ Чего это «мужиков» сразу? Можно было бы сказать: двое ребят, ведь мы тогда совсем молоды были, между прочим!

¹¹ Разве что Паша действительно постарше меня будет.

– Так «не всех карт достаёт» – это НВКД.

Парень про себя прочёл первые буквы.

– Блин, точняк!

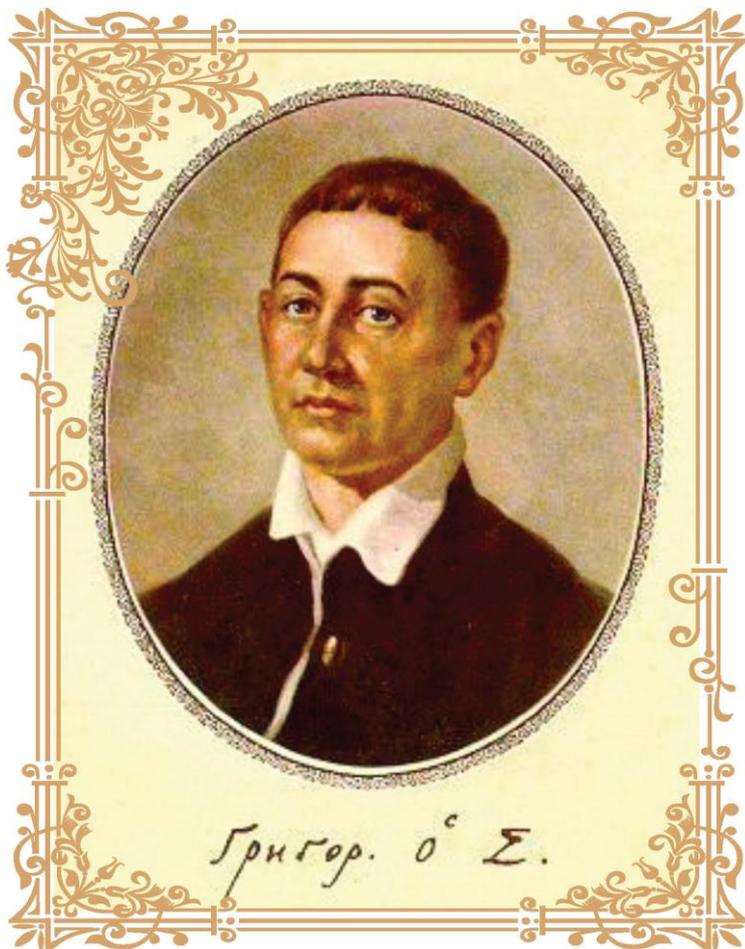
Ещё долго перед сном никак не могло уместиться в его голове, что Тоша не так аббревиатуру прочёл. Но уже во сне растворились все его друзья, и он с возлюбленной шёл по той же дороге из парка в кафе. На пешеходном переходе он пропустил её вперёд – и смотрел по сторонам, чтобы ниоткуда не выехала машина. А затем, уже на тротуаре, мимо них шли двое мужчин. Один из них направился к девушке, но – сон, как мы знаем, решает многие проблемы, волнующие нас днём, – не заметил открытого люка и юркнул туда с ловкостью белки.

И вот, во сне, тот парень оказался на том свете. Но вместо рая или ада это оказался обычный супермаркет, только очень светлый. Вот прошёл умерший стеллаж со средствами для бритья, с прокладками и презервативами, прошёл стеллаж с керамической посудой и ароматическими свечами, и вдруг – стеллаж, в котором все полки заполнены поэтом Александром Блоком. В буквальном смысле десятки Блоков сидели, лежали и полустояли везде, где смогли. Только выглядел поэт не совсем так, как обычно. Сзади и вокруг ушей у него всё было выбрито почти до кожи, на манер украинских молодцев. И тот парень, который свалился в люк и сейчас оказался здесь, поприветствовал его стихами:

– Живи ещё хоть четверть века – всё будет так, исхода нет!

На это поэта лицо скривилось в жеманной гримасе.

– Какой же ты тупой, Паша! – совсем не лирично ответил он. – Я не Блок. Я – Григорий Саввич Сковорода, украинский философ. Ты меня точно видел на курсе религиозной философии. Мою литографию тебе лично показывал в книге Виктор Иванович Дружинин, мой друг. Кстати, когда его хоронили – твой дружок, Кожаев, вместо того, чтобы помолиться за

душу наставника, стоял в соборе и сетовал, что машина забрызгала его новое пальто, паскуда!

– Да я молился! – провалился я в тот же люк от стыда.

– Молился, но и сетовал! – подняли вверх пальцы Сковороды.

– Да я не держу на тебя зла! – возник из-за угла Виктор Иваныч Дружинин, преподаватель философии. И сел на ближайшего Сковороду.

– Какой абсурд! – взмолился спящий. – Я же тут вообще никого не знаю! Вообще не вдуплю, что происходит.

– Так, – ему ответили все вместе хором, – ты своё получил, теперь спи!

Но вместо этого парень проснулся.

– Что за реникса!

Эпилог 3

– Дорогой, а почему у нас такая платёжка большая?

Василий Иванович Онливанов – а именно он купил квартиру у уехавшей в Крым семьи – подошёл к жене на кухню. Взял со стола кружку кофе со сливками, сделал глоточек.

– Давай я посмотрю. Так, – он начал водить по строкам в квитанции. – Так. Действительно, странно. Мы за двушку платили вдвое меньше. Гм.

Он пробежался глазами по документу ещё раз.

– Постой-ка! – его взгляд зацепился за что-то неординарное. – Посмотри на количество комнат. Тут указано не 3, а 4 комнаты!

Девушка внимательно посмотрела в то место на платёжке, куда ей указывал супруг. Не переводя взгляд с документа, они молча переглянулись¹².

Онливанов взял жену за руку и повёл её в кабинет. Там он включил компьютер и загрузил сайт кадастра и картографии. Нашёл свою квартиру и открыл официальный план БТИ. Также молча они изучили схему и, не сговариваясь, обернулись. Перед ними стоял книжный шкаф, который прежний владелец не успел распродать и откуда он увёз с собой всего несколько книг.

С проворством, достойного более юного возраста, супруги вытащили и разложили на полу стопки книг, после чего отодвинули шкаф. За ним оказались старые обои – не те, какими была оклеена остальная часть комнаты. Мужчина поддел ногтем край бумаги и отодрал обои первым же движением. Там оказалась старая дверь.

Онливанов толкнул дверь раз, другой – и на третий она с грохотом отворилась. Взгляду поражённых супругов представилась совершенно пустая комната с окном, выходящим на другую сторону дома – на живописное озеро с красивой набережной, фонарями, уточками и кормящими их хлебом семьями.

– Джекпот! – потирал руки Василий Иванович. – Мы сорвали джекпот! Нюрка, ты понимаешь?

– Не называй меня так! – жена стукнула его по спине.

– Сегодня можно! – Он обернулся и схватил её за плечи. – Анюта, ты понимаешь? Они ни разу сюда не вошли, потому что не знали, что квартира четырёхкомнатная! Это как в «Гарри Поттере»: тайная комната! И открылась она только нам! А этот охозя¹³ прожил тут с семьёй три года и всё это время платил за комнату, о которой даже не подозревал! Я сбегая за шампанским. Заодно позвоню ему, порадую! Ахахах!

Уже в коридоре, обувая ботинки, он набрал номер и после двух гудков затараторил:

¹² Ахахах: «Не переводя взгляд с документа, они молча переглянулись».

¹³ Неологизм автора, который он вечно продвигает в своих произведениях. Поищите в интернете.

– Михаил, здравствуйте, это Василий Иванович. Я у вас квартиру купил. Нам сейчас платёжка пришла не на три, а на четыре комнаты. И я... Что? Подождите!

Онливанов изобразил удивление.

– Гм, повесил трубку. Ну и Господь с ним! Сейчас маме позвоню. И ты своим позвони!

Он обулся, поцеловал жену и побежал вниз по ступенькам.

Эпилог окончательный

Господь со мной! И со всеми вами! Аминь!

СОДЕРЖАНИЕ

40	Велосипед в светлое будущее	3
41	Рождество	7
42	Тишайший	10
43	Чёрная Смородина	14
44	Залог бессмертия	21
45	Поместье сгорело	31
46	Праздники продолжаются	36
47	Маньяк маньяков	44
48	Переезд	54
49	Много тирсоносцев, да мало вакхантов	
50	Замечательный день	71
51	Одурь	84
52	Трикотационный цеплёнок	92
53	Темонта без фонарём	99
54	Если бы лошади были плотоядными	122
55	Все секреты обязательно откроются	133
56	С высоты лет всё превратится в рапид	140
57	Самый счастливый человек на земле	153
58	Один из многих несчастных людей на земле	157
59	В полный рост	172
60	Одна сплошная шуть	183
61	Литературный триумф	196
62	Вторник. Кремль. Крым	203
63	Митридатская лестница	207
64	Шестьдесят четвёртая гексаграмма	215
	Эпилог	219
	Эпипоги	220

Абсурдистко-визионерское издание

Миахил КОАЖЕВ
(псевдоним Михаила КОЖАЕВА)
В КОЖАЕВСКОМ
МИРЕ ЦЫГАН

Том 2

Полную историю походов автора
по миру вымысла и мечтаний читайте на сайте:

<https://m-kozhaev.ru>

Косогория, 2022